
РОДЖЕР
ЖЕЛЯЗНЫ
ОСТРОВ МЕРТВЫХ

Умереть в Италбаре

Роджер Желязны

УМЕРЕТЬ В ИТАЛБАРЕ
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6

УМЕРЕТЬ В ИТАЛБАРЕ

Глава 1

В ночь, выбор на которую пал много месяцев назад, Малакар Майлс пересёк улицу под номером семь, пройдя под фонарём, разбитым им накануне днём.

Ни одна из трёх лун Бланчена ещё не взошла. Небо было затянуто лёгкими облачками, и редкие звёзды казались тусклыми и слабыми.

Глянув вдоль улицы и вдохнув аэрозоль из баллончика, защищавшего лёгкие в непривычной атмосфере, он двинулся вперёд.

На нем были чёрные одежды с прорезными карманами, запечатанными статическим электричеством. Пересекая улицу, он проверил, легко ли они расстёгиваются. Выкрасив всё тело в чёрный цвет три дня назад, Малакар Майлс был почти незаметен в тени.

На крыше здания на противоположной стороне улицы под номером семь сидел Шинд, двухфутовый меховой шар. Он не шевелился и не мигал.

Прежде чем подойти к служебному входу номер четыре, Малакар определил три ключевые точки в дюриллихтовой стене и ухитрился деактивиро-

вать их сигнальные устройства, не прервав цепь. На дверь номер четыре ушло больше времени, но всё же через пятнадцать минут он был уже внутри здания, погружённого в абсолютную темноту.

Он надел очки, зажёг свой специальный фонарик и пошёл в глубь здания по проходам между контейнерами, наполненными одинаковыми блоками оборудования. В последние месяцы он много практиковался в разборке нужных секций именно этого оборудования.

— Человек-охранник проходит перед зданием.

— Спасибо, Шинд.

Через некоторое время:

— Он повернул на улицу, по которой ты шёл.

— Дай мне знать, если он сделает что-нибудь необычное.

— Он просто идёт и посвечивает фонариком в тёмные углы.

— Предупреди, если он станет останавливаться там, где останавливался я.

— Прошёл первое место.

— Хорошо.

— Прошёл второе.

— Отлично!

Малакар открыл один контейнер и снял с находившейся внутри машины деталь размером в

два кулака.

— *Он остановился у входа. Проверяет дверь.*

Малакар возобновил работу по замене изъятой детали другой, принесённой им с собой. Время от времени он останавливался, чтобы вдохнуть бодрящий аэрозоль из баллончика.

— *Он уходит.*

— *Хорошо.*

Закончив работу, он поставил на место и закрепил крышку контейнера.

— *Скажи мне, когда он скроется из вида.*

— *Скажу.*

Малакар вернулся к служебной двери номер четыре.

— *Он ушёл.*

Ушёл и Малакар Майлс, останавливаясь только у ключевых точек, чтобы уничтожить всё следы своего визита.

Пройдя три квартала, он помедлил на перекрёстке и огляделся. В небе полыхнуло красным — садился ещё один транспортный корабль. Пока что идти было нельзя.

Бланчен не был обычным миром…

Пока Малакар оставался внутри скопления кварталов двенадцать на двенадцать и не возбудил какое-нибудь специальное устройство

в дюриллихтовых стенах зданий, он был в относительной безопасности. Внутри каждого комплекса находилось обычно несколько людей-охранников, а команды роботов патрулировали несколько комплексов сразу. По этой причине он и прятался в тени, избегая свисавших с каждого здания фонарей, свет которых служил ориентиром для низколетящих ночных скиммеров и охранников.

Ничего не заметив на перекрёстке, Малакар снова углубился в комплекс и поспешил к месту встречи.

— Справа. Один блок справа и два вперёд. Механокар. Поворачивает за угол. Иди прямо.

— Спасибо.

Он пошёл, считая повороты.

— Механокар уже далеко.

Соблюдая осторожность, он вернулся на один блок назад, свернул под прямым углом, прошёл три блока и замер, услышав звук летающей машины.

— Где она?

— Оставайся на месте. Тебя из неё не видно.

— Что это?

— Скиммер средних размеров, он прилетел с севера на большой скорости. Сбавил скорость.

Парит над улицей, где ты был.

— Боже!

— Снижается.

Малакар сверился с хронометром на левом запястье, подавил стон и ощупал рукоятки многочисленных орудий убийства, которыми был обвешан.

— Приземлился.

Он ждал. Некоторое время спустя:

— Из скиммера вышли двое. Кажется, больше внутри никого не осталось. К ним подходит охранник.

— Откуда он идёт? Не из здания?

— Нет. С другой улицы. Похоже, он ждал их. Разговаривают. Охранник пожимает плечами.

Малакар чувствовал биение сердца и изо всех сил старался контролировать дыхание — как бы не переполнить лёгкие непривычной атмосферой Бланчена. Он вдохнул ещё раз аэрозоль, шагнул. Небо над головой прорезали два транспортных корабля — один летел на юго-восток, другой — на запад.

— Команда садится в скиммер.

— Охранник?

— Просто стоит. Ждёт.

Он насчитал двадцать три удара сердца.

— Скиммер поднимается. Очень медленно. Дрейфует над фронтоном здания.

Несмотря на прохладный ночной воздух, Малакар почувствовал, как на его высоком чёрном лбу выступили капельки пота. Он смахнул их указательным пальцем.

— Они парят. Какая-то активность. Не могу определить, чем они занимаются. Слишком темно… Вот! Свет. Они починили фонарь, который ты разбил. Они уходят в том направлении, откуда пришли.

Огромная фигура Малакара затряслась. Он смеялся.

Потом он возобновил путь к месту встречи, которое он выбрал с величайшей тщательностью, потому что Бланчен не был обычным миром…

Кроме охранников и сигнальных систем, на различных высотах действовала система воздушного наблюдения. Вчера вечером, при спуске, его корабль эффективно блокировал её и, скорее всего, сделал то же самое при подъёме. Малакар проверил хроно и вдохнул ещё немного очищающие лёгкие пары. Он не позаботился о том, чтобы кондиционировать организм в атмосфере Бланчена, как сделали это жившие здесь охранники, рабочие и техники.

Меньше сорока минут…

На Бланчене не было морей, озёр, рек и ручьёв. Не осталось ни следа местной жизни — только атмосфера свидетельствовала о том, что когда-то тут что-то существовало. В какой-то момент недавней истории бытовало мнение, что неплохо было бы привести планету в божеский вид. Предложение это было отвергнуто по двум причинам: непомерные расходы на оживление планеты и, главное, то, что её обитаемости была противопоставлена разумная альтернатива. Консорциум промышленников и владельцев звездолётов заявил, что сухая атмосфера сделает планету идеальным местом для устройства на ней склада. Консорциум предложил первооткрывателям стать их полноправными партнёрами при условии, что они застроят и заселят планету.

Теперь Бланчен походил на миллионноглазый дюриллихтовый ананас. Тысячи грузовых звездолётов постоянно крутились вокруг него, а между ними и тысячами причальных доков курсировали транспортные корабли, привозя и увозя грузы. Три луны Бланчена превратились в диспетчерские центры и места отдыха.

В зависимости от выпуска продукции и потребностей какого-либо определённого мира

принадлежащие ему доки и складские комплексы либо кипели активностью, либо оживлялись время от времени, либо вообще бездействовали. Команды докеров перебрасывались с места на место в зависимости от того, где в них нуждались. Платили людям хорошо, на условия жизни грех было жаловаться. Но, хотя обладание складскими местами означало деньги и длительную сохранность товаров, их межпланетная перевозка обходилась катастрофически дорого.

Из-за этого товары, пользующиеся малым спросом, могли лежать без движения годами и даже столетиями. Здание, которое навестил Малакар, не открывалось вот уже без малого два земных месяца. Зная это, он не предвидел особых затруднений, если только то маленькое дельце, о котором он пронюхал, не провёрнут с излишней поспешностью.

Диспетчерские центры были перегружены работой, а бортовой компьютер его крохотного личного звездолёта «Персей» был набит прекрасными навигационными программами, и Малакар чувствовал, что не слишком рискует, покидая ДИНАБ и вступая на территорию Объединённых Лиг, Бланчен. Если его обнаружат и убьют, то тем самым докажут, что он не прав. Ес-

ли его схватят и не убьют, у них не будет другого выхода, кроме как отослать его домой. Правда, сначала его допросят под воздействием лекарств, чтобы выяснить, что он успел сделать, и поспешить исправить это.

Но если его поймают здесь, на Бланчене, во время…

Он тихо хмыкнул.

…Птичка могла бы клюнуть ещё раз, располовинив другого червячка.

По хроно оставалось ещё минут пятнадцать.

— Где ты, Шинд?

— Над тобой, охраняю.

— ЭТО, Шинд, должно получиться.

— Если судить по твоим описаниям, получится.

Над ними, курсом на восток, промелькнуло три транспортных корабля. Малакар долго смотрел им вслед.

— Ты устал, Командор, — сказал Шинд, вспомнив о субординации.

— Нервная усталость, только и всего, Лейтенант. Как сам?

— Немного устал. Моя главная забота, конечно, о брате…

— Он в безопасности.

— Знаю. Но он не вспомнит наших увещеваний. Сначала ему станет одиноко, потом — страшно.

— С ним ничего не случится, и скоро мы будем вместе.

Ответа не последовало. Малакар вдохнул аэрозоль и стал ждать.

В полудрёме (как долго?) он услышал:

— Вот! Вот он!

Улыбнувшись, он потянулся и посмотрел вверх, зная, что ещё несколько мгновений не увидит того, что заметили глаза Шинда.

Корабль упал, словно паук, и висел, как фестивальный воздушный шар, пока Шинд залезал внутрь. Потом он спустился ниже и протянул Малакару посадочный стержень. Малакар ухватился за него и был тут же втянут в брюхо «Персея». По пути он заметил маску Медузы с улыбкой Моны Лизы, которую нарисовал сам. Ему нужна змея, но придётся пока довольствоваться червячками.

Малакар сплюнул в люк как раз перед тем, как тот закрылся, и попал на стену здания под ним.

* * *

По дороге в Италбар Гейдель фон Хаймак наблюдал, как умирают его спутники. Их было девять

— все добровольцы — кто решил сопровождать его сквозь дождевые леса Клича к городу в горах Италбару, где в нем нуждались; к Италбару, что за тысячу миль от космопорта. Чтобы добраться туда, Гейдель нанял сначала воздушное такси. Такси сломалось, он вынужден был приземлиться и поведать свою историю колонистам на берегу реки Барт, которые наткнулись на него, кочуя на запад. Теперь только пятеро осталось из тех девяти, кто, не слушая его возражений, отправились с Гейделем. Один из этих пяти уже начал потеть, другой — покашливать.

Гейдель огладил рукой песочного цвета бороду и снова принялся продирать свои чёрные ботинки сквозь густую. поросль, скрывавшую то, что должно было быть тропой. Он вспотел, рубашка прилипла к спине. Он прекрасно помнил, что предупреждал спутников об опасности совместного путешествия.

Они слышали о нем, слышали, что он — святой и цель его жизни — помощь страждущим.

— Последнее верно, — сказал он им, — но не думайте, что, отправившись со мной, наберёте лишние очки в счёт небесного благословения.

Они рассмеялись и сказали, что дело не в этом, что они будут охранять его от диких зверей и

показывать дорогу.

— Ерунда! Укажите мне нужное направление, и я обязательно попаду, куда надо, — сказал он им тогда. — Моё общество сулит вам множество опасностей.

Но они рассмеялись снова и не показали ему дороги до тех пор, пока он не согласился взять их с собой.

— Нельзя быть со мной слишком долго — это верная смерть! — протестовал он.

Они были непреклонны. Он вздохнул. — Ну что ж, тогда покажите мне такое место, где я смогу побыть сутки в одиночестве.

Драгоценное время будет потеряно, но я должен постараться защитить вас, если уж вы не можете по-другому.

Они выполнили его просьбу, а потом танцевали друг с другом и радовались, что примут участие в таком великом приключении.

Гейдель фон Хаймак, зеленоглазый святой со звёзд, молится о них и об успехе путешествия!

Два или три дня пути пешком, сказали они ему, и Гейдель решил вызвать искусственное очищение тела. В Италбаре умирала девочка, и он стал измерять минуты её дыханием.

Голубая Леди велела ему подождать, но он ду-

мал об этом дыхании и о сокращениях большого сердца, которое было когда-то маленьким. Он выступил в путь через пятнадцать часов, и это оказалось ошибкой.

У двух его компаньонов началась лихорадка, но усталость и изнуряющая жара джунглей замаскировали её. Они испустили дух в полдень второго дня, и Гейдель не смог определить, от какой из многочисленных болезней они скончались. Откровенно говоря, он не очень-то и старался. Если человек умирал, вопросот чего? — приобретал академический оттенок. Вдобавок ко всему, спешка его была так велика, что он не простил своим спутникам даже времени, затраченного на церемонию похорон. Недовольство его удвоилось следующим утром, когда двое из оставшихся семи не проснулись, и ему ещё раз пришлось наблюдать те же ритуалы. Помогая рыть могилы, он проклинал их на незнакомых языках.

Безумные весельчаки — так он привык рассматривать их уже не смеялись. Их рубиновые глаза были теперь широко раскрыты и смотрели беспокойно. Шесть их пальцев тряслись, извивались, щёлкали. Они начали понимать. Слишком поздно.

Но два или три дня… Кончался уже третий, а

гор всё не было видно.

— Глэй, где же горы? — спросил он того, который кашлял. Где Италбар?

Глэй пожал плечами и показал вперёд.

Солнце, огромный жёлтый шар, было почти невидимо с тропы. Свет его иногда пробивался сквозь листья, но те участки земли, которых он не достигал, хлюпали от сочившейся из-под земли влаги и были устланы неприятными на вид грибами. Мелкие животные или большие насекомые — он не знал, кто именно стремглав уносились с тропы, крались за ними, трещали в кустах и ползали по ветвям. Крупных животных, о которых его предупреждали, они так и не увидели, хотя Гейдель часто слышал вдалеке шипение, свист и лай. Время от времени совсем рядом раздавался треск чего-то огромного, продирающегося в зарослях.

Парадокс происходящего не ускользнул от него. Он пришёл спасти одну жизнь, и это стоило жизни уже четверым.

— Леди, ты была права, — пробормотал он, вспомнив свой сон.

Прошёл ещё час, и упал полузадушенный кашлем Глэй, чья оливковая кожа приобрела оттенок окружающей листвы. Гейдель подошёл

к нему и сразу всё понял. Будь у него несколько дней для подготовки, он спас бы его. С другими у него не получилось, потому что его собственное очищение не было полным. Он не достиг равновесия. Уже глядя на первого мертвеца, он понял, что все девять обречены. Он помог устроить Глэя поудобнее, дал ему воды и посмотрел на хроно. От десяти минут до полутора часов таково было его предположение.

Гейдель вздохнул и зажёг сигару. Она неприятно воняла. Влага добралась-таки до неё, а грибки Клича ничего не имёли против никотина. Дым пах чем-то вроде серы.

Глэй посмотрел на него, и взгляд этот должен был обвинять. Но вместо этого Глэй сказал:

— Спасибо, Гейдель, что ты позволил нам принять участие в деле наравне с собой.

И улыбнулся.

Гейдель вытер капли пота с его лба. Умер Глэй через полчаса.

На этот раз, роя могилу, он не бормотал ругательства, а всматривался в лица оставшихся четверых. То же самое выражение.

Они пошли с ним, как будто по вдохновению. Ситуация изменилась, и они приняли её. Они приняли её не отрешённо, но с улыбкой. Гейдель

видел, что они всё знают. Они знают, что умрут, не дойдя до Италбара.

Как и любой человек, Гейдель уважал благородное самопожертвование. Но напрасные смерти!.. Без всякой причины… Он знал — и они тоже — что мог бы добраться до Италбара в одиночку. Здесь не было хищников, от которых нужно было отбиваться; тропа ясно видна. Как славно было бы стать простым геологом, как в тот день…

Двое умерли после завтрака, во время которого ели мало. К счастью, это была лихорадка мауль, неизвестная до этого на Кличе — она вызывает внезапную остановку сердца и скручивает мышцы лица жертвы в улыбку.

У обоих глаза остались открытыми. Гейдель закрыл их сам.

Живые приступили к делу, и Гейдель не стал прерывать их, когда увидел, что они роют не две, а четыре могилы. Он помог копать, а потом ждал вместе с ними. Ждать пришлось недолго.

Покончив и с этим, он снова взвалил на плечи рюкзак и пошёл дальше. Он не оглядывался, но могильные холмики продолжали стоять перед его глазами. Очевидная грубая аналогия не могла не прийти на ум. Жизнь его — тропа. Могилы — символы сотен, нет, наверное, тысяч мертве-

цов, оставшихся позади. Люди умирали от его прикосновения. Дыхание его опустошало города. Там, куда падала его тень, не оставалось ничего.

Однако он мог и лечить болезни. Вот и сейчас он взбирался по склону именно с этим намерением.

День, казалось, стал ярче, хотя Гейдель знал, что уже далеко за полдень. В поисках ответа он огляделся и увидел, что деревья вокруг стали ниже, а просветы между листьями больше. Лучи солнца пробивались сильнее, и здесь были даже цветы — красные и пурпурные, окольцованные золотом — они лепились к качающимся лианам. Тропа пошла вверх круче, но трава, хватавшая его за ноги, стала короче, и меньше крошечных созданий разбегалось с его пути.

Через полчаса он мог уже видеть дальше, чем с любой предыдущей точки путешествия. На целых сто местров стал виден ближайший путь. Преодолев это расстояние, он впервые увидел над головой просвет в листве, а в нем — огромную чашу бледнозеленого неба. Через десять минут он был уже на открытом месте и, обернувшись, смог рассмотреть волнующееся море ветвей, по дну которого только что прошёл. В четверти мили впереди и выше виднелась вершина холма, на которую он, оказывается, карабкался. Мелкие

облачка висели над ней. Обходя выступающие скалы, он подошёл к вершине.

Оттуда он увидел то, что показалось ему последним этапом путешествия. Спуск в несколько десятков метров, примерно час пути по ровному дну долины, чуть-чуть поднимающейся к дальнему концу, и крутой подъём на высокий холм или низкую гору. Он отдохнул, пожевал, попил и пошёл дальше.

Пока Гейдель шёл, ничего не случилось, но он вырезал себе посох.

Пока он взбирался по дальней тропе, похолодало, и солнце покатилось к горизонту. Гейдель достиг середины склона, дыхание его стало судорожным, а мускулы болели и от подъёма и от дневного напряжения. Теперь он мог видеть горизонт — над лесным морем кружились стервятники.

Он стал почаще присаживаться для отдыха, и когда дошёл до вершины, в небе загорелась первая вечерняя звезда.

Он подгонял себя, пока не очутился на широком гребне верхней точке длинной серой скалистой гряды; к этому времени ночь полностью вступила в свои права. У планеты Клич не было спутников, но звёзды сияли, как факелы за хрусталём, а за

ними в неисчислимом количестве пенились, пульсировали меньшие звёзды. Ночное небо светилось голубизной.

Тщательно высматривая, куда поставить ногу, он прошёл оставшееся расстояние и увидел огни, огни, огни, и множество чёрных силуэтов, которые могли быть только домами, зданиями, движущимися машинами. Ещё два часа, подумал он, и я смогу пройти по этим улицам, обгоняя обитателей мирного Италбара. Может быть, я остановлюсь в какой-нибудь приветливой гостинице, поём, выпью, посижу с кем-нибудь за столиком… Потом он посмотрел назад, подумал о пройдённом пути и понял, что не может позволить себе этого — войти в город. Однако видение Италбара именно в этот момент будет преследовать его все оставшиеся дни жизни…

Сойдя с тропы, он нашёл ровное место, где можно было устроить постель. Он заставил себя съесть и выпить столько, сколько мог вместить желудок. Он готовил себя к тому, что должно было произойти.

Он причесал волосы и бороду, справил телесные потребности, закопал свою одежду и залез в спальный мешок.

Он растянулся во весь свой шестифутовый рост,

крепко прижал руки к бокам, сжал зубы, бросил быстрый взгляд на звёзды и закрыл глаза.

Через некоторое время линии на его лице разгладились, челюсть безвольно отвисла. Голова скатилась к левому плечу. Дыхание стало глубже, замедлилось, освободилось совсем, возобновилось позже, но трудно было назвать это дыханием.

Когда голова его перекатилась на правую сторону, могло показаться, что лицо покрыто слоем прозрачной смолы, или идеально подогнанной стеклянной маской. Потом проступил пот, и капельки как бриллианты заблестели в его бороде. Лицо начало темнеть. Оно стало красным, потом багровым, рот открылся, из него вывалился багровый язык, и дыхание вырывалось громкими всхлипами, а из уголка рта бежала слюна.

По телу Гейделя пробежала дрожь, он свернулся в клубок и начал непрерывно трястись. Дважды его глаза резко открывались и, ничего не увидев, медленно закрывались. Изо рта пошла пена, тело застонало. Кровь капля за каплей вытекала из ноздрей и засыхала на усах. Иногда он что-то неразборчиво бормотал. Тело окаменело, расслабилось, и неподвижно лежало до следующего припадка.

Голубоватый туман скрыл ноги, клубился вокруг, словно он шёл по снегу, который был в десять раз легче обычного. Туманные извивы закручивались, плыли, рвались, спутывались и распутывались. Не было ни тепла, ни холода, не было звёзд вверху, только бледно-голубая луна неподвижно висела над царством вечных сумерек. Слева от него росли кусты ярко-синих роз, возвышались голубые скалы.

Обойдя скалы, он вышел к ступенькам ведущей вверх лестницы. Поначалу узкие, они расширялись, и он скоро потерял из виду их концы. Он шёл по лестнице, сквозь голубое ничто.

И вошёл в сад.

Там росли кусты всех оттенков синего, и лианы карабкались на что-то, похожее на стены, хотя он не был уверен в этом, — лианы росли слишком густо — и беспорядочно понаставлены были каменные скамейки.

Клочья тумана добрались и сюда, они еле двигались, почти висели. Он услышал над головой пение птицы. Другая ответила ей из зарослей лиан.

Он пошёл вглубь, мимо больших обломков чего-то, сверкав,ших, как полированный кварц. Вокруг танцевали игрушечные радуги, и сияние

это привлекало огромное количество синих бабочек. Они роились, метались из стороны в сторону, присаживались на мгновение и снова взлетали.

Далеко впереди Гейдель увидел едва различимый силуэт чего-то столь огромного, что размеры показались бы ему невероятными, сохрани он способность критически воспринимать окружающее.

То, что он увидел, было фигурой женщины, наполовину спрятанной среди чудес голубизны, женщины, чьи волосы, иссиня-чёрные, взметались к небесам у самого горизонта, чьих глаз он не видел, а скорее, чувствовал, как будто они смотрели на него со всех сторон одновременно. Черты женщины оживляли этот мир, были его ДУШОЙ. И от осознания этого пришло к нему чувство неограниченной мощи и невероятной сдержанности.

Он вошёл глубже в сад, и она исчезла. Осталось её присутствие.

Перед ним, за высоким кустом, находилось что-то вроде летнего домика. Он приближался к нему, и свет угасал. Он вошёл в него, и свет угас, и снова родилось в нем горестное чувство, что обречён он увидеть изредка улыбку, дрогнувшую ресничку, мочку уха, прядь волос, отблеск голубых лучей

луны на беспокойном запястье или предплечье, но ни разу не смог он — и не сможет — заглянуть ей в лицо, объять глазами всю её необъятность.

— Гейдель фон Хаймак, — слова пронеслись, но не в полный голос, а шёпотом, доходившим до разума куда лучше голоса.

— Леди…

— Ты не послушался меня. Ты поторопился.

— Я знаю! Знаю… Когда я бодрствую, ты кажешься нереальной, как и место, где обитаешь.

Он услыхал её тихий смех.

— Ты владеешь лучшим, что могут дать два мира, а это редкость для человека. Пока ты здесь, со мной, в этом приятнейшем из садов, тело твоё бьётся в агонии, терзаемое миллионами ужасных болезней. Но проснёшься ты освежённым и единым целым.

— Да, на какое-то время, — ответил он, усаживаясь на одну из скамеек и откидываясь измученной спиной на шершавый камень.

— И когда это время свежести и целостности пройдёт, ты вернёшься сюда, если захочешь (что это? — отблеск лунного света или её чёрных, чёрных глаз) — для обновления.

— Да, — сказал он. — Что происходит, пока я здесь?

Он почувствовал прикосновение кончиков пальцев на щеках.

Восторг захлестнул его.

— Разве здесь ты не был счастливейшим из существ?

— Да, Мира-о-арим. — И повернул он голову, и поцеловал кончики её пальцев. — Но кажется, ещё что-то, кроме болезней, остаётся позади, когда я вхожу сюда… что-то, что непременно должно оставаться в памяти… но я не могу вспомнить этого…

— Всё идёт, как предопределено, *дра* фон Хаймак… Но оставайся же со мной, пока тело твоё не обновится, потому что токи тела твоего должны сбалансироваться, чтобы оно смогло выполнить возложенную на него миссию. Ты знаешь, что можешь покинуть это место, когда захочешь. Но я посоветовала бы дождаться моего разрешения.

— На этот раз я дождусь. Скажи мне, Леди…

— Что сказать тебе, дитя моё?

— Я… я вспомню… Я…

— Не изнуряй свой разум. Это бесполезно…

— Дейба! Вот одно имя из тех, что я искал. Расскажи мне про Дейбу!

— Нечего рассказывать, дра. Это крошечная планетка в заброшенном уголке Галактики. Ни-

что не привлекает к ней внимания…

— Ты ошибаешься… Святилище? На высоком плоскогорье?

Вокруг — разрушенный город. Само святилище под землёй, не так ли?

— Во Вселенной много таких мест.

— Но это — особенное. Правда?

— Да, особенное, но особенности его жутки и печальны, выкормыш Земли… Один-единственный землянин смог принять то, что он там встретил.

— Что это было?

— Нет, — сказала она и коснулась его ещё раз.

Он услышал музыку, простую и тихую, и она запела для него. Он не расслышал, а если и расслышал, то не понял пропетых ею слов, но голубые туманы закружились вокруг, возникли запахи, и тихий экстаз… Когда он очнулся снова, вопросов уже не осталось…

* * *

Доктор Ларион Пелс вывел корабль на орбиту вокруг планеты Лавона и передал послание в её Медицинский Центр, Центр Иммиграции и Натурализации, и Статистический Центр. Потом он сложил руки и стал ждать.

Ему ничего не осталось делать, как сложить

руки и ждать. Он не ел, не пил, не облегчался, не чувствовал боли. Плоть не угнетала его. Сердце его не билось. Наполнявшие его тело сильнейшие химические реагенты — вот что стояло между доктором Пелсом и разложением. И ещё кое-что.

Одним из этих «кое-что» была силовая система, вживлённая в его тело. Она позволяла ему двигаться, не тратя при этом своей собственной энергии (хотя он ни разу не спускался ни на какую планету, потому что его сверхмаломощные движения были бы тут же парализованы силой тяготения, превратив его в живую статую, наиболее подходящим названием для которой стало бы «Коллапс»). Система эта, питая мозг, одновременно стимулировала его, давая возможность высшим мыслительным процессам идти непрерывно.

Поэтому доктор Пелс был намертво прикован к космосу и обречён на непрерывный процесс мышления. Доктор. Пелс — изгнанник из мира живых, странник, человек, постоянно ищущий и постоянно ждущий… по нормальным стандартам — ходячий мертвец.

Другая причина, поддерживавшая его на ходу, была не столь материальна, как миниатюрная система жизнеобеспечения. Тело его было за-

морожено за несколько секунд до наступления клинической смерти, а через неделю после этого прочитано завещание.

Так как человек замороженный «ещё не достиг статуса человека мёртвого» (Гермс против Гермса, 18, 777С, №087-3424), он может «распоряжаться своим имуществом путём предыдущего проявления намерений, то есть точно таким же образом, как и человек спящий» (Найс и др. против Найса, 794С, №14-187-В). Согласно этому, несмотря на бурные протесты нескольких поколений родственников, всё состояние доктора Пелса было обращено в наличные, а наличные потрачены на покупку корабля галактического радиуса действия с полной медицинской лабораторией, и на то, чтобы перевести самого доктора Пелса из неодушевленно-замороженного состояния в состояние ледяной неподвижности. Вместо того, чтобы в не нарушаемом сновидениями сне ждать проблематического открытия-которое-спасёт-его-и-вернет-здоровье, доктор Пелс решил, что он ничего не имеет против бесконечного пребывания в состоянии, на десять секунд отстоящем от клинической смерти, если только это не помешает ему продолжать свои исследования.

— Подумайте только, — сказал он однажды,

— о всех тех людях, которые пребывают сейчас в десяти секундах от смерти, и не знают этого. Я искренне желаю им испытать в этот момент как раз то, что они любят больше всего.

Доктор Пелс больше всего любил патологию, причём самого экзотического сорта. Иногда он гонялся за новой болезнью буквально по всей Галактике: Десятилетиями публиковал он блестящие статьи, открывал потрясающие лекарства, писал учебники, читал лекции студентам из своей орбитальной лаборатории, рассматривался в качестве главного претендента на Медицинскую Премию всеми галактическими академиями (по слухам, каждая из них называла его лауреатом только из боязни, что это сделает другая).

Он имел неограниченный доступ к банкам медицинской памяти на любой цивилизованной планете, к которой приближался. Любая информация, за редчайшим исключением, также была к его услугам.

Паря над лабораторными столами — изможднный, безволосый, бледный, как высохшая кость, шести с половиной футов ростом, с тонкими пальцами, регулирующими пламя горелки или сжимающими вакуум-сферу, доктор Пелс казался идеально подходящим для выполнения своей

главной миссии — изучения многокрасочных форм смерти. Стоит ещё сказать, что хотя он и в самом деле не мог испытывать ни наслаждений, ни страданий плоти, но ещё одно удовольствие было доступно ему кроме работы.

Чем бы он ни занимался, везде его сопровождала музыка. Лёгкая музыка, классическая — она звучала вокруг него постоянно. Онемевшее тело ощущало мелодию, слушал ли он или игнорировал её. Не исключено, что некоторым образом музыка заменяла ему и биение сердца, и дыхание, и все другие едва слышимые шумы человеческого тела, воспринимаемые людьми как нечто изначально данное… Какова бы ни была причина, вот уже много лет он не существовал без музыки.

Окружённый музыкой, со сложенными руками, он ждал. Посмотрел он и на Лавону, повисшую над ним в своей тёмно-коричневой прелести, тигрицу в ночи. Потом он обратил разум к другим делам.

Вот уже два десятка лет боролся он с одной особенной болезнью. Осознав, что в данный момент времени он находится там же, где и начал, Пелс решил изменить угол атаки: найти того единственного человека, который выжил, и выяснить, почему он выжил.

Задумав это, он направил корабль в центр Объединённых Лиг — на вращающиеся вокруг звезды Квале миры Солон, Элизабет и Линкольн — миры искусственные, проектированные самим Сандо.

Только тут мог он проконсультироваться с гигантским компьютером Панотам о вероятном местонахождении человека, обозначенного им пока как X, но чью личность он уже с уверенностью установил. Информация должна быть в памяти компьютера, хотя мало кто знал, как именно следует задать машине нужный вопрос.

По дороге сюда доктор Пелс останавливался на разных планетах, чтобы задать те же вопросы — удача сэкономила бы уйму времени. Может быть, на СЭЛе придётся ждать доступа к компьютеру целый год — основные программы, касающиеся здоровья миллионов, имели автоматический приоритет.

Так что он избрал окольный путь к СЭЛу, центру Объединённых Лиг. Концерты струились вокруг него, инструментарий для исследования смерти был приведён в полную готовность. Он сомневался, что вообще сможет достигнуть СЭЛа, или что нужда в этом станет неодолимой. Из двадцатилетней борьбы с *мвалахаран кхурр*, дейбианской лихорадкой, он сделал вывод, что сможет найти

нужные ему следы там, где обычный человек увидит изолированные друг от друга явления. Он был уверен, что найдёт по этим следам нужного человека, и выведает у него, каким же оружием можно казнить ещё одного Джека-Потрошителя.

Темп музыки увеличивался, и в десяти секундах от вечности доктор Пелс обнаружил зубы в белой, белой усмешке. Скоро, скоро получит он ответ от ночной тигрицы…

* * *

Когда он проснулся, хронометр показал, что прошло двое с половиной суток. Он сел, схватил флягу с водой и жадно припал к ней — после катарсис-комы всегда ужасно хотелось пить. Утолив жажду, он почувствовал прилив сил — каждая клеточка его организма пела в полной гармонии с окружающим миром.

Такое равновесие держалось обычно несколько дней…

Прошло ещё пять минут, и он заметил, какое в этот день приятное безоблачное утро.

При помощи воды и носового платка он поспешно очистил тело. Потом одел чистую одежду, скатал постель, нашёл свой посох и отправился в путь. Тропа шла под гору, и он принялся на-

свистывать. Казалось, что через лес шёл кто-то другой, много лет назад. Меньше чем через час он шёл уже по ровной земле, мимо первых домов и скоро, сам того не заметив, очутился на главной улице маленького городка.

Он остановил прохожего и спросил, где больница. Потом он задал этот же вопрос на втором главном языке планеты и получил в ответ не пожатие плечами, а направление — десять кварталов, никаких проблем.

Приближаясь к восьмиэтажному зданию больницы, он извлёк из кармана узкую хрустальную полоску. Подключённая к компьютеру, она скажет врачам всё, что им нужно знать о Гейделе фон Хаймаке.

Однако, когда он вошёл в задымлённую, замусоренную приёмную, то обнаружил, что представляться нет надобности. Регистраторша, брюнетка средних лет, облачённая в какую-то серебристую, перетянутую на талии поясом хламиду, вскочила и подбежала к нему. На цепочке вокруг её шеи болтался экзотический местный амулет.

— Мистер Х! — воскликнула она. — Мы так волновались! Говорили, что…

Он прислонил посох к вешалке.

— Малышка…

— Люси всё ещё держится, слава богам. Мы слышали, что вы летели сюда, потом радиосвязь прервалась, и…

Трое других обитателей приёмной — двое мужчин и одна женщина — не сводили с него глаз.

— Минутку.

Она вернулась к своему столу, нажала несколько кнопок на панели и заговорила в микрофон:

— Пошлите кого-нибудь в приёмную встретить мистера Х. И ему: — Садитесь.

— Спасибо, я постою.

Она снова посмотрела на него, и взгляд её голубых глаз почему-то заставил его почувствовать себя неуютно.

— Так что же случилось? — спросила она.

— Потеря мощности в нескольких системах сразу, ответил он, глядя в сторону. — Мне пришлось посадить машину на брюхо и остаток пути пройти пешком.

— Далеко?

— Да.

— Столько времени, и ни единого сообщения… Мы уже начали думать, что…

— Прежде чем войти в город, мне нужно было предпринять кое-какие медицинские предосторожности.

— Да, да, конечно… Мы все так рады, и я надеюсь, что…

— И я тоже, — сказал он, и на мгновение перед его глазами встали девять могил на тропе.

Открылась одна из дверей, из неё вышел человек, заметил его, шагнул вперёд.

— Хелман, — сказал он, протягивая руку. — Я лечу эту девочку, Дорн.

— Тогда вам захочется познакомиться вот с этим, — сказал Гейдель и протянул ему сверкающую полоску.

Доктор был примерно пяти с половиной футов ростом и очень розовый. То, что осталось от его волос, клочьями свилось на висках. Гейдель заметил, что, как и у всех знакомых ему врачей, ладони и ногти Хелмана казались самыми чистыми из всего, что находилось в помещении. Его правая рука, украшенная браслетом непривычной формы, вцепилась в плечо Гейделя и повлекла его в дверь. Сам врач при этом говорил:

— Давайте найдём свободный кабинет и обсудим наш случай.

— Знаете, я ведь доктор не медицинских наук.

— Не знаю, но полагаю, что это не имеет значения если вы — Х.

— Да, я — Х, но мне бы не хотелось, чтобы эта новость стала всеобщим достоянием.

— Понимаю, — сказал Хелман, волоча его за собой по длинному коридору. — Естественно, гарантировано и наше полное содействие.

Он остановил встречного в белом.

— Прогоните это через компьютер, передал он ему пластинку. — Результаты — в семнадцатый кабинет.

— Сюда, пожалуйста, — сказал он Гейделю. — Садитесь…

Они сели у большого стола. Гейдель зацепил пальцем пепельницу, подтянул к себе и вытащил из кармана заплесневевшую сигару. Он поглядел в окно на зелёное небо и на скорчившуюся на пьедестале в углу комнаты статуэтку местного божка с большой тщательностью вырезанную из какого-то желтоватого материала.

— Вы восхищаете меня, — сказал врач. — О вас писали столько раз, что мне кажется, будто я знаю вас лично. Ходячее антитело, живой склад лекарств…

— Можно сказать и так, но это было бы сверхупрощением. При соответствующей подготовке я действительно могу вылечить почти любую болезнь, если она не зашла слишком далеко.

С другой стороны, моё собственное состояние можно рассматривать двояко. Правильнее будет сказать, что я — живой склад болезней, которые могу привести в некое подобие равновесия. Достигнув этого равновесия, я могу лечить. Только тогда. В остальное время я очень опасен.

Доктор Хелман снял с рукава чёрный волосок и аккуратно разместил его в пепельнице. Гейдель улыбнулся, думая о том, кем же он выглядит в глазах доктора.

— Неужели у вас нет никаких предположений о механизме подобной трансформации?

— Трудно быть в чем-то уверенным, — ответил Гейдель, раскуривая сигару. — Может показаться, что в любом новом месте я нахожу новую болезнь и заболеваю ею, но природный иммунитет не даёт развиться худшим симптомам. Я выздоравливаю… Потом, при определённых обстоятельствах, сыворотка моей крови лечит эту болезнь.

— Что это за обстоятельства… подготовка, о которой вы говорите?

— Я погружаюсь в кому, — начал Гейдель, — вызывая её по своему желанию. В это время мой организм каким-то образом очищается. Это занимает от полутора до нескольких суток. Мне

говорили… — он замолчал и несколько раз быстро затянулся сигарой. — Мне говорили у меня проявляются все самые ужасные симптомы всех болезней, которыми я переболел. Не знаю… В моей памяти ничего не остаётся… В такие дни я должен быть один — болезни становятся чрезвычайно заразными.

— Ваша одежда…

— Первым делом я раздеваюсь. После выхода из комы тело моё никому не угрожает, и я одеваюсь в чистое.

— Как долго этот… баланс… длится?

— Обычно пару дней, потом я возвращаюсь… медленно. Равновесие смещается, и я становлюсь всё… заразнее… смертоноснее… до следующего катарсиса.

— Когда вы последний раз вышли из комы?

— Я проснулся всего несколько часов назад и ещё ничего не ел. Воздержание от пищи каким-то образом продлевает безопасный период.

— Так вы не голодны?

— Нет. Вообще-то я чувствую себя сильным… мощным, если угодно. Но жажда… Мне и сейчас очень хочется пить.

— Охладитель в соседней комнате, — вставая, сказал Хелман. — Я покажу.

Гейдель положил сигару в пепельницу и тоже встал. В двери кабинета они столкнулись с человеком, с которым Хелман разговаривал раньше. В одной руке он держал пачку распечаток с компьютера, в другой — конверт, в котором, как подозревал Гейдель, находилась его хрустальная визитная карточка. Доктор Хелман жестом указал Гейделю охладитель и, когда тот согласно кивнул, вернулся в кабинет.

Гейдель начал наполнять и опорожнять маленький бумажный стаканчик. При этом он заметил, что на стенке охладителя нарисован крохотный зелёный стратрианский значок, который должен приносить счастье.

Где-то между пятнадцатым и двадцатым стаканчиком к Гейделю подошёл доктор Хелман, держа в руке всё ту же пачку распечаток. Протягивая Гейделю его хрустальную пластинку, он сказал:

— Давайте возьмём вашу кровь прямо сейчас. Не будете ли вы так добры пройти со мной в лабораторию?

Гейдель кивнул, бросил стаканчик в мусорную корзину, вложил пластинку в футляр и вместе с доктором подошёл к старомодному лифту.

— Шестой, — сказал доктор в стену.

Лифт закрыл дверцы и двинулся вверх.

— Очень странно, — сказал Хелман через некоторое время, указывая на бумаги.

— Да, я знаю.

— В этих докладах упоминается, что одно только ваше присутствие способно остановить болезнь и повернуть её течение вспять.

Гейдель потянул себя за мочку уха и уставился на носки ботинок.

— Так оно и есть, — сказал он наконец. — Я не упоминал об этом раньше, чтобы вы не заподозрили меня в шарлатанстве, но это правда. То, что болезни лечит моя кровь, можно, по крайней мере, объяснить с научной точки зрения. А вот другое необъяснимо.

— Ну, девочку Дорн мы будем лечить всё-таки сывороткой, — сказал Хелман. — Просто мне интересно, не согласитесь ли вы поучаствовать в одном эксперименте?

— Что это за эксперимент?

— Посетить вместе со мной всех моих безнадёжных пациентов. Я представлю вас как коллегу. Потом вы поговорите с ними. О чём угодно.

— Буду счастлив.

— Вы уже знаете, что произойдёт?

— Это зависит от болезни, которой страдает

человек. Если я уже переболел ею, он может выздороветь. В случае, если сильно повреждены внутренние органы, скорее всего, ничего не изменится.

— Вам уже приходилось проделывать такое?

— Да, много раз.

— Сколькими болезнями вы болели?

— Не знаю. Я не всегда даже осознаю, что болен, и не вполне представляю, что именно гнездится в моем организме. Вы хотите попробовать лечить моим присутствием, — сказал Гейдель, когда лифт остановился и дверь открылась. — Это интересно. Почему бы не попробовать на неизлечимых мою сыворотку?

Хелман покачал головой.

— Доклады говорят мне только о том, против чего помогла сыворотка в прошлом. Так. что я готов использовать её — постараться использовать — на девочке Дорн. В этом списке нет ни одной болезни из тех, какими страдают мои излечимые, а рисковать я не намерен.

— Однако вы не отказываетесь от второго варианта.

Хелман пожал плечами.

— У меня вообще мало предрассудков, да и риска тут никакого. Ваше появление не принесёт

моим пациентам никакого вреда, по крайней мере, на этой стадии… Лаборатория через холл.

Пока лаборант готовился взять у него кровь, Гейдель смотрел в окно. В утреннем свете гигантского солнца он увидел четыре церкви четырёх разных религий и, кроме того, деревянное здание с плоской крышей, фасад которого был обвешан разноцветными жертвенными ленточками. Здание это очень походило на то, что стояло в деревне на берегу реки Барт… Высунувшись наполовину из окна и прищурившись, он разглядел справа по дороге ещё одну постройку — святилище Пей'ан. Гейдель поморщился и отвернулся от окна.

— Закатайте рукав, пожалуйста.

* * *

Джон Морвин играл в бога.

Он прошёлся пальцами по клавиатуре управления и приготовился родить мир. Осторожно… Радужная дорога от той скалы к той звезде ведёт ЗДЕСЬ. Да. Но рано. Ещё рано.

На стоящей рядом постели юноша пошевелился, но не проснулся. Морвин дал ему понюхать ещё газа и вернулся к работе.

Он провёл указательным пальцем под краем покрывавшей его голову корзины, чтобы

избавиться от капелек пота на лбу и вернувшейся чесотки в области правого виска. Потом он огладил свою рыжую бороду и погрузился в размышления.

ЭТО было пока ещё далеко от совершенства, далеко от того, что описал мальчик. Закрыв глаза, он глубже заглянул в дремлющий рядом мозг. Мозг этот плыл в направлении, которое он считал правильным, но чувства, настоящего чувства, в нем не было.

В ожидании он открыл глаза, чтобы ещё раз посмотреть на хрупкое тело спящего — роскошные одежды, тонкие, почти женские черты лица — на которое была надета копия его корзины, соединённая с ней множеством проводов. Омываемый потоком содержащего наркотик воздуха, шевелился воротник… Он сжал губы и нахмурился, не столько от неудовольствия, сколько от зависти. Больше всего в жизни он сожалел о том, что не вырос среди богатства, что его не баловали, не портили, не сделали мотом. Он всегда хотел быть мотом, но теперь, когда мог позволить себе это, обнаружил, что для получения радости от мотовства ему не хватает соответствующего воспитания.

Он повернулся и посмотрел на пустой хрусталь-

ный шар около метра в диаметре, проткнутый в нескольких точках жерлами форсунок.

Нажми нужную кнопку, и он заполнится кружащимся вихрем пылинок. Введи в компьютер нужный код, и вихрь застынет навеки…

Он снова проник в объятый сном мозг юноши, который в очередной раз сбился с пути. Пришло время подействовать на него более сильными стимулами, чем раньше.

Он щёлкнул переключателем, и юноша услышал свой собственный записанный голос — так он говорил, описывая свой сон. Образы тут же сместились, и Морвин почувствовал, как в спящем мозге появилось ощущение правильности происходящего, ощущение исполненного желания.

Он нажал нужную кнопку, и форсунки зашипели, тут же щёлкнув другим переключателем, и связь его мозга с мозгом сына клиента прервалась.

Затем, соединив в едином усилии свою абсолютную зрительную память и телекинетические способности, которые только он один из всех мог использовать таким образом, Морвин спроецировал свой мозг на роящиеся внутри хрустального шара частички, швырнул внутрь него ключевое

мгновение сна, выхваченное из мозга того, кому он снился, его форму и цвет — сна, всё ещё пронизанного мальчишеской восторженностью и удивлением, и там, внутри шара, чуть не раздавив другую кнопку, он заморозил сон навеки. Ещё одна кнопка — и форсунки вышли из шара. Ещё одна — и шар наглухо запечатался. Никто не сможет проникнуть внутрь него, не уничтожив самого сна. Ещё один выключатель и смолк записанный голос. Как всегда, Морвин обнаружил, что его бьёт дрожь.

Он сделал ЭТО ещё раз!

Морвин включил воздушную подушку, убрал из-под шара подпорки, и тот поплыл. Он убрал чёрный фоновый занавес и включил скрытое освещение, приспособив его так, чтобы свет равномерно падал на шар со всех сторон.

Взору его предстала несколько пугающая картина: нечто похожее на человека по-змеиному обвилось вокруг оранжевых скал, которые и сами были частью этого нечто; и глядело оно на самого себя, на то место, где соединялось с камнем; наверху небо частично скрывалось за вскинутой рукой; радужная дорога вела от скалы к звезде; рука мокра от влаги, похожей на слёзы; голубоватые формы парили внизу.

Джон Морвин внимательно изучил застывшую картину. Он увидел её телепатически, изваял телекинетически, сохранил механически. Он не знал, какую юношескую фантазию представляла собой картина, его это не заботило ни в малейшей степени. Она существует, и этого достаточно. Психическое истощение, душевный подъём, удовольствие, которое он чувствовал, рассматривая своё творение — этого было достаточно, чтобы сказать, что акт созидания удался.

Иногда его мучили сомнения — является ли в действительности искусством воплощение фантазий других людей? Действительно он владел уникальной комбинацией таланта и необходимого оборудования, чтобы материализовать сон клиента. Верно и то, что получал он за свою работу сногсшибательные гонорары, но ему нравилось думать о себе, как о художнике. Если уж не мот, то — Художник! Художник, решил он, обладает столь же развитым самомнением и эксцентричностью, как и мот, но к этим качествам у него добавляется способность чувствовать и сопереживать, и поэтому он не может относиться к людям с безразличием. Но если он не настоящий художник…

Морвин снял корзину, потряс головой, прочи-

щая её, и яростно почесал правый висок.

Ему приходилось делать сексуальные фантазии, сонные мирные ландшафты, кошмары для сумасшедших королей, галлюцинации для психоаналитиков. Никто не отзывался о его работе иначе, как с горячей похвалой. Портрет — надёжное искусство. Но Морвин часто задумывался о том, что получится, если он соберётся запечатлеть свои собственные сны.

Поднявшись, он выключил и снял все датчики с тела юноши по имени Абс. Потом взял со стола трубку со старой эмблемой, выгравированной на его чашке, погладил её пальцами, набил, зажёг.

Включив сервомеханизмы, медленно повернувшие кушетку со спящим на ней юношей в наклонное положение, Морвин уселся рядом. Всё готово. Он улыбался сквозь дым и прислушивался к чужому дыханию.

Умение подать товар… Он снова превратился в бизнесмена, в продавца, расхваливающего выставленное на витрине. Первое, что увидит проснувшийся Абс — эффектно расположенный объект. Голос Морвина, сзади, разрушит очарование каким-нибудь обыденным замечанием, и магия — сломанная — спрячется в глубинах подсознания зрителя. Следует надеяться, что это

повысит привлекательность объекта.

Шевеление руки. Покашливание. Начатый жест, который так и не кончился…

Морвин ждал примерно шесть секунд, потом спросил:

— Нравится?

Юноша ответил не сразу, но когда всё-таки ответил, слова его были словами маленького мальчика, а не того разочарованного в жизни юнца, каким он заявился в студию. Пропали куда-то едва скрываемое презрение, поддельная усталость, гнетущая покорность родителю, который решил, что хрустальный шар будет идеальным подарком ко дню рождения сына, которому вроде бы как и желать уже нечего.

— Вот это да! — сказал он.

— Следует ли понимать эти слова так, что вы довольны?

— Боже! — Юноша встал и подошёл к шару. Он вытянул руку, но так и не прикоснулся к его хрустальной поверхности.

— Доволен ли я? Да это просто шедевр!

Он вздрогнул и некоторое время стоял молча. Когда он повернулся, по лицу уже блуждала прежняя ухмылка. Морвин улыбнулся ему в ответ, левым уголком рта. Мальчишка ушёл в

прошлое.

— Приятная штуковина, — сказал разочаровавшийся в жизни юнец, и небрежно махнул рукой в сторону шара. — Отправьте его и пошлите счёт отцу.

— Прекрасно.

Абс направился к выходу. Морвин встал и открыл для него дверь. Юноша остановился перед Морвином, бросил на него пристальный взгляд и ещё один, всего один раз глянул на шар.

— Мне бы хотелось посмотреть, как вы делаете это. Плохо, что мы не догадались записать вас на плёнку.

— Это совсем неинтересно, — сказал Морвин.

— Может быть… Ну что же, до свидания.

Руки Абс не предложил.

— До свидания, — ответил Морвин и долго смотрел юноше вслед. Да, хорошо быть испорченным.

Алисия Курт, секретарша, кашлянула из приёмной, привлекая к себе внимание.

— Пусть Дженсен упакует его и отправит, — высунувшись из дверного проёма, сказал Морвин. — А вы выпишите и пошлите чек.

— Да, сэр, — ответила секретарша и скосила глаза в сторону.

Морвин проследил за её взглядом.

— Сюрприз, — бесстрастным голосом сказал сидящий у окна человек.

— Майкл? Что ты тут делаешь?

— Захотелось настоящего кофе.

— Заходи. Сейчас вскипятим.

Человек неспешно встал, и его исполинская фигура, белый мундир и светлые волосы в сотый раз напомнили Морвину о давних эпохах и продвижении ледников.

Они вернулись в студию, и Морвин принялся за поиски двух чистых чашек.

Майкл в это время неслышными шагами пересёк комнату и рассматривал теперь последнее творение Морвина.

— Нравится?

— Да. Одна из лучших. Для сына Арнита?

— Да.

— Самому-то ему понравилось?

— Сказал, что понравилось.

— Хм-м, — Майкл направился к маленькому столику, за которым Морвин иногда принимал еду.

Морвин налил кофе, и они отхлебнули по глотку.

— На этой неделе открывается охота на лам-

акка.

— О, — сказал Морвин, — я и не подозревал, что уже время… Сам-то собираешься?

— Подумываю о будущем воскресенье. Поднимемся до Синего Леса, переночуем там. Может, даже подстрелим парочку.

— Заманчиво. Я с тобой. Ещё кто-нибудь идёт?

— Вроде бы Йорген собирался.

Морвин кивнул и затянулся из трубки, старательно прикрывая пальцем эмблему на ней. Иорген — гигант с Ригеля и Майкл с Хонси во время войны служили в одном экипаже. Пятнадцать лет назад он пристрелил бы каждого из них при первом же удобном случае, а теперь доверил бы им прикрывать свой тыл с пистолетом. Теперь он ел, пил, шутил с ними, продавал свои творения их друзьям. Эмблема ДИНАБ, Четвёртого Космофлота, пульсировала под его пальцем. Морвин покрепче прижал её, чувствуя, как волнами накатывается стыд за то, что он вообще решил скрыть её от хонсийца. Если бы мы победили тогда, всё было бы по-другому, и никто не винил бы Майкла за то, что он носит своё боевое кольцо эмблемой к ладони, или на цепочке вокруг шеи. Человек имеет право прожить жизнь так, как ему хочется. Останься я тогда в ДИНАБ, пришлось

бы мне до сих пор жонглировать электронами в какой-нибудь лаборатории за нищенскую плату.

— Сколько тебе осталось до пенсии? — спросил он.

— Три года. Ещё есть, на что надеяться.

Майкл откинулся в кресле и вытащил из кармана кителя распечатку новостей.

— Похоже, что один из твоих друзей совсем не собирается в отставку.

Морвин взял газету, пробежал глазами.

— О чём ты? — спросил он, чтобы протянуть время.

— Вторая колонка. Примерно в середине.

— «Взрыв на Бланчене»… Эта?

— Да.

Морвин внимательно прочитал заметку.

— Боюсь, я не совсем понимаю, — сказал он, и забытое чувство, похожее на гордость, захлестнуло его. Он постарался удержать его там, внутри.

— Твой старый командир, Малакар Майлс. Кто же ещё?

— «Шестеро убитых, девять раненых… Восемь приборов уничтожено, двадцать шесть повреждено», читал он. — «На месте преступления не найдено никаких следов. Отдел приступил к расследованию».

— Если нет никаких следов, почему ты подозреваешь Капитана?

— Содержимое склада.

— Что именно?

— Высокоскоростные речевые передатчики.

— Я не вижу…

— Раньше они производились только на планетах ДИНАБ. Эти же передатчики были первыми, сделанными в Объединённых Лигах.

— Значит, они и сюда пролезли…

Майкл пожал плечами.

— Мне почему-то кажется, они имеют такое же право делать их, как и ДИНАБ, который просто не успевает производить нужное количество. Поэтому некоторые промышленники из ОЛ взялись запустить линию. Это была первая партия. Ты же знаешь, что это очень точные инструменты — одни из немногих, что ещё собираются и настраиваются практически вручную. Уйма квалифицированного ручного труда и, соответственно, умопомрачительная цена.

— И ты думаешь, без Капитана не обошлось?

— Все *знают*, что это его рук дело. Он занимается этим вот уже много лет. Он забыл, что война давно кончилась, договор подписан…

— Нельзя же ловить его на территории ДИНАБ!

— Нельзя. Но кто-нибудь скоро обязательно отважится — человек, уставший от того, что уничтожают его собственность, убивают друзей или рабочих.

— Его уже пытались поймать, и ты знаешь, чем это кончилось.

— Знаю! Он может довести нас до большой беды.

— Предположим, Отдел поймает его здесь, в ОЛ, всаживающим нож в чью-то спину… его выдадут ДИНАБ?

— Ты должен знать ответ!

Морвин опустил глаза.

— Когда мы разговариваем, — произнёс он наконец, — то не говорим о таких вещах.

Майкл скрипнул зубами и вытер рот тыльной стороной ладони.

— Да, — сказал он, приказ ещё в силе. Мы должны будем выдать его. Потом мы пошлём ноту в ДИНАБ-Центральный, но она никак не повлияет на судьбу их единственного оставшегося в живых капитана Космофлота. Теоретически мы можем добиться обратной выдачи, но никогда не найдём столько свидетелей, сколько для этого нужно. Если бы только они не сделали его тогда представителем на Первой Конференции СЭЛ!

Теперь это выглядит так, словно они планировали всё это заранее, а теперь науськивают его! Есть два пути: первый — убедить его, что война давно кончилась, второй — лишить дипломатической неприкосновенности. Ситуация запутана до крайности.

— Да.

— Ты служил под его командованием и был его другом.

— Да.

— Вы ведь с тех пор не ссорились?

— Я иногда навещаю его. Вспоминаем старое.

— Можешь ли ты призвать его к здравому смыслу?

— Я уже говорил, мы не касаемся этих вопросов! Он меня и слушать не станет!

Морвин налил ещё кофе.

— Кем бы Майлс ни был раньше, сейчас он — убийца и поджигатель. Ты-то понимаешь это?

— Понимаю.

— Если он однажды зайдёт слишком далеко, если ему удастся что-нибудь, что закончится катастрофой — МОЖЕТ начаться война. В правительстве Объединённых Лиг полно политических и военных проходимцев, которые ухватятся за любой предлог, чтобы разделаться с ДИНАБ раз

и навсегда.

— Почему ты всё это говоришь мне, Майкл?

— Я сейчас не на дежурстве, никто мне ничего не приказывал и, сказать по правде, я надеюсь, что начальство вообще никогда не узнает о нашем разговоре. Морвин, — подумал я, — единственный, кто ещё встречается с Майлсом, да к тому же он живёт в этом городе, да к тому же — мой друг! Черт возьми! Мне не нужна ещё одна война, даже если она будет блицкригом. Я старею, мне хочется в отставку, охотиться и ловить рыбу… Ты был его заместителем, он по крайней мере выслушает тебя! Он даже подарил тебе эту трубку, когда всё кончилось. Разве это не Брайнер-Сэндо? Такие трубки стоят кучу денег. Значит, он симпатизировал тебе.

Лицо Морвина покраснело, он кивнул прямо в клуб дыма, набрал его полные глаза, и затряс головой.

А я продал его, думал он, его и всех остальных, когда перебрался в ОЛ и стал получать их деньги…

— Я давно его не видел и не уверен, станет ли он меня слушать.

— Жаль, — сказал Майкл. — Я, наверное, ошибся, заявившись к тебе с таким предложением.

Забудем это, ладно?

— Ты сейчас работаешь над этим взрывом?

— Не совсем.

— Понятно… Прости.

Они долго молчали, потом Майкл одним глотком прикончил свой кофе и встал.

— Пора на работу, — сказал он. — Увидимся через одиннадцать дней, у меня. На восходе, договорились?

— Договорились.

— Спасибо за кофе.

Морвин кивнул и поднял руку в полусалюте.

Долго смотрел Морвин на замороженный сон юноши. Потом взгляд его упал на кофейную чашку. Он смотрел на неё до тех пор, пока она не поднялась в воздух и не врезалась в стену.

* * *

Гейдель фон Хаймак посмотрел на лежащую в кровати девочку и улыбнулся в ответ на её слабую улыбку. Не больше девяти лет, предположил он.

— А это — клаанит, — сказал он, добавляя к ряду камушков на покрывале ещё один. — Я нашёл его на планете Клаана, отполировал, но не распиливал. Таким он и был, когда я его подобрал.

— Расскажи мне про Клаану, — попросила

девочка.

— Почти вся она покрыта водой. В розовом небе Клааны светит голубое солнце, а вокруг неё бегают одиннадцать маленьких лун, которые всё время делают что-нибудь интересное. Там нет материков, только тысячи островков, равномерно разбросанных по океану. Люди на Клаане — амфибии и проводят почти всю жизнь под водой. У них нет настоящих городов, по крайней мере, никто их не видел… Они путешествуют с острова на остров и торгуют — меняют то, что находят на морском дне, на ножи, алюминиевые сплавы, и всякую всячину. Этот камень — из моря Клааны, я нашёл его на берегу, а стал он таким от бесконечного трения о песок и другие камни. Деревья там раскидистые и выпускают добавочные корни, чтобы добраться до воды. Листья у деревьев широкие, а на некоторых растут и плоды. Температура на Клаане всегда приятная, потому что откуда бы ни дул ветер, он всегда дует с моря. Когда захочется, можно всегда забраться на чтонибудь высокое и глядеть во все стороны. Всегда где-нибудь идёт дождь, и всё тогда начинает казаться размытым и искажённым, словно берега волшебной страны… А ещё появляются там миражи — перевёрнутые острова, деревья на

которых растут вниз. Один туземец сказал мне, что туда они переселяются после смерти. Они думают, что умершие смотрят с этих островов вниз и наблюдают за потомками… Если тебе нравится этот камень, возьми его.

— О да, мистер Х, спасибо!

Девочка схватила камень и потёрла его сначала о ладонь, потом о больничный халат.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он.

— Лучше, куда лучше!

Гейдель пристально всмотрелся в её крохотное личико — чёрные глаза под чёрными бровями, галактика сверкающих веснушек. В лице этом было больше красок жизни, чем тридцать шесть часов назад, когда лечение только началось. Дыхание девочки стало свободнее, она могла уже сидеть, обложившись подушками, и подолгу разговаривать. Температура упала, кровяное давление стабилизировалось. Она стала даже проявлять любопытство, столь естественное для ребёнка её возраста. Гейдель считал, что потрудился не напрасно, и не вспоминал о девяти могилах, и о других, на других планетах.

— …Мне так хочется побывать на Клаане, — говорила она, увидеть её голубое солнце и одиннадцать лун…

— У тебя вся жизнь впереди, — ответил Гейдель, но, попробовав заглянуть вперёд, он не смог увидеть её иначе, как замужем за каким-нибудь местным парнем, домохозяйкой в Италбаре на все дни своей вновь обретённой жизни. Только оранжевый камешек останется, чтобы напомнить ей о детских мечтах. Ну что ж, могло быть и хуже, подумал Гейдель, вспомнив ночь, проведённую на холме над городом. Вряд ли кто будет возражать против того, чтобы кончить свои дни в таком приятном городе, как Италбар…

В палату вошёл доктор Хелман, кивнул в знак приветствия, схватил девочку за левое запястье и уставился на свой хроно.

— Ты волнуешься, Люси! — заявил он, опуская запястье на одеяло. — Наверное, мистер Х. перевозбудил тебя рассказами о своих приключениях.

— Нет, нет! — воскликнула она. — Мне так нравится слушать его! Смотри, какой камень он подарил мне с Клааны! Там голубое солнце и одиннадцать лун! Этот камушек принесёт мне счастье! Люди там живут в море…

Доктор посмотрел на камень.

— Красивый…

Почему Хелман не улыбается? — спросил себя

Гейдель. Я бы на его месте прыгал от радости.

Гейдель собрал остальные камешки и сложил их в сумку с монограммой.

— Вот и пришла мне пора уходить, Люси. Я счастлив, потому что ты выздоравливаешь. Если мы больше не увидимся, знай, что мне было очень интересно поговорить с тобой… Будь хорошей девочкой.

Он встал и вместе с доктором Хелманом направился к двери.

— Но ты вернёшься? — крикнула Люси, и глаза её широко раскрылись. — Ведь ты придёшь ещё, правда?

— Я ещё не знаю, — ответил ей Гейдель. — Там видно будет…

— Приходи… — закрыв за собой дверь в палату, Гейдель не расслышал конца фразы.

— Удивительно! — произнёс Хелман. — -Я просто не верю своим глазам.

— Как остальные?

— У всех, кого вы навестили, положение или стабилизировалось, или стало чуть получше. Интересно, в чем же всё-таки здесь дело… Кстати, ваша кровь, по утверждению лаборатории — ещё большая мешанина, чем казалось тем, кто исследовал её раньше. Им хотелось бы взять побольше

её образцов и отправить на дальнейшее исследование в Ландсенд.

— Нет! — отрезал Гейдель. — Я знаю, что такое моя кровь и, послав её в Ландсенд, невозможно узнать о ней что-нибудь новое. Если они всё-таки заинтересуются, пусть запросят компьютер Панопат на СЭЛе. Кровь мою исследовали сотни раз, и никто не осмелился сделать никаких определённых выводов… И не забывайте, что скоро она снова станет смертельно опасной. Мне пора уходить.

Беседуя, двое мужчин подошли к лифту.

— Этот «баланс», о котором вы говорите, сказал доктор Хелман, — …ничего подобного просто не может быть! По вашим рассказам, патогены формируются в батальоны, сражаются друг с другом, а потом вдруг подписывают перемирие на определённый срок, который никто из них не нарушает! Человеческий организм просто не может функционировать подобным образом!

— Знаю, — ответил Гейдель, входя в лифт, — это всего лишь аналогия, и, как я уже говорил, хоть я доктор, но не медицины.

Я придумал простые, прагматические термины для объяснения происходящего со мной, а вы уж интерпретируйте их, как заблагорассудится. Кро-

ме меня, в мире нет экспертов по этому вопросу.

Лифт опустил их на нижний этаж.

— Зайдём ко мне в кабинет? — предложил Хелман. — Вы покидаете нас, и я знаю, куда и когда прилетит аэрокар. Очевидно, вам хочется уйти в холмы и претерпеть очередную кому. Мне хотелось бы понаблюдать и…

— Нет! — отрезал Гейдель. — Об этом не может быть и речи! Я никому не разрешаю приближаться ко мне в такие моменты. Это слишком опасно.

— Мы могли бы изолировать…

— Нет, и ещё раз нет. На моей совести и так слишком много напрасных смертей. То, что сделано мной в Италбаре — слабая попытка хоть как-то расплатиться за них. Я не могу сознательно рисковать жизнью людей, пусть даже профессионально подготовленных для того, чтобы рисковать ею. Поймите меня правильно — сколь бы ни были адекватны меры предосторожности, всегда может что-то сломаться, испортиться…

Хелман слегка пожал плечами.

— Если вы когда-нибудь передумаете, мне хотелось бы возглавить эту работу.

— Спасибо… Мне пора.

Хелман пожал ему руку.

— Спасибо за всё. Боги смилостивились над

нами.

Скорее, над твоими пациентами, подумал Гейдель и сказал:

— Желаю удачи, доктор.

Он вышел в холл.

— …благословят вас! — воскликнула женщина. — Пусть боги благословят вас!!!

Когда Гейдель проходил мимо, она схватила его за руку. Мать Люси.

— С ней теперь всё в порядке, — ответил Гейдель. Очаровательная девчушка.

Пока женщина держалась за левую руку Гейделя, правую энергично тряс изможднного вида мужчина в широких брюках и свитере. Его морщинистое лицо расплылось от улыбки, обнажившей ряд неровных зубов.

— Огромное вам спасибо, мистер Х! — говорил он. Ладонь его была липкой от пота. — Мы молились в каждой церкви города, мы и все ваши друзья… Молитвы наши были услышаны! Пусть все до единого боги благословят вас! Вы не откажетесь поужинать с нами сегодня?

— Спасибо, но у меня совершенно нет времени… до того, как за мной прилетят, мне необходимо кое-что сделать…

Когда Гейдель отбился, наконец, от них, он

увидел, что больничный холл заполнен большой толпой. Среди гула голосов он услышал многократно повторяемое «мистер Х».

— Как вы сделали это, мистер Х? — доносилось с пяти сторон одновременно. — Можно взять у вас автограф?.. У моего брата аллергия, не могли бы вы?.. Мне хотелось бы попросить вас присутствовать сегодня на службе, мистер Х. Моя паства… Сэр, не скажете ли вы что-нибудь для местной прессы?..

— Ради всего святого! — взмолился он, глядя в лица и объективы. — Мне НУЖНО идти! Мне очень лестно такое внимание, но мне НЕЧЕГО сказать! Пожалуйста, пропустите меня!

Холл уже заполнился, и входная дверь не закрывалась под напором рвущихся внутрь тел. Люди поднимали детей повыше, чтобы те рассмотрели новоявленного святого получше. Гейдель глянул на вешалку и увидел, что посох его исчез; глянул через окно на улицу и увидел, что толпа собирается уже и перед больницей.

— …Мистер Х, я пекла их сама… Я отвезу вас, куда `угодно!.. Каким именно богам вы молитесь, сэр? Эта проклятая аллергия!..

Гейдель отошёл к столу и нагнулся к сидевшей за ним женщине.

— Меня не предупредили… — начал было он.

— Мы и сами не ожидали! Они собрались буквально в считанные минуты. Возвращайтесь в коридор, а я скажу им, что внутрь никому нельзя. Сейчас кто-нибудь проводит вас к служебному входу.

— Спасибо.

Он скрылся за указанной дверью, приветливо помахивая рукой и улыбаясь людям. Толпа издала громкий воплькомбинацию «Х!» и «Ура!»

Гейдель постоял немного в коридоре, потом появился санитар и отвёл его к задней двери.

— Разрешите подвезти вас? — попросил санитар. — Если толпа опять узнает вас, люди пойдут следом и будут досаждать…

— Хорошо, — согласился Гейдель. — Подбросьте меня несколько кварталов в направлении холмов.

— Я могу довезти вас до самого их подножия, сэр. Это сэкономит уйму времени.

— Спасибо, но мне нужно кое-чем запастись в дорогу и поесть чего-нибудь горячего. Вам известно такое заведение в том направлении?

— И не одно. Я высажу вас у маленького магазинчика на тихой улочке. Там вас никто не побеспокоит… Вот моя машина, — показал он.

Без всяких затруднений они достигли рекомендованного санитаром места — пахнущего стариной крохотного магазинчика с деревянными полами и увешанными деревянными полками деревянными стенами. Посетители кормились в крохотной задней комнатке. Но одно обстоятельство всё-таки расстроило Гейделя.

Когда машина остановилась, санитар вытащил из-под рубашки амулет на цепочке — зелёную ящерку с выложенной по хребту серебряной полосой.

— Я знаю, что это звучит глупо… но не могли бы вы прикоснуться к ней?

Гейдель исполнил просьбу, потом спросил:

— И что же я сейчас сделал?

Юноша смущённо улыбнулся и отвернулся, запихивая амулет под рубашку.

— Наверное, я немного суеверен… как и все. Эта штука приносит мне счастье. Послушав, что говорят о вас, я решил, что от одного прикосновения не будет никакого вреда.

— Говорят? И что же говорят? Неужели прозвище «святой» последовало за мной и сюда?

— Боюсь, что это так, сэр. Кто знает? Люди не всегда ошибаются…

— Но ты… Ведь ты работаешь в больнице и

проводишь много времени среди учёных!

— О, они такие же, большинство… Может быть, это потому, что мы живём так далеко от цивилизации… Некоторые проповедники говорят, что это своеобразная реакция на то, что мы живём сейчас в тесном единении с природой, в то время как предки наши столетиями жили в городах. В общем, спасибо, что не отказали мне в пустячной просьбе.

— Спасибо, что подвезли.

— Счастливо!

В магазинчике Гейдель пополнил свои припасы, потом уселся за столик в задней комнате, в которой не было окон, но было восемь старых, засиженных мухами настенных ламп. Воздух в ней был свежий — кондиционер работал исправно. Несмотря на то, что Гейдель оказался единственным посетителем, ждать, пока его обслужат, пришлось долго. Он заказал пиво, жареное мясо и не стал расспрашивать, из какого именно представителя местной фауны вырезан этот кусок — мера предосторожности, которой он неуклонно придерживался во время своих коротких визитов на незнакомые планеты. Отхлёбывая пиво в ожидании мяса, Гейдель думал о себе.

Он — всё ещё геолог. Это ремесло он знал до

тонкостей, и мог заниматься им, не подвергая опасности чужие жизни. Ни одна из больших компаний не примет его на постоянную работу. Ни в одной из них не знали с уверенностью, тот ли он самый «Х», но все знали, что вокруг него вечно происходит что-то непонятное. Вероятно, во многих картотеках против его фамилии значилось: «склонен к несчастным случаям». Да и сам он не собирался наниматься в большие компании — это было связано с риском оказаться там, где он не желал работать… например, вблизи поселений.

Но многие компании были, однако, рады заполучить его в качестве независимого консультанта. Странно, результатом этого явилось то, что он заработал денег больше, чем когда-либо в своей жизни. Но деньги перестали играть заметную роль в жизни Гейделя. Он старался держаться подальше от городов, от людей, вообще от тех мест, где деньги тратятся в больших количествах. За последние годы он постепенно привык к одиночеству настолько, что даже небольшое скопление народа — как сегодня у больницы — приводило его в замешательство. Он понимал, что и самые последние его дни пройдут в одиночестве — в хижине на какой-нибудь за-

холустной планете, на берегу моря. Желания его ограничивались сигарами, коллекцией минералов и приёмником, который можно настроить на Центральные Новости.

Он ел медленно. Подошёл хозяин заведения, явно желая поговорить. Куда это он собрался с рюкзаком и запасом еды?

Побродить по холмам, объяснил Гейдель. Зачем? Гейдель открыл уже было рот, чтобы ответить, что это не его стариковское дело, и тут в голову ему пришло, что старик, наверное, тоже страдает от одиночества. Магазинчик его отнюдь не выглядел местом, где кипит деловая активность. Старик, скорее всего, почти не видит людей. К тому же он очень, очень стар.

Пришлось Гейделю выдумать историю. Кивая, хозяин выслушал её. Очень скоро говорил уже старик, а Гейдель согласно кивал. Покончив с едой, он зажёг сигару.

Время шло, и Гейдель чувствовал, что ему всё приятнее становится общество этого человека. Он заказал ещё пива, закурил вторую сигару.

В комнате не было окон, и Гейдель не мог видеть, какими длинными стали тени. Он рассказал старику о других планетах, показал ему камни. Старик рассказал ему о ферме, которой когда-то

владел. Первые вечерние звёзды уже осветили мир, когда Гейдель догадался взглянуть на свой хроно.

— Неужели уже так поздно? — воскликнул он. Старик глянул на хроно Гейделя, потом на свой собственный.

— Однако действительно поздно. Прошу прощения за излишнюю разговорчивость. Если вы торопитесь…

— Всё в порядке, — сказал Гейдель. — Я просто потерял счёт времени в вашем обществе. Но мне пора идти.

Он расплатился и быстро ушёл. Струна безопасности и так натянулась уже до предела.

Он повернул направо и пошёл сквозь сумерки в том направлении, откуда пришёл в Италбар. Через пятнадцать минут он оставил позади деловую часть города и шёл вдоль жилых домов. Небо чернело, зажигались всё новые и новые звёзды. Казалось, что фонари у домов горят ярче.

Проходя мимо каменной церкви, Гейдель заметил, что из её цветных гласситовых окон льётся слабый свет, и им овладело знакомое возбуждение, как всегда при виде церкви. Это было… когда? Десять лет назад? Двенадцать? Давно. Но он помнил тот случай до мельчайших подроб-

ностей.

Это был удушающий день на Муртании, и дневная жара застала его на открытой местности. Убежище он нашёл в одной из подземных странтрианских часовен, где всегда темно и прохладно.

Усевшись в самом тёмном углу, он решил отдохнуть, и закрыл глаза, но тут в часовню вошли ещё двое. Вместо того, чтобы погрузиться в молитву, как ожидал того Гейдель, они принялись что-то возбуждённо шептать друг другу. Потом один из них ушёл, а второй уселся на сиденье перед центральным алтарём.

Гейдель внимательно рассмотрел его. Он оказался муртанианином, иего бронхиальные мембраны распухли и покраснели, что свидетельствовало о крайней степени возбуждения. Он не склонил головы, как положено, но смотрел вверх. Гейдель проследил за его взглядом и обнаружил, что смотрит он на ряд гласситовых картин, которые изображали непрерывный ряд божеств, опоясывающий все стены часовни.

Человек смотрел только на одну из картин — она светилась голубым огнём. Взглянув туда же, Гейдель почувствовал, будто его ударил электрический разряд. В руки и ноги что-то закололо,

голова закружилась. Ему оставалось только надеяться, что это не обострилась одна из старых болезней. Но нет, организм его вёл себя так, будто был здоров. Им овладело странное возбуждение, похожее на первые стадии опьянения, хотя у Гейделя во рту давно уже не было ни капли алкоголя. Часовня начала заполняться верующими и, прежде чем Гейдель осознал это, началась служба.

Чувство возбуждения и наполняющей силы начало расти, потом в мозгу Гейделя возникли некие специфические эмоции — странно противоречивые эмоции. Ему захотелось прикоснуться к окружающим, называть их «брат мой», любить их, вылечить от болезней. В следующее мгновение он уже ненавидел их, сожалел о том, что только-только вышел из катарсис-комы, иначе он с удовольствием напустил бы на всю конгрегацию какую-нибудь неизлечимую гадость. Эпидемия распространилась бы, как огонь по бензиновой луже, и прикончила бы их всех за день. Мозг Гейделя разрывался между этими желаниями, и он подумал, что сошёл с ума.

Прежде он никогда не отмечал у себя шизофренических тенденций, и не был экстремистом в отношениях с людьми. Не было в нем ни любви,

ни ненависти к своим собратьям — он принимал их такими, какие они есть, и старался уживаться со всеми. И теперь Гейдель никак не мог понять, откуда взялись эти раздирающие его желания…

Гейдель дождался, пока схлынет очередная волна ненависти, встал, волна любви понесла его к выходу, и он достиг двери на самом её гребне.

— …Мир, брат мой… нижайше прошу прощения… простите, потому что я люблю вас… извиняюсь всем сердцем… пожалуйста, не сердитесь на меня за неловкость…

Выбравшись из часовни, он взлетел по ступенькам на улицу и побежал. Через несколько минут Гейдель снова обрёл своё обычное состояние. Потом он не раз подумывал, не навестить ли психиатра, но воздержался, объяснив случившееся резким переходом от жары к холоду в сочетании со всеми теми маленькими необычными эффектами, сопутствующими пребыванию на чужой планете.

Впоследствии, хотя ничего подобного с Гейделем больше не случалось, он ни разу не преступил больше порога ни одной церкви, и всегда старался обходить их стороной.

Гейдель постоял на перекрёстке, пропуская три машины, и услышал за спиной голос: — Ми-

стер Х!

Мальчик лет двенадцати вынырнул из-за деревьев и подошёл к нему. В левой руке он держал поводок, другой конец которого был прикреплён к ошейнику зелёной ящерицы метровой длины, с короткими кривыми лапами. Когти её скрежетали по тротуару несколько жутковато, но когда она открыла пасть, чтобы выстрелить красным язычком в сторону Гейделя, ему показалось, что она улыбается… Это была очень толстая ящерица. Несколько раз она потёрлась о ногу мальчишки.

— Мистер Х, я был в больнице, но вам пришлось уйти, и я увидел вас мельком. Я слышал, как вы вылечили Люси Дорн. Какое счастье встретить вас просто так, на улице!

— Не прикасайся ко мне! — воскликнул Гейдель, но мальчишка успел схватить его за руку и смотрел на него глазами, в которых плясали звёзды.

Гейдель вырвал руку и отступил на несколько шагов.

— Не подходи! — сказал он. — Я простудился и могу заразить тебя!

— Тогда вам не следует гулять вечером. Я уверен, что мои родители быстро поставят вас на ноги.

— Спасибо, но я тороплюсь.

— Это мой ларикк. — Мальчишка потянул за поводок. — Его зовут Хан. Сидеть, Хан!

Ящерица раскрыла пасть и свернулась в шар.

— Он не всегда слушается, — пожаловался мальчик. — Иногда его и силой не заставить ничего сделать. Он стабилизирует себя хвостом… Хан, сядь для мистера Х!

Он дёрнул за поводок.

— Не надо, сынок, — сказал Гейдель. — Наверное, он устал. Мне пора идти. Может быть, мы ещё встретимся.

— Может быть… Рад был вас встретить, сэр. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Гейдель перешёл улицу и двинулся дальше.

Машина остановилась рядом с ним.

— Эй, вы ведь мистер Х? — спросил мужской голос.

Гейдель обернулся.

— Да.

— Мне так и показалось. Я обогнул целый квартал, чтобы увидеть вас.

Гейдель отступил от машины.

— Могу подбросить вас в любое место.

— Не надо, я уже почти пришёл.

— Вы уверены?

— Абсолютно. Но всё равно, спасибо.

— Ну что же… Меня зовут Уайли.

Мужчина протянул руку из окна.

— У меня руки грязные, я испачкаю вас, торопливо сказал Гейдель, но мужчина всё-таки схватил его за левое запястье, крепко сжал, убрал руку, и машина поехала дальше.

Гейделю хотелось крикнуть всему миру:

— Да оставьте вы меня в покое! Не прикасайтесь ко мне!

Он пробежал два следующих квартала. Ещё одна машина притормозила, и огни осветили его, но он отвернулся и машина проехала мимо. Человек, куривший на крыльце трубку, помахал ему рукой, и даже встал, но Гейдель снова побежал и не услышал его слов.

Наконец промежутки между домами стали больше, ряд фонарей кончился, звёзды засияли ярче. Дорога стала тропинкой, и холмы заслоняли уже полнеба.

Взбираясь на кручи над Италбаром, Гейдель ни разу не оглянулся.

* * *

Подавшись далеко вперёд, крепко сжимая коленями костяные бока восьминогого курьяба, распустив по ветру длинные чёрные волосы, Джакара во весь опор скакала по холмам над Кейпвиллом. Далеко внизу, слева, город сжался под утренним зонтиком тумана. Восходящее со стороны её правого плеча солнце пускало в туман сверкающие копья света.

Скача во весь опор, Джакара выкрикивала самые страшные проклятия на языках всех известных ей рас.

Повернув своего скакуна и осадив его так, что животное зашипело от боли, она злобно уставилась на город внизу.

— Гори! Гори, черт бы тебя побрал! Гори!!!

Но нигде не показалось языков пламени.

Она вытащила свой незарегистрированный лазерный пистолет из кобуры под курткой, направила его на ближайшее дерево и нажала на спуск. Дерево постояло, покачнулось и с треском рухнуло, разбрасывая мелкие камешки. Курьяб поднялся на дыбы, но Джакара успокоила его движением колен и ласковыми словами.

Засунув лазер в кобуру, она продолжала смот-

реть на город, и невысказанные проклятия отразились в этом взгляде.

Не только Кейпвилл и бордель, в котором она работала, нет, все Объединённые Лиги ненавидела она с такой страстью, что только один-единственный человек мог превзойти её в силе этого чувства. Пусть другие девушки ходят в церковь по воскресеньям. Пусть сосут леденцы и толстеют. Пусть ублажают любимых. Джакара скачет в это время по холмам и упражняется в стрельбе.

В один прекрасный день — Джакара надеялась, что день этот настанет при её жизни — *будет* огонь, и кровь, и смерть в пылающих сердцах бомб и ракет. Она готовила себя к этому дню, как невеста к свадьбе. Когда он придёт, у неё будет только одно желание — умереть во имя этого дня, но умереть, убивая.

Ей было всего лет пять, когда родители её эмигрировали на Дейбу. Когда начался конфликт, они оказались в лагере для перемещённых лиц. Будь у Джакары деньги, она вернулась бы на родную планету, но она знала, что нужной суммы не соберёт никогда.

Родители её не дожили до конца войны между ОЛ и ДИНАБ, сама она стала государственным

приёмышем. Когда Джакара выросла и стала искать работу, то поняла, что старое пятно не смылось.

Единственное место — государственный Дом Развлечений в Кейпвилле — было открыто для неё. У неё никогда не было поклонника или друга. Она понимала, что где-то на обложке её личного дела красным проставлен штемпель: «Возможно сочувствует ДИНАБ», а внутри этого личного дела — история её жизни, аккуратно отпечатанная на половинке официального листа.

Ну и ладно, решила Джакара несколько лет назад, сопоставив факты. Ладно. Вы подобрали меня, рассмотрели и отшвырнули. Вы поставили на обложку красное клеймо. Я принимаю это клеймо, я не согласна только со словом «возможно». Придёт время, и я стану раковой опухолью в сердце вашего цветка.

Другие девушки редко заходили к ней в комнату, в ней им становилось не по себе. Зайдя, они нервно хихикали и быстро уходили. Ни кружев и оборок, ни голографий красивых актёров ничего этого не было в строгой келье, обиталище Джакары. Над её кроватью висела всего одна простая фотография — узкое, хмурое лицо Малакара-Мстителя, Последнего Землянина. На

противоположной стене — пара одинаковых хлыстов с серебряными рукоятками. Пусть другие девушки работают с обычными клиентами. Она брала только тех, над кем могла всласть поиздеваться, и они шли и шли к ней. Каждую ночь она говорила с Ним, и это было единственным в жизни Джакары, что хоть как-то напоминало молитву:

— Я избила его, Малакар, так же, как ты поражаешь их города, их планеты, как ты бьёшь их и будешь бить снова. Помоги мне быть сильной, Малакар! Дай мне силу мучить и разрушать! Помоги мне, Малакар, пожалуйста! Убивай их!

Иногда утром Джакара просыпалась в рыданиях и не знала, почему плачет.

Она повернула курьяба и не спеша поскакала обратно. День обещал быть чудесным, и сердце её пело, согретое радостными новостями с планеты Бланчен.

* * *

Гейдель выпил полную флягу воды и ещё половину другой.

Сырая полночь опустилась над его лагерем. Он повернулся на спину, сцепил руки над головой, и стал смотреть в небо. Всё недавнее казалось

далёким прошлым. Каждый раз, выходя из комы, он чувствовал, что жизнь начинается заново, и недавние дни казались такими холодными и плоскими, как письмо годичной давности, найденное за мусорным ведром. Он знал, что ощущение это пройдёт примерно через час.

Метеор пронёсся по небу, и Гейдель улыбнулся ему. Предвестник моего последнего дня на Кличе, подумал он.

Гейдель ещё раз посмотрел на сверкающее хроно и убедился, что глаза не обманули его. До рассвета ещё далеко.

Он потёр глаза и начал вспоминать красоту леди. На этот раз она показалась ему необычайно тихой. Он редко помнил, какие именно слова были сказаны, но казалось, что сегодня их было меньше, чем обычно. Что это — пронизанная нежностью печаль? Он вспомнил ладонь на своём лбу, и капли, упавшие на щёку.

Гейдель тряхнул головой и усмехнулся. Неужели он и в самом деле сошёл с ума, как подозревал много лет назад, после посещения странтрианской часовни? Принять Леди как реальную личность способен только сумасшедший.

Но с другой стороны…

С другой… Как объяснить сон, возвращающийся

вот уже целое десятилетие? По правде говоря, это не совсем сон. Только главные действующие лица и обстановка оставались прежними. Диалоги менялись, настроения тоже. Но каждый раз любовь вела его туда, где царит мир. Наверное, стоило бы повидать психиатра, но только в том случае, если он захочет избавиться от сновидений. Но он не хотел. Проводя большую часть времени в одиночестве, кому он опасен? Зачем лишать себя одного из немногочисленных удовольствий? Тем более, что состояние его не ухудшается…

Несколько часов лежал так Гейдель и думал о будущем. Он видел, как посветлело небо и одна за другой погасли звёзды. Ему всегда интересно было — что же происходит на других планетах? Давненько он не настраивался на Центральные Новости…

Когда восход расколол мир на две части, Гейдель поднялся, обтёр себя мокрой губкой, подровнял ножницами бороду, оделся. Потом он позавтракал, упаковал вещи, взвалил рюкзак на спину и пошёл вниз по тропе.

Через час он уже был в пригородах Италбара.

Переходя улицу, он услышал, как на одной ноте бьёт и бьёт колокол.

Смерть! — говорил колокол. Похороны. Гейдель

пошёл дальше.

Потом он услышал вой сирены, но не остановился и не полюбопытствовал, откуда он доносится.

Он дошёл до магазинчика, в котором ужинал много лет назад. Дверь его была закрыта, и к ней прикреплена чёрная бумажка.

Гейдель уже понял, что случилось, и панический страх овладел им.

Он подождал, пока похоронная процессия пройдёт по улице, которую он собирался перейти. Катафалк едва тащился.

Они всё ещё хоронят своих мертвецов, удивился Гейдель. Просто смерть, умер человек… вот и похороны…

Кого я хочу обмануть?

Он пошёл дальше, и какой-то человек плюнул на землю, на которую ступала нога Гейделя.

Снова? Да что же я такое?

Он медленно шёл по улицам, приближаясь к аэропорту.

Если смерть — дело моих рук, то как жители Италбара узнали об этом так быстро?

По какому праву обвиняют они *меня*?

Гейдель посмотрел на себя глазами горожан. Кто он такой?

Отмеченное богами существо, внезапно оказавшееся в гуще городской жизни. Они благоговеют, но боятся. Он задержался среди них недопустимо долго — на целый день. Столетие назад.

Гейдель шёл по улицам, отклоняясь вправо.

Какой-то мальчишка закричал:

— Вон он! Это Х!

Гейдель не стал отрицать этого, но тон, каким была произнесена фраза, заставил его пожелать, чтобы аэрокар прилетел за ним куда-нибудь в другое место.

Он шёл, а мальчишка и ещё несколько взрослых пошли за ним.

Но она жива, сказал себе Гейдель. Это я подарил ей жизнь.

Огромная победа.

Он прошёл мимо авторемонтной станции, и мужчины в голубых комбинезонах сидели, прислонив свои стулья к кирпичной стене. Они не сдвинулись с места. Они сидели, курили, и молча провожали его глазами.

Колокола звонили. Люди выходили из домов и смотрели на проходящего мимо них Гейделя.

Да, я задержался слишком долго, решил Гейдель. Я не хотел пожимать ничьих рук. В больших городах я никогда не сталкивался с такими

трудностями — меня привозили и увозили в управляемой роботом герметичной машине, которую потом стерилизовали; мне предоставляли целую палату, которую потом тоже стерилизовали; я встречался всего с несколькими людьми, да и то сразу после катарсиса. Много лет прошло с тех пор, как я работал в городке столь малом. Я потерял осторожность, и виноват в этом. Всё было бы в порядке, не заговори я после ужина со стариком.

Всё могло бы быть *хорошо*.

Я потерял осторожность.

Он увидел, как грузят гроб на катафалк. За углом ждал своей очереди ещё один.

Значит, это не чума..? Пока… При эпидемии трупы сжигают, а люди стараются не выходить на улицу.

Гейдель обернулся, заранее зная, что увидит за спиной.

Толпа, идущая за ним по пятам, выросла, а в её гуле он ясно расслышал первую букву своего имени. И не один раз.

Мимо ползли машины. Гейдель не смотрел на них, но чувствовал, что сотни глаз смотрят на него.

В центре города он прошёл по крохотному

бульварчику, украшенному позеленевшей от времени статуей какого-то местного героя-патриота-благодетеля.

Он услышал выкрик на языке, которого не знал, пошёл быстрее, и шаги за его спиной стали громче, словно толпа ещё увеличилась.

Что это были за слова? — подумал Гейдель.

Он прошёл мимо церкви. Колокол невыносимо бил в уши. Сзади громко выругалась женщина.

Страх рос. Солнце родило чудесный день в Италбаре, но Гейдель уже не замечал его прелести.

Он повернул направо и пошёл к аэропорту. До него оставалось ещё три четверти мили. Голоса стали громче; они адресовались не Гейделю, но говорили о нем. Некоторые слова он разбирал, и одним из них было: «убийца».

Гейдель шёл, и во всех выходивших на улицу окнах видел обращённые к себе лица. Спасаться бегством — бессмысленно.

Какая-то машина свернула к нему, притормозила, и тут же с рёвом унеслась прочь.

Люди знали — *это* сделал *он*. Он был героем, стал негодяем. И этот проклятый, примитивный суеверный страх, окутавший город! Все эти упоминания о богах, талисманах, удаче добавились к чему-то, что заставило Гейделя ускорить шаги.

Теперь он ассоциировался в сознании жителей Италбара с демонами, но не с богами.

Если бы он не сидел так далеко за ужином, если бы не останавливался на улицах…

Мне было так одиноко, сказал себе Гейдель. Веди я себя, как раньше, эпидемии не было бы. Но я так одинок…

Он услышал громкий крик: «Х!», но не обернулся.

Мальчишка, стоявший у мусорного бака в переулке, выстрелил в Гейделя из водяного пистолета.

Он вытер лицо. Колокола, не умолкая, изливали звуками скорбь.

Когда Гейдель переходил очередную улицу, кто-то щёлкнул в его сторону окурком. Он наступил на окурок и остановился.

Толпа преследователей остановилась в полуметре от него. Кто-то толкнул его, ударил. Локтем в почки. Или кулаком. Потом его толкнули ещё несколько раз, и ещё несколько раз он услышал: «Убийца!»

Гейделю приходилось сталкиваться с подобным и раньше, но эти воспоминания не согревали его душу.

— Что ты собираешься делать дальше, мистер?

— крикнул кто-то.

Он не ответил.

— Заразить побольше народу?

Он не ответил, но услышал, как сзади закашлялась женщина громко, натужно.

Гейдель обернулся — ведь теперь он был чист и мог помочь…

Женщина стояла на коленях и плевалась кровью.

— Пустите меня к ней, — сказал Гейдель, но толпа не расступилась.

Упёршись в стену человеческих тел, он смотрел, как женщина умирает… или теряет сознание… нет, всё-таки умирает.

Понадеявшись на то, что внимание толпы отвлечено, он попробовал уйти. Дошёл до перекрёстка, побежал.

Толпа бросилась за ним.

То, что он побежал, было ошибкой, потому что тут же он почувствовал первый удар, нанесённый не рукой. Камнем.

Камень запрыгал по тротуару. Он только задел плечо Гейделя, не причинив особого вреда. Но всё равно, зловещий признак…

Побежав, он уже не мог остановиться. Скорость требовала ещё большей скорости. Гейдель сбро-

сил рюкзак и рванулся вперёд.

Камни посыпались дождём. Один коснулся кожи на голове, взлохматив волосы.

— Убийца!

Что бы им дать? — подумал Гейдель.

Он перебрал в уме свои запасы, раздумывая о возможном подкупе. Раньше ему удавалось иногда откупиться. Но сегодня, кажется, ситуация вышла из-под контроля.

Камень пролетел мимо и ударился о стену. Следующий попал в руку, причинив резкую боль.

У Гейделя не было никакого оружия, ему нечем было отвратить внимание обезумевшей толпы. Массовый психоз, уверенно поставил он диагноз.

Камень просвистел над ухом.

— Изверг!

— Вы не понимаете, что творите! — крикнул Гейдель. — Это всего лишь несчастный случай!

Почувствовав влагу на шее, он коснулся её пальцами, и увидел, что это — кровь.

Ещё один удар…

Нырнуть в какой-нибудь магазин? Укрыться в месте, где делается бизнес? Он огляделся, но всё было закрыто.

Где же полиция?

Несколько камней почти одновременно больно

ударило в спину. Гейдель чуть не упал.

— Я пришёл помочь вам… — начал он.

— Убийца!

Ещё несколько ударов. Гейдель упал на колени, поднялся, снова побежал. Ещё удары, но он, спотыкаясь, бежал, высматривая убежище.

Ещё камень. Гейдель упал, но на этот раз не смог быстро подняться. Он почувствовал несколько пинков, и кто-то плюнул ему в лицо.

— Убийца!!!

— Ради бога… Выслушайте меня! Я всё объясню!

— Твоё место в аду!

Гейдель дополз до стены, и толпа сгрудилась вокруг него.

Пинки, плевки, камни.

— Пожалуйста… Я сейчас совершенно чист!

— Мерзавец!

Тут пришла ярость. Они не имели никакого права *использовать* его. Он явился в их город с благороднейшей целью. Сколько трудностей он преодолел, пока добрался до Италбара! И вот, осыпаемый проклятьями, он истекает кровью на улице Италбара. Кто они такие, чтобы судить его? Злоба овладела всем его существом, и он подумал, что будь это в его власти, он раздавил бы их всех.

Ненависть, чувство, доселе почти неизвестное Гейделю, наполнила его мозг холодным огнём. Зачем нужна была ему последняя катарсис-кома?

Пинки, камни.

Гейдель закрыл локтями живот, ладонями — лицо, и терпел.

— Вы уж лучше убейте меня, — сказал он себе. — Потому что, если вы оставите мне жизнь, я вернусь.

Когда в последний раз испытывал он ненависть? Он не хотел вспоминать, но память вернулась.

Храм. Странтрианская часовня. Да, там было что-то сродни ненависти… Нет, именно ненависть! Удивительно, что он не понял этого ещё тогда…

Гейделю сломали рёбра, вывихнули правое колено, выбили несколько зубов. Кровь и пот заливали глаза. Толпа не расходилась, и он не понял, в какой именно момент времени прекратилось избиение.

Наверное, им показалось, что Гейдель мёртв, потому что он лежал совершенно неподвижно. А может быть, они просто устали, или устыдились. Он так никогда и не узнал этого.

Скорчившись, он лежал на тротуаре, лицом к

стене, которая так и не раздалась, чтобы дать ему убежище. Он был один.

Слышались отдалённые голоса, шарканье ног.

Он закашлялся и выплюнул кровь.

Ладно, подумал он. Вы хотели убить меня, и полагаете, что достигли своей цели. Но вы ошиблись. Я всё ещё жив. Не просите у меня ни прощения, ни милости. На этот раз вы ошиблись.

Гейдель потерял сознание.

Дождь, тихо падающий на лицо, привёл Гейделя в чувство. Полдень уже наступил. Каким-то образом он оказался в боковой аллее. Он не помнил, как полз, но ясно было, что никто не помогал ему.

Сознание снова покинуло Гейделя, а когда оно вернулось, небо уже почернело.

Он весь промок, а дождь не прекращался… Он облизнул губы.

Сколько прошло времени? Гейдель подтянул запястье к глазам, но хроно, естественно, разбился. Тело же его говорило о том, что прошли века.

Ладно.

Они били его.

Ладно.

Он сплюнул, и постарался рассмотреть, не

кровь ли растворяется в луже.

Да вы знаете, кто я такой?

Я пришёл к вам, чтобы помочь. И ведь помог. А если я, помогая, явился причиной нескольких смертей, неужели вы думаете, что я сделал это намеренно?

Нет?

Тогда ПОЧЕМУ?

Я знаю.

Мы делаем что-то, потому что *чувствуем*, что иначе нельзя. Эмоции, благородные порывы иногда увлекают нас. Как меня, например…

Наверное, я заразил не одного из тех, с кем встречался.

Но умирать… Неужели я способен умертвить другое человеческое существо?

Нет. До сегодняшнего дня — нет.

Но вы показали мне изнанку жизни.

У меня тоже есть чувства, но теперь они текут по другому руслу. Вы избили меня до полусмерти, а ведь я хотел только добраться до аэропорта.

Ладно.

Я стал вашим врагом. Посмотрим, умеете ли вы умирать столь же бесшабашно, как и убивать.

ЧТО ВЫ ЗНАЕТЕ: ОБО МНЕ?

Я — ХОДЯЧАЯ СМЕРТЬ.

ПОКОНЧИЛИ СО МНОЙ?
ОШИБАЕТЕСЬ.
Я ПРИШЕЛ ПОМОЧЬ.
Я ОСТАНУСЬ УБИВАТЬ!

Много часов лежал Гейдель под дождём, прежде чем смог подняться на ноги.

* * *

Доктор Пелс размышлял о нависшем над ним мире.

У них оказалось кое-что для него. Они навели его на след.

Дейбианская лихорадка. Вот с чего всё началось. Вот что выведет его на человека, обозначенного «Х». И теперь, когда ночь без конца, включающая дни без счёта, текла вокруг него, другие мысли приходили и уходили, задерживаясь, оставаясь.

Х. Х. Х.

Х — больше, чем ключ к *мвалахаран кхурр*... Само присутствие Х вылечивало большинство болезней.

Не это ли настоящая причина того, спросил себя доктор Пелс, что я пренебрёг результатами двадцатилетнего труда и предпочёл именно этот подход? Х не может жить вечно, а я могу — вот так.

Не изменяю ли я в данном случае благородным идеалам науки?

Он подготовил свой «Би Колли» к подпространственным прыжкам. Потом перечитал последние записи.

Мелодия «Смерть и преображение» обволакивала его своими звуками.

* * *

Гейдель проснулся. Он лежал в канаве. Поблизости никого не было. Утро ещё не наступило. Земля была сырой, коегде — грязные лужи. Но дождь кончился.

Он прополз немного, встал на ноги, покачнулся.

И пошёл вперёд, к лётному полю, куда шёл раньше. Он хорошо помнил его расположение — видел, когда прогуливался по городу в тот день, когда отдал на анализ свою кровь… когда же это было?

Дотащившись до проволочной ограды, он поискал глазами сарай, замеченный им раньше.

Вот он…

Сарай оказался незапертым, а внутри нашёлся тёплый угол. В углу этом валялись тряпки, прикрывавшие ранее что-то неизвестное. Тряпки

были пыльные, но это не имело значения, пыль или не пыль, он и так кашлял.

Ещё пара дней, сказал себе Гейдель. Пусть начнут затягиваться раны.

* * *

Малакар следил за новостями. Он включил радио, послушал, выключил. Обдумал их, переварил, включил радио снова.

«Персей» проскочил систему солнц…

Он задремал, слушая сводки погоды со ста двадцати планет.

Новости утомили его. В дремотном состоянии он поразмышлял немного о сексе, не прислушиваясь к программе с Прурии.

Он нёсся вперёд. Корабль шёл в режиме гипердрайва, и будет идти так, пока не доберётся до дома.

— *Мы сделали это,* — сказал Шинд.

— *Сделали,* — ответил Малакар.

— *А мёртвые?*

— *Когда сядем в родном порту, сделаем зарубки на палочках.*

Шинд не ответил.

Глава 2

В самой высокой башне самого большого некогда космопорта сидел он, человек, восставший против Империи.

Идиотизм? — спросил он себя. Нет, потому что за мной бессмысленно охотиться.

Глядя вниз, на океан, ставший на секунду видимым, он охватил мысленным взглядом все бушующие мили расстояния, лежащие за Манхэттенской Цитаделью — его домом.

Могло быть и хуже.

Хуже?

В порту пусто, и ты бессмысленно сучишь пальцами… Глядя на воды, он следил, как гигантский клуб дыма затмевает их, подобно раскрывающемуся вееру.

Когда-нибудь, может быть…

Доктор Малакар Майлс был единственным обитателем Земли, её монархом, властелином. Никому другому Земля была просто не нужна.

Он смотрел вниз. Сферическое окно открывало ему вид на половину того, что осталось от Манхэттена.

Дымок превратился в огромное облако, и зеркало, установленное под нижним углом, показало Малакару оранжевое пламя.

Оно сверкало.

Его экраны поглотили сверкание.

Оно горело, оно излучало радиацию.

Экраны поглотили и это тоже.

Были времена, когда он обращал внимание на такие мелочи.

Он посмотрел вверх и увидел мёртвую луну в первой четверти.

Малакар ждал три секунды, десять.

Появился корабль, и он вздохнул.

— *Моему брату плохо,* — сказал Шинд. — *Ты даёшь ему ещё лекарства?*

— *Да.*

— *А вот этого надо было ожидать. Берегись.*

Перед тем, как уйти в лабораторию, Малакар ещё раз посмотрел на то, что было когда-то сердцем Нью-Йорка. Ненасытные серебристые лианы с длинными, жёсткими листьями обмотали нижние этажи убитых зданий. Дым исчернил их, иссушил. Но они продолжали расти. Малакар видел, как они растут. Человек уже не мог жить в этих кирпичных каньонах.

Без всякой причины Малакар нажал кнопку,

и ядерная ракета малой мощности распылила здание на несколько миль от его башни.

— Я дам твоему брату каранин. Он подстегнёт дыхание.

— Но не только, он сделает ещё много хорошего.

— Да.

— Значит, нужно его дать.

— Сходи и принеси его в лабораторию.

— Сейчас.

Малакар ещё раз оглядел своё королевство и пятна океана, видимые сквозь дым, потом спустился с верхней палубы. Единственный обитатель планеты, он не ощущал к ней ни родительской привязанности, ни сыновней почтительности, ни отвращения.

Шахта вынесла его на нижний уровень цитадели. В коридоре он для проверки пересёк три луча сигнальных систем. Войдя в лабораторию, он увидел, что Тув, брат Шинда, уже ждёт его.

Малакар достал лекарство из распределителя в стене и впрыснул его в тело малыша.

Подождал. Минут десять.

— Как он?

— Жалуется на болезненность укола, но ему лучше.

— Хорошо. Теперь отвлекись и расскажи мне, зачем пожаловал Морвин.

— Он твой друг. И мой тоже. С давних пор.

— Так почему ты говорил: «берегись»?

— То, что он несёт с собой, может оказаться опасным для тебя.

— Что именно?

— Скорее всего, информация.

— Новости, которые могут убить меня? У радикалов с ОЛ с их ракетами ничего не получилось… Так что там у Морвина?

— Не знаю. Я говорю как представитель расы, способной изредка улавливать фрагменты будущего. Иногда я ЗНАЮ. Мне это снится. Но я не понимаю, как это происходит.

— Ладно… Опиши состояние брата.

— Дыхание немного затруднено, но сердце работает свободнее. Мы благодарим тебя.

— Значит, снова получилось. Хорошо.

— Не хорошо. Я вижу, что жизнь его подойдёт к концу через два запятая восемь земных года.

— Что от меня требуется?

— Со временем — более сильные лекарства. Ты добр, но нужно будет стать ещё добрее. Возможно, специалист…

— Мы можем позволить себе это. Мы раздо-

будем ему дучшего специалиста. Расскажи что ещё плохо.

— Скоро начнут разрушаться стенки кровеносных сосудов. Это в полной мере проявится примерно через шестнадцать земных месяцев. Потом ухудшение пойдёт быстрее. Не знаю, что я буду тогда делать.

— Тогда всё будет зависеть от моей заботы, и я обещаю, что не стану медлить. Поговори с ним и успокой.

— Именно этим я сейчас и занимаюсь.

— Включи меня.

— Момент…

...и в мозг недоразвитого ребёнка, но более чем недоразвитого. Захваченный потоками, втянутый внутрь, Малакар видел и ощущал…

...всё, что когда-то видели эти глаза, осталось; и уж Малакар позаботился о том, чтобы видели они как можно больше.

Такой бесценный инструмент не выбрасывают только потому, что. счёт от доктора оказался слишком велик.

Малакар обозрел этот погружённый во мрак мозг, двинулся сквозь него. Шинд поддерживал связь. Карты неба и планет, миллионы страниц, лиц, сцен, диаграмм. Пусть идиот ничего не

понимает, но в мозгу его всё, что видели эти жёлтые глаза, нашло своё место. Малакар двигался осторожно.

Нет уж, никогда не откажется он от этого идеального склада в мохнатой голове.

Внезапно вокруг него зазвенели чувства. Малакар оказался вблизи центра боли и страха смерти — не вполне представляемой, и потому более ужасной — кипящего, кошмарного места, где полусформировавшиеся образы ползали, извивались, горели, кровоточили, замерзали, растягивались и рвались. Что-то внутри его самого отразило эти чувства. Это был первобытный ужас создания божьего, противостоящего пустоте, пытающегося заселить эту пустоту ужаснейшими порождениями замутнённого сознания.

Чаще всего это удавалось с блеском…

— Шинд! Вытащи меня!!!

…и вот он снова в своей лаборатории, рядом с раковиной.

Оказался ли приобретённый опыт полезным?

Малакар решил, что — да.

— Дозу я буду повышать как можно медленнее. Не разрешай ему напрасно мучить себя.

— Тебе понравилась его память?

— Ты чертовски прав, понравилась, и я сделаю

всё, чтобы сохранить её?

— Хорошо. Оценка продолжительности его жизни может оказаться несколько завышенной.

— Я буду ориентироваться на неё… Расскажи мне побольше про Морвина.

— Он в глубоком беспокойстве.

— Как и все мы, правда?

— Скоро он приземлится и придёт сюда. Мне кажется, его гнетёт страх, посеянный людьми из того места, которое ты ненавидишь.

— Скорее всего. Ведь он живёт среди них.

Малакар мельком глянул на открывшиеся перед ним картины Земли.

Он включил экраны, которые показывали большую часть поверхности планеты, только чтобы протянуть эти несколько минут, и скоро выключил их, потому что изменившиеся очертания континентов утомляли его. Житьё на вулкане, только потому, что это место было когда-то дорого, приучило его к худшему из того, что могли показать экраны. Земля ещё многое значила для Малакара, но он не в силах был изменить её нынешний облик…

Он проследил за кораблём, за тем, как из него выходит Морвин, и нацелил на него несколько оборонительных систем.

Что же я делаю? — задумался он. Ведь должен же человек хоть кому-нибудь доверять!

Тем не менее он следил за Морвином, пока тот не приблизился к воротам цитадели, и вёл над ним шар, из которого в любую секунду готова была пролиться огненная смерть.

Одетая в космический скафандр фигура остановилась, и Морвин посмотрел вверх. Нажатием кнопки на обширной панели Малакар убрал шар.

Замигала белая лампочка, и он повернул верньер, впустив треск статических разрядов и голос:

— Сэр, я пришёл только за тем, чтобы сказать «Привет!» Если вы хотите, чтобы я ушёл, я уйду.

Малакар тронул другую кнопку.

— Нет. Заходи. Это всего лишь меры предосторожности.

Но он продолжал следить за каждым шагом Морвина, вводя данные о его передвижении в боевой компьютер. Он просветил Морвина рентгеном, взвесил его, измерил пульс и кровяное давление, снял энцефалограмму. Он ввёл эти данные в другой компьютер, который проанализировал их и вернул в боевой.

РЕАКЦИЯ ОТРИЦАТЕЛЬНАЯ — вспыхнуло на

дисплее, как он того и ожидал.

— Шинд? Что скажешь?

— Я сказал бы, что он и в самом деле хочет поздороваться.

— Хорошо.

Малакар открыл ворота своей крепости, художник вошёл в огромный холл и уселся на плавающий диван.

Раздевшись, Малакар ступил в туманную завесу, которая за время прохождения помыла и побрила его. В гардеробной Малакар быстро оделся, спрятав на теле всего несколько видов обычного оружия. Потом он спустился на нижний уровень и вошёл в холл с другой стороны.

— Привет, сказал он. — Как дела?

Морвин улыбнулся.

— Здравствуйте, сэр. В кого это вы стреляли, когда я снижался?

— В призраков.

— О? Ну и как? Попали?

— Ни разу… К сожалению, на Земле нет больше виноградников, но у меня ещё остались кое-какие запасы их даров. Не против?

— Конечно, нет.

Малакар налил два бокала и передал один Морвину.

— Глоток за твоё здоровье. Потом — обед.

— Спасибо.

Бокалы звякнули.

* * *

Гейдель встал. Потянулся. Лучше. Значительно лучше. Он проверил свои руки, ноги. Кое-где ещё болело… Кое-какие мышцы свело — он помассировал их. Повертел головой из стороны в сторону.

Потом подошёл к грязному окну сарая и выглянул на улицу.

Длинные тени. Снова вечер.

Гейдель рассмеялся.

Перед его полусонными глазами проплыло печальное синее лицо.

— Прости меня, Леди, — сказал он, уселся на ящик и стал дожидаться ночи.

Он чувствовал, как сила поёт в его болячках, и в новой, незаживающей язве на правой ладони.

До чего же хорошо!

* * *

В ожидании колокола Дейлиг с Диглы, как то было в его обычае, размышлял. Он сидел на

балконе, наполовину прикрыв веками глаза, и не замечал океана, к которому было обращено его лицо.

Случилось то, к чему долгое служение богам не смогло подготовить его. Он никогда не слышал ни о чем подобном, хотя религия, обряды которой он отправлял, была весьма многообразной и чрезвычайно древней.

Невозможно не представить этот феномен галактического масштаба вниманию Имён. Но Имена странно безразличны к делам своих храмов. В основном Носители Имён общались друг с другом по делам, касающимся украшения планет, в которых почти все они принимали участие.

Не будет ли наглостью с его стороны обратиться непосредственно к одному из Тридцати Трёх Живущих?

Вероятно.

Но если они пребывают в неведении, разве не его долг обратить их взгляд в нужном направлении?

Он размышлял. Он размышлял долго.

Когда прозвенел колокол, он встал и пошёл к передатчику.

* * *

Нечестно, решил Гейдель, хотя именно этого он хотел, и теперь это казалось ему совершенно необходимым. Но в то время, когда он предпринял необходимые действия, у него были другие намерения, и это обстоятельство отняло у случившегося пикантность, вкус, который в противном случае был бы куда слаще.

Он шёл по улицам Италбара. Нигде не было света. Ничто не двигалось под сверкающими звёздами.

Он снял вывеску, извещавшую о карантине, посмотрел на неё, разорвал, уронил клочки на землю, и пошёл дальше.

Он хотел прийти ночью, измазать дверные ручки гноем своих язв, провести скрюченными пальцами по перилам, залезть в магазин и плевать на пищу.

Где они все? Умерли, умирают, разбежались. Город ничем не напоминал тот Италбар, каким Гейдель увидел его в первый вечер, с холмов. Тогда у него были другие намерения…

Он искренне сожалел о том, что оказался орудием смерти случайно, а не по своей воле.

Но будут другие Италбары… и планеты, полные

Италбаров.

На перекрёстке, где мальчик пожал Гейделю руку, он остановился и вырезал себе посох.

На месте, где мужчина предложил подвезти его, он остановился и плюнул на тротуар.

Прожив столько лет в одиночестве, Гейдель чувствовал, что понимает природу человека лучше тех, кто прожил всю жизнь в городах. Видя, он мог судить.

Сжимая посох, он вышел из города в направлении холма. Ветер развевал его волосы и бороду, звёзды Италбара сияли в его глазах.

Он улыбался.

* * *

Малакар поудобнее вытянул свои обвешанные оружием руки и ноги, подавил зевок.

— Ещё кофе, Морвин?

— Спасибо, капитан.

— Значит, ОЛ хочет разжечь старые страсти и использовать меня, как предлог? Прекрасно.

— Мне это было представлено несколько иначе, сэр.

— В итоге получается одно и то же.

Не могу я доверять тебе, решил Малакар, хотя сам ты считаешь, что заслуживаешь доверия.

Ты был прекрасным заместителем, и всегда нравился мне. Но артистические натуры никогда не отличались надёжностью. Ты ушёл туда, где покупают твои картины. С этим твоим телекинезом, направь его на ядерный реактор, мы смогли бы снова поработать вместе. Плохо… Почему ты не куришь ту трубку, что я подарил тебе?

— *Он думает сейчас именно об этом,* — сказал Шинд.

— *О чем он ещё думает?*

— *Информация, которой я боялся, не выделяется среди его мыслей. А если как-то и выделяется, я не могу признать её опасной.*

— Морвин, мне хотелось бы попросить тебя об одолжении.

— Сэр?

— Это касается тех сонных шаров, которые ты делаешь…

— Да?

— Мне хочется иметь такой же.

— Был бы рад, но у меня нет с собой нужного оборудования. Знай я, что вы заинтересуетесь, я бы…

— Мне понятен сам принцип твоего искусства и, вполне вероятно, что оборудования *моей* лаборатории нам должно хватить…

— Нужны ещё наркотики, телепатическая связь… сам шар.

— …сам я — доктор медицины, мой друг — телепат, он может и передавать и посылать мысли. Что касается шара, мы его сделаем.

— Что ж, интересно будет попробовать.

— Отлично. Почему бы нам не начать… прямо сейчас?

— Не возражаю. Знай я о вашем интересе раньше, я и сам давно предложил бы свои услуги.

— Я задумался об этом совсем недавно, а сегодняшний день ничем не хуже любого другого.

* * *

Гейдель путешествовал сквозь джунгли Клича. На лодке он проплыл по реке Барт сотни миль, останавливаясь в деревнях и маленьких городках.

Внешне. он теперь и в самом деле напоминал святого подвижника — казался выше и сильнее, глаза его и голос привлекали внимание толпы. Одежда его превратилась в лохмотья, спутанные грязные волосы развевались по ветру, тело покрылось бесчисленными язвами, гнойниками, опухолями, неприятного цвета пятнами. Он проповедовал, и люди слушали его.

Он проклинал людей. Он говорил о жажде насилия, изначально живущей в их душах и о зле, формирующем глубины сознания.

Он говорил о человеческих преступлениях, взывающих о правосудии, и возглашал, что правосудие свершилось. Он говорил, что акт покаяния лишён всякого смысла, и убеждал людей провести оставшиеся часы в устройстве своих дел. Никто не смеялся, услышав эти слова, хотя потом многие улыбались.

Кое-кто, однако, повиновался.

Возвещая таким образом День Уничтожения, Гейдель шёл от деревни к городу, от города к столице; и ни одно его пророчество не осталось неисполненным.

Немногие оставшиеся в живых начали считать себя, по какойто смутной причине, избранными. Но избранными *кем*, или *зачем*, они не имели ни малейшего представления.

* * *

— Я готов, сказал Малакар.

— Хорошо, — -согласился Морвин. — Начнём.

Какого черта ему нужно? спросил он себя. Капитан никогда не был склонён к самоанализу, к каким бы то ни было эстетическим чувствам,

и вдруг ему захотелось обзавестись в высшей степени личным произведением искусства. Неужели он изменился? Нет, надеяться на это было бы ошибкой. Его вкус в украшении своего обиталища остался ужасным, и ничто в его убранстве не изменилось со времени моего последнего посещения. Его намерения, планы, желания не претерпели изменений. Нет. Его просьба диктуется отнюдь не эмоциями. Тогда чем же?

Морвин следил, как Малакар впрыскивает себе в руку прозрачную жидкость.

— Что это за наркотик? — спросил он.

— Просто слабый галлюциноген. Подействует через несколько минут.

— Но, капитан, вы ещё не объяснили мне, к чему готовиться… что, так сказать, воплощать.

— Этим я только облегчаю твою задачу, — сказал Малакар, укладываясь на кушетку. — Я скажу — через Шинда — когда всё будет готово. Тебе останется только ударить по кнопкам и запечатлеть именно то, что сформируется к тому моменту в моем сознании.

— Это подразумевает участие в процессе вашего *сознания* и непременно приведёт к ослаблению силы и чёткости видения. Поэтому, сэр, я предпочитаю пользоваться своими собственными

медикаментами.

— Не волнуйся, образ будет ясным и чётким.

— Сколько придётся ждать, пока видение достигнет необходимой чёткости?

— Минут пять. Оно придёт внезапно, но останется достаточно долго, чтобы ухватить его.

— Постараюсь, сэр.

— Постарайся, Морвин. Это приказ. Я уверен, что таких сложных заказов у тебя ещё не было. Но я хочу, когда проснусь, увидеть перед собой законченную работу.

— Слушаюсь, сэр.

— Почему бы тебе ненадолго не расслабиться?

— Да, сэр.

— *Шинд?*

— *Я здесь, капитан. Он всё ещё в недоумении, не понимает, почему вам захотелось этого, и что это будет такое. Не будучи в состоянии ответить на эти вопросы, он решил обойти их. Скоро я всё узнаю, говорит он себе, хочет успокоиться и выполнить приказ. Он очень напряжён — ладони потеют, и он вытирает их о брюки. Пытается контролировать своё дыхание и частоту сердечных сокращений. Успокаивается. Поверхностные мысли теряют интенсивность… Вот! Он делает со своим мозгом что-то, чего я не могу*

понять. Очевидно, готовит себя к появлению своего необычного таланта. Теперь он по-настоящему спокоен, и сознаёт это. В нем не осталось ни эрга напряжения… он может позволить себе мечтать. Всплывают непрошеные мысли, и так же легко уходят. Завитки, клубочки, ничего особенно выдающегося.

— Не ослабляй внимания.

— Подождите! Что-то… что-то…

— Что?!

— Шар… это каким-то образом связано с шаром…

— С каким? С тем, который мы сделали?

— Нет, этот шар — только предлог, он успокоился, и мозг его спокойно странствует… Шар… другой шар, другой…

— На что он похож?

— Большой, на фоне звёзд. Внутри…

— Что?

— Человек. Человек мёртв, но двигается. Вокруг него много всякого медицинского оборудования. Шар — звездолёт… Би Колли…

— Пелс. Мёртвый доктор. Экзопатолог. Я читал его статьи. Ну и что?

— Для Морвина — ничего, но образ уже ушёл, и снова возникли клубящиеся мысли. Тут есть

кое-что для меня… то, что мне снилось. О чем я предупреждал тебя… те самые новости, или что-то, с ними связанное.

— Я узнаю, что это такое.

— Только не от Морвина, он сам ничего не знает. Мысли Морвина говорят только о том, что существует некоторая информация, которую можно получить вместе с новостями о Пелсе. Я… Капитан, простите меня! Я оказался невольным их пособником! Это как в моем сне, несколько недель назад. Путь к трагедии пролегает не через Морвина… через Пелса! Лучше бы я промолчал! Избегайте всего, что связано с мёртвым доктором!

— Странно. Совершенно непонятный поворот событий… Но мы раздобудем нужную информацию и осмыслим её позже. Давай теперь займёмся нашим «сном».

— Подождите, капитан. Не будет никакого «позже». Гоните Пелса из мыслей и никогда не вспоминайте о нем!

— Не сейчас, Шинд. Помоги мне покопаться в воспоминаниях твоего брата.

— Хорошо. Я помогу. Но…

— Давай, Шинд!

И вот Малакар снова там, он идёт по коридорам

библиотеки, по коридорам чужого мозга. Всё, что когда-либо испытывало это создание, от слабых дородовых ассоциаций до восприятия текущего момента времени, лежало перед ним. Но он искал тот печальный, воспалённый узел сознания, близ которого побывал раньше. Обнаружив его, Малакар подошёл поближе, и попробовал поглубже проникнуть туда, где смешались боль, смерть и ужас. Это был сон, который снился Туву раньше, но память несчастного сохранила его, как и все другие. Сны эти висели на стенах картинной галереи его агонии. Закрученное штопором пятно, две струи извивающиеся ноги; всё существо пронизано светящимися линиями, напоминающими хвост зелёной кометы; слабое световое пятно заполняло размытый, напоминающий человеческое лицо контур — ничего подобного Малакар никогда не видел — ужасное лицо — маска пребывающего между жизнью и смертью. Красные слезы стекали с этого лица на серебристый хрустальный пейзаж… или на языки серебристого пламени. В центр жуткого изображения и швырнул Малакар звёздную карту Объединённых Лиг, и каждое солнце в ней было таким слабым, что казалось клеточкой умирающего тела…

— ДАВАЙ, ШИНД!

Морвин пронзительно закричал.

Малакар знал, что тоже кричит, но не мог остановиться, пока Шинд не вытащил его из мозга умирающего.

Потом, подобно молнии, ударила тьма.

* * *

Планета, именуемая Клич, исчезала позади. Через несколько часов Гейдель сможет выйти из системы и нырнуть в подпространство. Он отвернулся от пульта управления и из деревянного ящичка вытащил тонкую сигару. Ящик этот он взял в магазинчике, за прилавком которого лежал мертвец, в космопорту, полном мертвецов.

На этот раз всё произошло значительно быстрее — эпидемия почти мгновенно охватила огромную территорию. Что же это было такое? Гейдель даже не узнал симптомов. Неужели организм его стал источником, рождающим новые болезни?

Он зажёг сигару и улыбнулся.

Язык Гейделя распух, глаза пожелтели. Очень мало здоровой кожи осталось на его теле. Весь он превратился в пёструю массу болячек и опухолей.

Гейдель улыбался и выпускал струйками дым, пока глаза его не упали на отражение в выклю-

ченном боковом экране.

Улыбка исчезла. Он отложил сигару и, всматриваясь в своё лицо, наклонился поближе к экрану. После Италбара, где всё началось, он впервые видел своё лицо.

Он рассмотрел все линии, места, похожие на ожоги, чёрные рубцы, пересекавшие щеки.

Какой-то внутренний импульс возник именно в этот момент для того, чтобы собрать в кулак все его внутренности.

Тяжело дыша, Гейдель отвернулся от экрана. Руки его тряслись.

Для достижения желаемого эффекта мой внешний вид не обязательно должен быть столь отталкивающим, решил он. Три недели в суб-про, прежде чем я долечу до Вершины. Можно подлечиться и очиститься.

Гейдель снова сунул в рот сигару и запыхал ею. Левую руку он положил так, чтобы не видеть её. Ни разу больше не взглянул он на боковой экран.

Корабль вошёл в режим гипердрайва. Гейдель включил передний экран и принялся рассматривать звёзды. Они вращались вокруг некой точки, находящейся строго по курсу: некоторые — по часовой стрелке, некоторые — против. На мгно-

вение Гейделю представилось, что это Вселенная вращается вокруг него.

Потом он откинул спинку кресла, закрыл глаза и отправился в долгий путь по тропинке, на которую не ступал со времён Италбара.

...Быстрой походкой сквозь туман.

Синева, синева, синева. Синие цветы, похожие на змеиные головы. Экзотические запахи. Голубая луна над головой, голубые лианы поперёк звёзд.

Вверх, в сад...

Синие насекомые роились вокруг и, когда он взмахнул рукой, чтобы отогнать их, увидел руку.

Что-то не так, решил он. Стоит мне явиться сюда, и я становлюсь единым целым.

Он прошёл дальше в сад и почувствовал некоторые перемены, хотя и не мог понять, чем они вызваны.

Он посмотрел вверх, но на небе была только неподвижная луна.

Он прислушался, но не услышал птичьих песен.

Туман струился вокруг его ног. Первый сверкающий камень, на который он наткнулся, всё ещё разбрасывал вокруг голубоватые отблески синего. Но бабочек не было. Сам камень места-

ми затянуло паутиной, внутри которой висели десятки синих гусениц, изгибавшихся и постепенно распрямлявшихся. Глаза их сияли подобно осколкам сапфира. Пока он смотрел на гусениц, все они ухитрились повернуться в его сторону и поднять головки.

Проходя мимо других камней, он не рассматривал их, но со всё возрастающим отчаянием разыскивал скопление особенно высоких кустов.

Заметив их, он поспешил вперёд и, как всегда, свет померк при его приближении. Он увидел летний домик.

Никогда прежде он не видел его таким. Всегда он казался ему тенистым, мирным, прохладным. Теперь же каждый камень, чётко обрисовав свои контуры, горел холодным синим светом. Внутри домика была абсолютная тьма.

Он остановился. По телу прокатилась волна холода. Потом волна дрожи.

Что же именно изменилось? спросил он себя. Раньше всё было по-другому. Неужели она рассердилась на меня? За что? Наверное, не следует входить. Нужно ждать снаружи, пока не придёт пора возвращаться. А может быть, возвращаться нужно прямо сейчас? Воздух пересыщен электричеством, как перед грозой.

Он стоял и ждал. Ничего не происходило..

Кожу закололо сильнее. Начала конвульсивно подёргиваться шея, потом руки и ноги.

Он решил уйти, но что-то лишило его способности двигаться.

Вдруг его повлекло вперёд. Это было не желание, но тяга. Пульсируя каждой клеточкой тела, он сделал первый шаг.

Когда он вошёл, чувства его отличались от тех, с которыми он входил сюда раньше. На этот раз он боялся увидеть тень улыбки, дрогнувшую ресницу, прядь волос, отблеск синего лунного света на беспокойном плече. На этот раз он надеялся, что она не появится.

Он подошёл к каменной скамье, тянущейся вдоль стены, сел.

— Гейдель фон Хаймак! — пришли слова, и он захотел встать и убежать, но не смог сдвинуться с места. В словах чувствовалось болыше шипения, чем раньше, и дыхание их покрыло инеем его щеки.

— Почему ты не смотришь на меня, фон Хаймак? Раньше ты всегда рад был возможности лицезреть меня.

Он молчал. Она оставалась та же, но… другая. Всё стало другим.

— Гейдель фон Хаймак, ты не отвечаешь и не смотришь на меня! В чем дело?

— Леди…

— Не старайся быть вежливым. Достаточно и того, что соизволил, наконец, прийти.

— Не понимаю.

— В конечном счёте ты поступил правильно. Теперь звёзды изменили свой полет, а моря сбросили цепи.

У неё чудесный голос, решил он. Мелодичнее, чем прежде. Меня просто испугала внезапная перемена… И сад стал красивее.

— Ты заметил перемены и одобрил их. Это хорошо. Скажи мне, что ты думаешь о своей новой силе?

— Я радуюсь. Люди ничего не стоят и заслуживают только смерти. Чем больше будет у меня власти, тем больше их умрёт.

— Так и будет! Поверь мне! Скоро ты приобретёшь возможность испускать споры, убивающие за сотни километров. А потом настанет время, когда тебе будет достаточно ступить ногой на планету, чтобы убить на ней всё живое.

— Я ненавижу только людей. Это они чуть не убили меня. Неразборчив и жесток только человек. Другие расы, другие формы жизни не

интересуют меня.

— Но если ты собираешься служить мне — а ты уже решился — жизнь в любом проявлении станет твоим врагом.

— Леди, я не собираюсь заходить так далеко. Не все формы жизни причиняли мне зло.

— Чтобы поразить преступника, ты должен пробиться сквозь ряды невинных. Другого пути нет.

— Я буду избегать планет, на которых нет людей.

— Хорошо. На какое-то время. Ты всё так же счастлив в моем обществе?

— Да, Мира-о…

— Не коверкай моё имя. Если уж ты не можешь обойтись без него, произноси его правильно: Арим-о-мира.

— Прости меня, Леди! Я думаю…

— Прекрати думать. Исполняй мои повеления.

— Конечно.

— С той новой силой, что растёт в тебе с каждым днём, ты возьмёшь лучшее от двух вселенных. Лишь пока ты здесь, спящее тело твоё лишено знаков власти. Оно мирно похрапывает в той скорлупке, которой ты пользуешься для передвижения между мирами. Когда ты проснёшься,

силы твои возрастут, а знаки на твоём теле станут яснее, чем когда-либо.

— Зачем это? Помнится, недавно всё было наоборот.

— Божественная власть дана тебе потому, что ты перестал быть человеком, и решил стать богом.

— Я надеялся, что ты очистишь меня на какое-то время, потому что я обнаружил, что становлюсь с каждым днём всё уродливее.

Она рассмеялась.

— Ты? Уродливее? Клянусь всеми Именами, ты прекраснейшее из всех живых существ. Встань на колени и восхищайся мной. Я потребую от тебя сексуального поклонения, и только потом провозглашу тебя своим вечным слугой.

Он поднял голову и впервые увидел её лицо.

И пал на колени.

* * *

Очнувшись, Малакар сделал себе укол настоящего транквилизатора, шприц с которым держал наготове. Первым уколом он ввёл дистиллированную воду. Занимаясь этим, он ни разу не позволил себе взглянуть на шар.

Потом он встал, чтобы проделать такую же про-

цедуру со всё ещё пребывающим в беспамятстве Морвином, но помедлил.

— Почему он не приходит в себя, Шинд?

— Вся мощь смертного сна пришлась на Морвина в сочетании с его способностью к телекинезу. Они взаимно усилили друг друга.

— В таком случае я дам ему снотворного и переложу в постель.

Сделав это, Малакар вернулся в лабораторию и принялся рассматривать шар.

Волосы его встали дыбом.

Боже! Вот оно! Это именно то, что я видел! Никогда не подозревал, что Морвин достиг таких вершин в своём искусстве! Он и в самом деле ухитрился запихнуть туда кошмар. Это больше, чем просто совершенство. У меня и в мыслях не было, что получится произведение искусства, но это оно и есть — если рассматривать его наяву. Кажется, он всё-таки вносит какие-то изменения… но в них не ткнёшь пальцем. А ведь всё, что я хотел получить отвратительный маленький сувенирчик, чтобы отослать его в Генеральный Штаб на СЭЛе: «От Малакара с любовью»… пусть знают, что я ещё жив и могу кусаться. Что же я хотел сказать им… смотрите, во что я превращу ваши проклятые Объединённые Лиги? Вряд ли

мне удастся устрашить их, но я старею, а наследника не видно. Вот если у меня получится то, что я задумал, тогда другое дело. На какое-то время они опять подожмут хвост. Не исключено, что тогда появится и новый Малакар. По крайней мере, я буду молиться об этом, подбрасывая им свою новую бомбу. Не хочется мне отдавать им этот шар. Жаль, что Морвин переметнулся… Неплохой парень. Эти его шары… Шары… КАКОГО ЧЕРТА!!!

Он обшарил всю свою лабораторию, но не нашёл того, что искал. Потом он включил мониторы и осмотрел все помещения цитадели.

— ШИНД! Где ты прячешься?

Молчание.

— Я знаю, что ты каким-то образом заблокировал мой мозг. Освободи его!

Молчание.

— Учти, Шинд, зная, что замок существует, я в конце концов смогу взломать его. Это может занять несколько дней, недель, но я добьюсь своего. Избавь меня от напрасных мучений.

До Малакара донёсся мысленный эквивалент вздоха.

— Я сделал это для твоего добра.

— Когда кто-то начинает говорить, что хорошо для меня, а что плохо, я хватаюсь за

револьвер.

— Я не советовал бы снимать блокировку, пока…

— Снимай немедленно! Это приказ! Никаких дискуссий! И полегче, чтобы мне не пришлось потом потеть!

— Вы очень упрямы, капитан.

— Ты прав! Давай!

— Как скажете, сэр. Мне будет легче, если вы немного успокоитесь.

— Я и так спокоен.

Ощущение пролетевшей сквозь череп чёрной птицы…

ШАР… ДОКТОР ПЕЛС… Теперь мне всё ясно!

— Теперь, когда вы всё равно вспомнили, сами можете убедиться, насколько хитро всё было придумано. То, что мне снилось, невероятный парадокс, похожий на задачку о ботиночных шнурках…

— Твои чувства к Пелсу были настолько сильны, что ты хотел даже заставить меня забыть о нем… Нет, Шинд, всё это требует тщательного, всестороннего изучения.

— Чем вы собираетесь заняться?

— Прочитать последние статьи Пелса и выяснить, к чему он проявляет особый интерес.

Хотелось бы узнать и то, где он сейчас находится.

И снова мысленный вздох прозвучал в голове Малакара Майлса.

Той же ночью Малакар вызвал на Землю специальный почтовый корабль, чтобы тот забрал и доставил посылку в Генеральный Штаб ОЛ на планете Элизабет. Это обошлось в астрономическую сумму, но банковский счёт Малакара выдержал бы и не такое. Он лично погрузил упакованный шар в звездолёт и присовокупил записку: «Джентльмены! Всего вам наилучшего! Малакар Майлс, 4 Космофлот, капитан в отставке, ДИНАБ». Потом он принялся читать, а в некоторых случаях и перечитывать, творения врача-экзопатолога Лармона Пелса.

Когда утро осветило нависшие над Манхэттеном туманы, он всё ещё читал. На листке бумаги, кроме медицинских терминов, вызвавших его персональный интерес, было написано всего две фразы: «Дейбианская лихорадка» и «Непонятная заинтересованность в деле Х».

Тут Малакар подумал, не пора ли отдохнуть; решил, что не пора, встряхнул себя стимулятором.

У Морвина может быть ещё кое-что из того, что мне нужно, решил он.

Позже, сидя за столом, Морвин говорил:

— ...трудную вы задали мне задачу, сэр. Мне уже приходилось делать вещи, граничащие с кошмаром, но никогда с таким мощным эмоциональным зарядом. Я страшно устал, но совсем не хотел терять сознание вот так, прямо на кушетке.

— Прости. Я не подумал, что это произведёт на тебя столь сильное впечатление.

Морвин улыбнулся и отхлебнул кофе.

— Я рад, что вам понравилось.

— И ты всё так же уверен, что не возьмёшь денег?

— Нет, спасибо… Можно мне ещё раз подняться наверх, посмотреть на вулкан?

— Конечно, и я с тобой. Доедай, и пойдём.

Они поднялись на верхний уровень, и смотрели оттуда вниз, вверх и вокруг. Солнце превратило некоторые части ландшафта в золотистое конфетти. Линия горизонта напоминала покосившийся забор. В чёрном кратере булькали оранжевые огоньки. Комья лавы взлетали в небо. Время от времени по земле пробегала дрожь. Когда ветер менял направление или усиливался, дымовой занавес раздвигался, и можно было рассмотреть бьющиеся 0 подножье конуса, ис-

кажённое горячими газовыми линзами, чёрные воды Атлантики. У самой земли листья толстых, с человека обхватом, лиан, звенели свежестью, наверху они были чернее ночи.

— …трудно поверить, что вся Земля такая, — -говорил Морвин, — и что это происходит на наших глазах.

— Спроси об этом ОЛ — это их рук дело.

— …и никто никогда не поселится на родной планете…

— Я живу здесь — как напоминание о преступлении и предостережение.

— …во Вселенной множество миров, похожих на нашу прежнюю Землю. На них живут миллиарды ни в чем не повинных людей.

— Когда ставишь себе целью покарать преступников, стараешься не замечать невиновных. Таков путь мщения.

— Если не мстить, через несколько поколений не будет преступников, не будет и невиновных. По крайней мере, новое поколение ни в чем не будет виновато… а планеты сохранятся зелёными.

— Такой взгляд на вещи чересчур отдаёт философией для меня — человека, много видевшего в жизни.

— Я пережил то же самое, сэр.

— Да, но…

Малакар прикусил язык.

Они смотрели вниз, потом:

— Этот специалист по болячкам, доктор Пелс, останавливался в последнее время на Хонси?

— Да. К вам он тоже залетал?

— Давно… Что он у вас искал?

— Какую-то медицинскую информацию, статистику и человека, которого у нас нет.

— Человека?

— Кажется, зовут его Хайнек, или что-то в этом роде. Но в наших компьютерах ничего о нем не было… Ого, вот это вспышка!

Х? спросил себя Малакар. Может этот Хайнек или как его там, быть носителем заразы? Я тоже никогда не слышал о нем, но если он и в самом деле…

«Дейбианская лихорадка», вспомнил Малакар, «впервые была отмечена не на Дейбе, а на других планетах. Она безусловно смертельна, за одним исключением. Я имею в виду, конечно, случай Х. До сих пор неизвестно, каким образом передаётся эта болезнь».

Если этот человек и есть Х, может он быть невольным разносчиком инфекции? Узнать настоящее имя человека, данные о котором за-

требовал Пелс, не составит никакого труда.

Вспышки дейбианской лихорадки всегда сопровождались полудюжиной других не менее экзотических болезней. Одновременность их казалась совершенно необъяснимой. Но этот Х болел неисчислимым множеством болезней и всегда выздоравливал, по крайней мере, его признавали здоровым. Возможно ли, что некая особенность, присущая только Х, заставляет все перенесённые им болезни давать рецидив одновременно?

Мысль о возможности применения этого феномена в военных целях сверкнула в мозгу Малакара подобно оранжевой вспышке в кратере вулкана.

Каждая планета готова к бактериологической войне, готова даже к одновременному применению нескольких видов бактерий. Его же удар будет нанесён молниеносно, а последствия его всегда можно будет объяснить известными, хотя и недостаточно изученными естественными причинами. Если это возможно, и Х является ключом, контролирующим этот процесс — или даже *самим процессом* — я слышу звон похоронного колокола. Вред, причинённый ОЛ, превзойдёт мои самые смелые ожидания. Останется только

определить, тот ли самый Х этот Хайнек, и, если это так, найти его.

Несколько часов смотрели Морвин и Малакар на огни и кипящую лаву, на меняющиеся с каждой минутой море и небо. Потом Морвин откланялся:

— Мне бы хотелось отдохнуть. Я всё ещё чувствую себя слабым.

— Конечно, конечно! — воскликнул Малакар, отрываясь от созерцания чего-то отдалённого. — А я ещё побуду здесь. Кажется, готовится новый фейерверк.

— Надеюсь, вы не в обиде на незваного гостя.

— Ничто не может быть дальше от истины. Ты воодушевил меня своим посещением.

Он смотрел вслед Морвину, пока за ним не закрылась дверь, и рассмеялся.

Может, тот шар, что ты создал, отражает истину, подумал он. Точное предсказание грядущего. Я и думать никогда не смел, что мечта моя осуществится, если только…

— *Шинд!* — позвал Малакар. — *Ты понимаешь, что произошло?*

— *Да, я следил за разговором.*

— *Я попрошу Морвина присмотреть за лавочкой, а мы скоро отправимся в новое путеше-*

ствие.

— Куда?

— Дейба.

— Этого я и боялся.

Малакар всласть посмеялся над его ответом. Туман ушёл вслед полднем.

* * *

Гейдель смотрел на сверкающие звёздные спирали, так похожие на фейерверки детства. Рука его нащупала пристёгнутую к поясу сумку с монограммой. Что-то звякнуло в ней, и тут же Гейдель забыл про звёзды.

Его камни. Как они прекрасны! И как ему удалось с такой лёгкостью вычеркнуть их из памяти? Он потрогал их и улыбнулся. Это настоящие друзья. Камень никогда не предаст. Каждый из них уникален — мир в себе — и совершенно безобиден. Глаза его наполнились слезами.

— Я люблю вас, — прошептал Гейдель, любовно пересчитал их и убрал обратно в сумку.

Пристёгивая сумку, он наблюдал за движениями своих рук. Пальцы оставляли мокрые пятна гноя на всем, к чему прикасались. Но руки его прекрасны, сказала Леди. Несомненно, она права. Он поднял ладони к лицу, волна силы прокатилась

по его телу и обосновалась внутри. Он понимал, что стал сильнее любого человека или народа. Скоро он станет сильнее, чем любая планета.

Оторвавшись от созерцания рук, Гейдель снова обратил внимание на блистающий водоворот, всасывающий его в свой центр: Вершина.

Скоро он долетит до неё.

* * *

Когда пришло послание, первой его реакцией было громкое: «Черт побери! Зачем спрашивать *меня*?» Но ответ был заранее известен, и дальнейшее словоизвержение он ограничил ругательствами.

Шагая взад и вперёд, он щёлкнул тумблером, задержав ленч на неопределённое время. Потом вдруг обнаружил, что находится в саду на крыше и, уставившись на запад, курит сигару.

— Расовая дискриминация, вот что это такое, — пробормотал он, потом подошёл к потайной панели, сдвинул её и щёлкнул другим тумблером.

— Ленч в библиотеку через час, — приказал он и не стал дожидаться ответа.

Продолжая шагать, он вдыхал запахи жизни, зелени, и не чувствовал их.

День померк, и он обернулся на восток, где

случайное облачко прикрыло солнце. Нахмурившись, он посмотрел на облачко, и оно начало рассеиваться.

День снова просветлел, но он пробурчал что-то неразборчивое, вздохнул и ушёл от просветлевшего дня.

— Не везёт, и всё тут, — сказал он, входя в библиотеку. Снял пиджак, повесил его на крючок у двери.

Он обвёл глазами ряды шкатулок, в которых хранилось полнейшее собрание религиозных манускриптов во всей Галактике. На полках под каждой шкатулкой лежали их переплетённые факсимильные копии… Потом он прошёл в следующую комнату и продолжил поиски.

— Под самым потолком, — вздохнул он. — Я так и знал.

Установив стремянку в трёх футах от кумранских свитков, он проверил её равновесие и полез наверх…

Усевшись в лёгкое кресло, он зажёг сигару и положил на колени копию «Книги о множественности житейских неприятностей и соблазнах продолжительного дыхания».

Казалось, прошло всего мгновение, и он услышал лёгкий щелчок и запрограммированное

покашливание у своего левого локтя. Робот неслышно прокатился по толстому ковру и опустил покрытый салфеткой поднос до уровня, с которого удобнее всего перекладывать пищу в рот. Снял салфетку.

Ел он механически, не отрывая взгляда от книги. Через какоето время робот удалился. Он так и не запомнил, что именно ел.

Продолжил читать.

Обед прошёл точно так же. Настал вечер, и вокруг него зажглись огни, разгораясь по мере углубления темноты.

Где-то среди ночи он перевернул последнюю страницу и закрыл книгу. Потянулся, зевнул, встал с кресла и чуть не упал отсидел правую ногу. Сел и подождал, пока покалывание прекратится. Дождавшись этого, взобрался на лестницу и поставил книгу на прежнее место. Отнёс лестницу в угол. Уж кто-кто, а он мог позволить себе роботов и гравилифт, но устройство библиотеки предпочитал старомодное.

Добравшись до бара на западной террасе, он уселся перед ним. Зажёгся свет.

— Бурбон с водой. Двойная порция.

Десятисекундная пауза, во время которой он мог чувствовать кончиками пальцев едва замет-

ную вибрацию в глубине бара. Потом открылось квадратное отверстие шесть на шесть, и бокал с напитком медленно всплыл вровень со столом. Он поднял его и сделал глоток.

— И пачку сигарет, — добавил он, вспомнив, что не курил уже несколько часов.

Прибыли сигареты. Он распечатал пачку и зажёг одну из них последней, вероятно, газовой зажигалкой, избежавшей музейного стенда, и наверняка последней, от которой ещё можно было прикуривать. Правда, каждая её деталька множество раз заменялась дубликатами, сделанными исключительно для того, чтобы починить именно *эту* зажигалку — так что её вряд ли можно было причислить к предметам старины; титул прямого потомка подходил ей больше. Подарил её брат… когда? Он сделал ещё глоток. В каком-то из многочисленных ящиков валялся и оригинал — все сломанные детальки, собранные в исцарапанном корпусе. Наверное, в нижнем ящике вон того шкафа…

Он глубоко затянулся и почувствовал, как алкоголь, огнём вспыхнув в желудке, распространяет тепло на другие части организма. Оранжевая луна висела низко над горизонтом, а быстро летящая белая как раз пересекала зенит. Он улыб-

нулся, прислушиваясь к переливам скрипок. Что-то из Вивальди… «Лето»? Да. Именно так. Он сделал ещё глоток и раскрутил оставшуюся в бокале жидкость по стенкам.

Всё-таки это — моя работа, решил он. Только я ещё хоть чтото в этом понимаю. Вполне естественно, что жрец послал запрос чужому, а не кому-нибудь из своих. Меньше шансов на выговор, а если обнаружится ещё и опасность… Такой ход мыслей циничен, решил он, а ведь ты всегда презирал циников… Нет, такой ход мыслей практичен. Чем бы ни было вызвано ЭТО, оно теперь твоё; а ты знаешь, что случилось в прошлый раз, когда произошло нечто подобное. Но бороться с ЭТИМ нужно. То обстоятельство, что контролировать ЭТО никто не в силах, означает, что направлено ЭТО против всех и каждого.

Он допил бокал, придавил в пепельнице сигарету. Бокал тут же исчез, панель закрылась.

— Ещё то же самое, — сказал он и быстро добавил, вспомнив, как запрограммирован новый серво-мех: — Кроме сигарет.

Появился новый бокал, и он захватил его с собой в кабинет. Здесь он рухнул в своё любимое наклонное кресло, притушил огни, опустил температуру до 62 градусов по Фаренгейту, нажа-

тием кнопки зажёг настоящие поленья в камине, разместил за единственным окном кабинета трёхмерную голограмму ночного зимнего пейзажа; потом, дождавшись, пока огонь в камине разгорится, погасил все другие источники света, и с наслаждением окунулся в среду, наиболее способствующую, по его мнению, мыслительным процессам.

Утром он первым делом включил Секретаря-Информатора:

— Первое: мне нужно поговорить с доктором Мэтьюзом и тремя моими лучшими программистами, сразу же после завтрака, здесь в кабинете. Кстати, завтрак мне нужен через двадцать минут. Прошу оценить время, которое займёт еда.

— Вы желаете поговорить с ними вместе или по отдельности? — донёсся голос из скрытого громкоговорителя.

— Вместе. Теперь…

— Что вы желаете съесть на завтрак? — перебил его СИ.

— Что угодно. Теперь…

— Уточните, пожалуйста. Вчера вы тоже сказали «Что угодно»…

— Ладно, ладно… ветчина-яйца-тосты-масло-мармелад-кофе. Теперь, второе, что мне нужно,

это чтобы кто-нибудь, занимающий высокое место среди персонала, связался с Главным Хирургом, или Директором Департамента Здравоохранения, или как его там, комплекса СЭЛ. Мне нужен доступ к компьютеру Панопат не позднее завтрашнего полдня местного времени, через локальный терминал, расположенный здесь, на Хоумфри. Третье, пусть техники в порту начнут готовить «Т» к полёту… Пока всё.

Примерно через час с четвертью все собрались в его кабинете, и он рассадил гостей по креслам.

— Джентльмены, — сказал он, — мне требуется ваша помощь для получения важной информации. Я не вполне представляю себе природу этой информации, или вопросы, которые я должен задать, чтобы получить её, хотя у меня и есть кое-какие догадки. Информация будет касаться людей, мест, случаев, вероятностей, и болезней. Кое-что произошло лет пятнадцать-двадцать назад, кое-что — совсем недавно. На первый взгляд задача может показаться невыполнимой, но помните, информация нужна мне через два, максимум, три дня. Сначала работа ваша будет заключаться в том, чтобы помочь мне сформулировать необходимые вопросы, а потом — задать эти вопросы источнику информации, который,

как я полагаю, способен дать на них ответы. Такова ситуация в целом. Перейдём к деталям.

Ближе к вечеру, когда посетители ушли, он понял, что ничего больше сделать не может, и потому следует обратить внимание на другие дела.

Зайдя перед сном в арсенал, он сказал охраннику, что это всего лишь обычная проверка безопасности. Но время шло, и он поймал себя на том, что проверяет оружие только небольших размеров, как можно более смертоносное, которое можно спрятать, которое может нести один человек, и которое может поражать на расстоянии. Осознав, чем занимается, он, однако, не остановился. Как единственный человек в Галактике, среди многого прочего, поразивший насмерть бога, он считал, что долг его — быть готовым ко всему. На всякий случай.

Так Фрэнсис Сэндо провёл дни перед отлётом на Дейбу.

* * *

Горя нетерпением испытать свои силы в центрах урбанизации Вершины — планеты, населённой куда более густо, чем Клич, Гейдель фон Хаймак долго крутился над ней по высокой орбите, изучая карты и статистику этого творе-

ния рук человеческих, а точнее — рук Фрэнсиса Сэндо. Потом осторожно, чтобы не попасть на радары больших космопортов, он посадил корабль в почти безлюдной области второго по величине континента планеты, Сориса. Здесь он спрятал корабль в каньоне под нависающей скалой, замкнул панель управления и вход, нарезал лазером веток и замаскировал его.

Шагая прочь от корабля, с посохом в изъеденной язвами руке, он запел. Случись это раньше, он несказанно удивился бы, потому что слова песни были непонятны, а мелодия её родилась из снов.

Через некоторое время он увидел домик, прилепившийся к склону холма…

* * *

Окружённый пульсирующей музыкой, доктор Пелс приводил свою лабораторию в порядок. Он протирал, переставлял, убирал в шкафы, запирал то, что не понадобится в ближайшее время.

Я становлюсь похожим на старую деву, укорял он себя, мысленно улыбаясь. У меня есть всё, что нужно, и место, куда это поставить. Интересно, как я поведу себя, если получу возможность вернуться к людям? Конечно, я идеально приспособился к глубокому космосу… Это будет

существенная перемена. Кроме таинственного Х никто не в силах сделать для меня больше, чем уже сделано… Много лет должно ещё пройти… Или даже несколько столетий, если только не случится какого-нибудь невероятного прорыва в науке. Столетий? Кем я тогда стану? Призраком призрака? Человеком, полностью чуждым своей расе? Что скажут потомки?

Будь внутри его действующие лёгкие, он расхохотался бы. Вместо этого он уселся в кресло перед обзорным экраном и принялся смотреть, как звёзды вращаются вокруг него в космической центрифуге. Он висел, а они вращались, и православная молитва снабжала его звуками, вполне подходящими для путешествия на планету Клич, последнее известное местопребывание Гейделя фон Хаймака.

Глава 3

Был дождливый вечер, когда ОНА впервые увидела во плоти ЕГО. Клиентов не было и, спустившись в холл, она подошла к столику с прессой… По внезапному сквозняку и усилению уличного шума она поняла, что парадная дверь заведения открылась.

Выбрав, что почитать и опустив в прорезь столика нужное количество монет, она взяла газеты, повернулась и увидела его. Газеты упали на пол. Потеряв самообладание, она отступила на шаг. Невозможно, чтобы они оказались так близко друг к другу. Лицо её горело.

Он был огромен, больше, чем она его себе представляла. Волосы чёрные — всего несколько седых прядей на висках; но конечно, он мог позволить себе пройти соответствующий курс лечения и стареть медленнее, чем все. Это понравилось Джакаре — ей совсем не хотелось видеть его стариком. А этот орлиный нос и горящие глаза! Живым он производил впечатление куда большее, чем на фотографии. Одет он был в чёрный плащ. В одной руке огромный чемодан,

в другой — такой же большой ящик с ручкой и просверленными в стенках дырочками. Капли дождя висели на его волосах и бровях, сверкали на лбу и щеках. Джакаре внезапно захотелось вытереть ему лицо своей блузкой.

Она нагнулась, подобрала газеты, потом уселась в кресло и сделала вид, что читает.

— Комнату и девушку, сэр? — услышала она вопрос Горация.

— Именно так, — - ответил он, ставя багаж на пол.

— Погода неважная, — сказал Гораций, — и у нас много вакансий. — Он пододвинул альбом поближе к клиенту. — Скажите, кто вам понравится.

Она услышала, как он переворачивает страницы большой книги и считала, потому что знала их наизусть: четыре, пять… пауза… шесть… Остановка.

О нет! — думала она. Это или Жанна или Синта. Только не они! Для него… Мег, может быть, или Кайпа… Но только не Жанна сее коровьими глазищами, и не Синта, которая весит на двадцать фунтов больше, чем кажется по её фотографии.

Она рискнула посмотреть, и увидела, что Гораций отодвинулся и сам читает газету.

Быстро решившись, она встала и подошла к нему.

— Капитан Малакар…

Она хотела сказать это смело, но горло её пересохло, и голос упал до шёпота.

Он повернулся и уставился на неё, потом бросил быстрый взгляд на Горация, поднял правый указательный палец и приложил к губам.

— Привет, Как тебя зовут.

— Джакара.

На этот раз её голос прозвучал увереннее.

— Ты здесь работаешь?

Она кивнула.

— Занята сегодня?

Она отрицательно замотала головой.

— Клерк!

Гораций отложил газету.

— Да, сэр?

Он ткнул большим пальцем в сторону Джакары.

— Её.

Гораций вздохнул, сглотнул, на лице его отразилось беспокойство.

— Сэр, тут есть одно обстоятельство о котором мне хотелось бы вас… — начал он.

— Её! — повторил Малакар. — Записывай!

— Как пожелаете, сэр, сказал Гораций, вытаскивая регистрационный бланк и ручку. — Но…

— Меня зовут Роди Джимсон, я из Маадода на Кампоре. Платить сразу или потом?

— Сразу, сэр. Восемнадцать монет.

— Сколько это в долларах ДИНАБ?

— Четырнадцать с половиной.

Малакар извлёк пачку банкнот и расплатился.

Гораций открыл рот, закрыл его, потом сказал:

— Если вам что-нибудь не понравится, немедленно дайте мне знать.

Малакар кивнул и нагнулся за багажом.

— Секундочку, я вызову робота.

— В этом нет необходимости.

— Отлично. В таком случае Джакара покажет вам дорогу.

Клерк нервно покрутил ручку, сдался, и снова углубился в газету.

Малакар пошёл за Джакарой к лифту, вглядываясь в её фигуру, причёску, стараясь вспомнить лицо.

— *Шинд, приготовься принимать и передавать,* — послал он, когда они вошли в лифт.

— *Готов.*

— *Джакара, не удивляйся, и вообще не подавай никаких признаков того, что слышишь меня.*

Откуда ты знаешь меня?

— Так ты телепат!

— Отвечай только на вопросы и не забывай при этом, что я могу обрушить половину этого здания, махнув рукой в нужном направлении.

— Здесь нам выходить, — сказала Джакара вслух.

Они вышли из лифта, и она повела его направо по полосатому коридору, свет в котором испускали только плинтуса. Эффект был дразнящим и полным — такое освещение придавало облику идущей перед ним девушки что-то звериное. Малакар принюхался и уловил слабый запах наркотических паров. Вблизи вентиляторов запах чувствовался сильнее.

— Я много раз видела твои фотографии, много читала… Поэтому и узнала тебя. Вообще-то, у меня собраны все твои биографии, даже две, изданные в ОЛ.

Малакар громко рассмеялся, послал Шинду сигнал: *«Конец передачи, но продолжай принимать»*, потом:

— Она не врёт, Шинд?

— Нет, она восхищается вами, но сильно нервничает.

— Значит, никаких ловушек?

— *Нет.*

Джакара остановилась перед дверью, открыла её своим ключом, но, вместо того, чтобы войти самой или пропустить Малакара, загородила ему путь. Лицо её подёргивалось, и вид был такой, будто она вот-вот заплачет.

— Не смейся, когда войдёшь, сказала она. — Пожалуйста. Что бы ни увидел.

— Не буду.

Тогда она шагнула в сторону.

Малакар вошёл в комнату и осмотрелся. Первым делом он заметил хлысты, потом — фотографию над кроватью. Он поставил чемоданы на пол и продолжал смотреть. Донёсся звук закрываемой двери. Комната была примером аскетизма. Серые стены и тускло поблёскивающие поверхности. Единственное окно плотно закрыто ставнями.

Малакар начал понимать.

— *Да,* — сказал Шинд.

— *Приготовься передавать и принимать.*

— *Готов.*

— *Эта комната просматривается? Прослушивается?*

— *Не совсем так. Это было бы незаконно. Однако есть способы попросить о помощи или включить мониторы.*

— Что-нибудь из этого сейчас работает?

— Нет.

— Значит, никто не услышит нашего разговора?

— Нет, — ответила Джакара вслух. Малакар обернулся и посмотрел на неё — спина и ладони прижаты к двери, широко раскрытые глаза, сухие губы.

— Не бойся, — сказал он. — Ведь ты спишь со мной каждую ночь, правда?

Она не ответила. Чувствуя себя крайне неловко, он снял плащ и ещё раз осмотрелся.

— Куда можно его повесить посушиться?

Она шагнула вперёд, ухватилась за плащ.

— Давай. Я повешу его над ванной.

Она вырвала плащ из рук Малакара, нырнула в узкую дверь и захлопнула её за собой. Сразу же из-за двери донеслись звуки, будто её рвало.

Малакар шагнул к двери, собираясь постучать и спросить, не нужна ли помощь.

— Не надо, — сказал Шинд, *— оставь её пока.*

— Ладно… Выпустить тебя?

— Мне пока и здесь хорошо. Мой вид только ещё больше расстроит её.

Скоро Малакар услышал звук льющейся воды, дверь открылась и вышла Джакара. Он заметил,

что ресницы её мокры. Заметил он и то, какие ярко-голубые под ними глаза.

— Он скоро высохнет, — сказала она, — капитан…

— Спасибо. Всё-таки зови меня Малакаром, а ещё лучше Рори.

Он обошёл кровать, чтобы повнимательнее рассмотреть фотографию.

— Похож… Откуда она?

Джакара посветлела и подошла, чтобы встать рядом.

— Из твоей биографии, которую написал Гиллан. Я увеличила её и переделала на объёмную. Это — лучшая из всех, которые у меня есть.

— Не читал этой книги… Я всё стараюсь сообразить, где же это меня так…

— Перед манёвром «Параметр восемь», когда ты готовил Четвёртый флот к заходу на Коклин. По книге, тебя сфотографировали за час до вылета.

Улыбнувшись, Малакар посмотрел на неё.

— Кажется, всё так и было, — сказал он, и Джакара тоже улыбнулась.

— Сигарету? — предложил он.

— Нет, спасибо.

Тогда он закурил сам.

Как меня угораздило влипнуть в такую исто-

рию? — спросил себя Малакар. Классический патологический случай преклонения перед героем, и герой этот — я. Если я скажу что-нибудь не то, она тут же рассыплется на куски. Как вести себя в таких случаях? Наверное, если показать ей, что я сам нервничаю, а потом попросить о незначительной помощи…

— Слушай, сказал он, — ты перепугала меня внизу, потому что никто не знал, что я собираюсь на Дейбу, и я уж никак не мог представить себе, что кто-то ещё помнит моё лицо. Я выбрал это заведение, а не гостиницу, именно потому, что здесь никого не интересуют имена и лица. Как ты увидела меня! Я хотел сохранить инкогнито, и подумал, что меня уже раскусили.

— Но у тебя ведь дипломатическая неприкосновенность, не так ли?

— Я не собираюсь нарушать законы. По крайней мере, пока… Но мне нужна информация, конфиденциальная информация, и без лишнего шума.

Он смотрел Джакаре прямо в глаза.

— Могу я надеяться, что ты никому обо мне не расскажешь?

— Конечно. Как я могу поступить иначе? Ведь я родилась на территории ДИНАБ. Неужели я и в

самом деле могу помочь тебе?

— Посмотрим, — сказал Малакар, усаживаясь на край кровати. — Если ты так любишь ДИНАБ, то почему ты здесь?

Джакара рассмеялась и уселась в кресло у противоположной от кровати стены.

— Посоветуй, как отсюда выбраться, и учти, что эта работа единственная, которую я смогла здесь получить. Давай посчитаем, сколько нужно лет, чтобы набрать денег на билет.

— Ты здесь в рабстве или по контракту?

— Почему ты спрашиваешь?

— Я незнаком с местными законами, и думал, не придётся ли вырывать тебя отсюда силой.

— Меня? Отсюда? Обратно в ДИНАБ?

— Ну конечно. Ведь ты этого хочешь?

Джакара отвернулась и тихо заплакала. Малакар сидел молча, не двигаясь.

— Прости, сказала она, — я просто представить себе не могла, что со мной когда-нибудь случится *такое*. Малакар входит в мою комнату и говорит, что увезёт меня… Это мне снилось…

— Значит, твой ответ — да?

— Спасибо, сказала она. — Но есть ещё кое-что…

Малакар улыбнулся.

— Что именно? Приятель, которого ты хочешь забрать с собой? Мы и это устроим.

Джакара вскинула голову, и глаза её сверкнули.

— Ничего подобного! Ни один из здешних мне не нужен!

— Прости.

Она снова опустила глаза. Он стряхнул пепел в металлическую пепельницу на металлическом столике.

— Мне хочется сделать что-нибудь для ДИНАБ, помочь тебе в том деле, ради которого ты прилетел на Дейбу.

После долгого молчания Малакар спросил:

— Сколько тебе лет, Джакара?

— Точно не знаю, но где-то около двадцати шести. По крайней мере, я всегда так отвечаю на этот вопрос. Или двадцать восемь, или двадцать пять… Но только потому, что я ещё молода, нельзя…

Подняв руку, он заставил её замолчать.

— Я не буду отговаривать тебя. Ты и в самом деле можешь помочь мне, а про возраст я спросил тебя неспроста. Что ты знаешь о *мвалахаран кхурр*, или, другими словами, дейбианской лихорадке?

Джакара подняла глаза к потолку.

— Болезнь эта довольно редкая и, когда человек заболевает ею, кожа его чернеет. Говорят, она поражает центральную нервную систему, действует на дыхание и работу сердца. И ещё что-то насчёт жидкости… Клеточные мембраны перестают удерживать жидкость внутри клеток. Верно. Больному всё время хочется пить, но жажда ничем не утоляется. Хотя, ведь ты и сам доктор…

— Что ещё ты знаешь?

— От этой болезни нет лекарств, и заболевший всегда умирает. Ты это имеешь в виду?

— Ты уверена? Ты ни разу не слышала, чтобы кто-нибудь выздоровел?

Джакара растерялась.

— Поговаривают об одном человеке… Но тогда я была совсем ещё маленькая, сразу после войны. И почти ничего не помню.

— Расскажи мне то, что помнишь.

— Ну… это был просто человек, который выздоровел. Имени его никто не знает.

— Почему?

— Когда врачи объявили его здоровым, они решили, что люди будут бояться его, и сохранили в тайне, кто он такой.

— Х… — пробормотал он. — Потом его стали называть «Х»… Где его лечили? В какой больнице?

— Здесь, в городе. Но больницы этой уже нет.

— Откуда он пришёл?

— С Кургана. Его все так и звали: «Человек с Кургана».

— Что такое Курган?

— Что-то вроде плато. Милях в тридцати на северо-запад от полуострова есть развалины древнего пейанского города. Дейба раньше была частью пейанской империи. От города почти ничего не осталось, и ходят туда только геологи, археологи и пейанцы-паломники, да и то очень редко. Его нашли там, когда эвакуировали базу раннего оповещения… вроде бы так. Короче говоря, там была какая-то военная база, и когда с ней что-то делали, нашли этого человека. Его привезли в больницу в герметичном ящике, и он выздоровел.

— Спасибо. Ты мне очень помогла.

Она улыбнулась, и он улыбнулся в ответ.

— У меня есть пистолет, сказала Джакара. — Я научилась метко стрелять. И быстро.

— Прекрасно.

— Если ты задумал что-нибудь опасное…

— Не исключено. Ты говоришь о Кургане так,

будто эта местность тебе знакома… Можешь достать карту? Или нарисовать её?

— Хороших карт нет, но я была там много раз. Я часто езжу верхом — на курьябе — и иногда забираюсь в глубь полуострова. Курган — идеальное место, чтобы поупражняться в стрельбе.

— Там вообще никого нет?

— Ни души.

— Хорошо. Значит, ты сможешь показать мне дорогу.

— Конечно. Только там не на что смотреть. Я думала…

Он раздавил сигарету в пепельнице.

— *Как она, Шинд? Не темнит?*

— *Нет.*

— Я знаю, о чем ты подумала — что я явился сюда устроить революцию или какую-нибудь диверсию. Это не так, но то, что я задумал — важнее. Очередной акт насилия разозлит ОЛ, но они переживут это… На Кургане я попробую подобрать ключ к самому страшному оружию в Галактике.

— Каким образом?

— Узнать, кто такой Х.

— И как это поможет тебе?

— Это я объясню потом. Первым делом нужно осмотреть город. Если тот, кто мне нужен, был

на Кургане, он мог оставить там следы. Не знаю, какие именно, но думаю, что тот, кто отвёз его в больницу или уничтожил его снаряжение, или оставил всё, как есть. Если оно ещё там, я найду его.

— Я помогу, — сказала Джакара. — Я хочу помочь! Но у меня не будет выходного до…

Он встал, возвышаясь над ней, словно башня, и коснулся её плеча.

От этого прикосновения по телу её пробежала судорога.

— Ты ещё не всё поняла, — сказал Малакар. — Сегодня — твой последний день в этом заведении. Теперь ты будешь принадлежать только себе самой. Утром купи или найми пару этих курьябов и снаряжение, чтобы добраться до Кургана и прожить там хотя бы неделю. Мне не хочется поднимать корабль — какой-нибудь любопытный портовый контролёр попробует выследить меня. Завтра мы уедем, и для тебя это будет означать конец всяких связей с этим местом. У тебя не будет больше ни «выходных», ни «рабочих» дней. Ты расторгаешь контракт. Это законно?

— Да, ответила она, с силой сжимая подлокотники кресла.

Я не хотел, подумал он. Но она может оказать-

ся полезной. А прежде всего она — девушка из ДИНАБ, которую проклятые Объединённые Лиги довели чуть не до умопомешательства. Она подойдёт.

— Значит, решено, — сказал он и зажёг новую сигарету.

Джакара немного успокоилась.

— Я бы выкурила сигарету… Малакар.

— Рори, — поправил он.

— Рори, — согласилась она.

Малакар зажёг сигарету и вручил ей.

— Нигде не написано, что ты телепат, — сказала она через некоторое время.

— Я не телепат. Это своего рода фокус. Завтра я покажу тебе, как это делается.

Но не сегодня, подумал он. Боже! Сколько времени понадобилось, чтобы ты хоть немного успокоилась! Если я сейчас представлю тебя волосатому с глазами, как чайные чашки, ты завопишь, и тут же сбежится народ.

— Ты не будешь возражать, если я открою на минутку эти ставни? — спросил он.

— Позволь мне…

— Нет, я сам…

Но Джакара была уже на полпути к окну.

Она нажала кнопку под ставнями, и они тихо

скользнули в стены.

— Окно тоже открыть?

— Немного, ответил Малакар, подходя к ней.

Окно подчинилось приказу другой кнопки, и в комнату ворвался сырой ночной воздух.

— Дождь ещё не кончился, — заметил он, протянул руку и стряхнул за окно пепел.

Они стояли у полуоткрытого окна и сквозь ползущие по стеклу капельки и ручейки смотрели на город.

— Почему ты держишь окна закрытыми? — спросил он.

— Мне ненавистен вид этого города, ответила она совершенно спокойно. — Однако он неплох ночью, когда ничего не видно.

С холмов скатился отдалённый раскат грома.

Малакар облокотился на подоконник. После некоторого колебания Джакара сделала то же самое. Теперь они были совсем рядом, но Малакар знал, что прикоснись он к ней, и очарование момента разлетится вдребезги.

— Тут часто дожди? — спросил он.

— Да, особенно в это время года.

— Ты плаваешь? Катаешься на яхте?

— Плаваю, чтобы быть в форме, могу управляться с парусами. Но я не люблю море.

— Почему?

— Мой отец утонул. Это случилось после того, как умерла мама, и меня отправили к другим детям. Однажды ночью он захотел обогнуть Мэрфи-Пойнт… Мне кажется, он пытался сбежать из лагеря для перемещённых лиц. В общем, мне сказали, что он утонул… Наверное, его пристрелил какой-нибудь проклятый охранник. Я была ребёнком, ничего не понимала, и ещё не умела ненавидеть.

Малакар стряхнул за окно очередную порцию пепла.

— Что будет после того, как ты победишь? — спросила она.

Он швырнул сигарету в окно и повернулся к ней.

— Ты говоришь о победе? Я буду драться, пока не погибну, но я никогда не сломаю хребет Объединённым Лигам. В этом смысле я никогда не выиграю. Моя цель — сохранение ДИНАБ, но не уничтожение ОЛ. Я хочу сохранить тридцать четыре крошечные планеты от порабощения четырнадцатью Лигами. Я не надеюсь побить их, но я надеюсь внушить им некоторое уважение к ДИНАБ, и тем самым дать ДИНАБ шанс вырасти и самому достигнуть статуса Лиги, шанс избежать

дробления и поглощения другими Лигами. Если бы только нам удалось колонизировать еще несколько дюжин планет, если бы Лиги перестали бойкотировать нас и бить по рукам каждый раз, когда мы пробуем что-то новое! Я хочу, чтобы мы присоединились к ОЛ, но на своих условиях. Конечно, я ненавижу их за то, что они с нами сделали. Но пока что это лучшая цивилизация из всех возможных. Я хочу быть с ними, но на равных.

— А Курган? Ты же хотел узнать, кто такой Х…

Малакар заговорщически улыбнулся.

— Если я раскрою этот секрет, то войду в историю, как самый мрачный негодяй галактического масштаба. Но этим я напугаю ОЛ до полусмерти! Они надолго оставят ДИНАБ в покое.

После этого она выбросила в окно свою сигарету, и он зажёг им ещё две.

Они прислушивались к голосу штормового ревуна и наблюдали за вспышками молний. Если молния вспыхивала далеко впереди — на её фоне ясно вырисовывались чёрные силуэты зданий; если сзади — казалось, каждое окно Кейпвилла поглощает частичку её сияния и тут же выплёскивает, но в другом направлении. Большую же часть времени перед ними светились изломан-

ные огни города.

Я уже целую вечность ни с кем вот так не разговаривал, думал он. И не всегда Шинд сидит рядом и говорит, кому я могу доверять. Она — приятный ребёнок. Безусловно, красива. Но эти хлысты, и то, как странно реагировал на неё клерк… Она ненавидит всех… Может быть, я старомоден… Конечно, старомоден. Слишком плохо. Может быть, когда-нибудь она найдёт в ДИНАБ человека, который будет добр к ней… Черт побери, да я старею!

Приятный ветерок. Прекрасный пейзаж.

Кругами, напоминая огромное светящееся насекомое, низко спланировал какой-то летательный аппарат. Малакар смотрел, как он уходит в сторону космопорта, в котором стоял и его корабль.

Наверное, малый челнок, решил Малакар. По размеру подходит. Но кому придёт в голову спускаться в такую ночь с уютной, тёплой, сухой орбиты? Никому… кроме меня, конечно.

Челнок медленно покружился, потом замер, словно ожидая разрешения на посадку.

— Джакара, выключи свет, — попросил он и тут же почувствовал, как она напряглась, — а если у тебя есть бинокль или какой-нибудь телескоп, — быстро добавил он, — принеси. Мне хочется поглядеть на тот челнок. Любопытная машина.

Она отошла, и Малакар услышал, как открывается какой-то ящик. Примерно через десять биений сердца комната погрузилась в темноту.

— Вот, — сказала она, подходя.

Он поднёс трубу к глазам, нацелился.

— Что такое? — спросила она. — В чем дело?

Он ответил не сразу, но продолжал подстраивать фокус.

Сзади сверкнула молния.

— Это и в самом деле челнок, — констатировал он. — Часто они появляются в Кейпвилле?

— Часто, в основном торговые.

— Этот слишком мал… Частные?

— Несколько в месяц. Туристы.

Он сложил трубу и вернул её Джакаре.

— Может быть, я слишком подозрителен, но я всегда боюсь, что меня выследят…

— Включу-ка я свет, — сказала она, ушла во тьму и прогнала её.

Закрылся ящик, и долго ещё после этого глядел Малакар на город.

Потом он услышал за спиной тихий всхлип и медленно обернулся.

На постели, на боку, лежала Джакара. Волосы скрывали её лицо. Она начала расстёгивать блузку, и Малакар увидел, что бельё на ней чёрного

цвета.

Он долго смотрел на неё, потом подошёл и сел рядом. Отбросил с её лица волосы, и остался сидеть, положив руку ей на спину.

Она плакала.

— Прости меня, — выдавила она, не глядя на Малакара. — Ты хотел комнату и женщину… а я не могу. Я хотела, но… не могу! Не с тобой. Ты не получишь никакого удовольствия. У нас есть прелестная женщина по имени Лоррен, и другая, Кайпа. Они очень популярны. Я попрошу кого-нибудь из них прийти и побыть с тобой.

Она начала подниматься, но он протянул другую руку и прикоснулся к её щеке.

— Кого бы ты ни привела, она как следует выспится. Это единственное, на что я сейчас годен.

Она впервые посмотрела ему в глаза.

— Ты не обманываешь меня?

— Насчёт этого — нет. Я очень хочу спать. Сними покрывало, а утром расскажешь мне, как я храплю.

Она проглотила застрявший в горле комок, кивнула и энергично принялась за дело.

Позже он услышал, как она вышла из ванной и легла в постель. Она забыла закрыть окно. Он любил свежий воздух и не стал напоминать ей

об этом упущении. Он лежал, дыша океаном и прислушиваясь к шуму дождя.

— Малакар, — услышал он её шёпот. — Ты не спишь?

— Нет.

— Что будет с моими вещами?

— С какими вещами?

— Ну, одежда, книги… вещи…

— Мы упакуем их утром, отошлём в порт, и пусть они дожидаются нас там. Я помогу тебе.

— Спасибо.

Она поворочалась немного, потом затихла. Гудел штормовой ревун. Малакар вспомнил о пролетевшем мимо челноке. Даже если Отдел и выследил его, он ничего не может с ним сделать.

С другой стороны, ему совсем не хотелось, чтобы имя его как-то ассоциировалось с Дейбой. Если этот челнок и в самом деле принадлежит Отделу, то как им это удалось? Морвин? Он упоминал, что один из его друзей работает в Отделе. Мог ли он прицепить радиомаяк к «Персею»? Но Шинд сказал, что он чист…

Ты превращаешься в параноика, решил Малакар. Забудь об этом.

Но он открыл глаза и уставился в потолок. Джакара пошевелилась. Он перевёл взгляд на стену,

различил в темноте ещё более тёмные очертания хлыстов и вздрогнул. А ведь сам он смотрит на всё это со стены. Фальшивая икона в борделе. Это и забавляло его, и в то же самое время ранило. Снова ревун. Ночной воздух становится холоднее. Вспышка, раскат грома, дождь. Снова. Игра медных бабочек на потолке, стенах…

Он задремал и проснулся от прикосновения её руки.

— Малакар…

— Что?

— Я замёрзла. Можно подвинуться поближе?

— Конечно.

Он убрал руку, и она мгновенно очутилась рядом с ним, вцепилась в него так, будто он умел летать, а она — нет. Он обнял её, положил её голову себе на грудь и уснул окончательно.

Утром они позавтракали в ресторанчике неподалёку от заведения. Малакар обратил внимание на группу женщин за дальним столом. Каждая из них время от времени украдкой бросала на него быстрый взгляд.

— Почему они смотрят на меня? — тихо спросил он.

— Они работают там же, где и я, и удивлены, что ты провёл со мной целую ночь.

— Это нечасто случается?

— Нет.

Вернувшись, они раздобыли чемоданы, и Малакар помог ей уложить вещи. Пока они занимались этим, Джакара молчала, как молчала до этого всё утро.

— Ты боишься, — сказал он.

— Да.

— Это пройдёт.

— Я знаю. Я много думала о том, что буду чувствовать в такой день, но и представить себе не могла, что это будет страх.

— Ты оставляешь позади нечто такое, что знаешь, а впереди — неизвестность. Это понятно.

— Я не хочу быть слабой.

— Страх — не признак слабости. — Он похлопал её по плечу. — Кончай укладываться, а я позвоню в порт и договорюсь, чтобы они забрали твои вещи.

Она отступила на шаг, сказала:

— Спасибо, — и склонилась над чемоданом.

Надеюсь, она оставит здесь мою фотографию и эти проклятые хлысты, подумал Малакар.

Договорившись с портовыми властями о чемоданах Джакары, он позвонил в диспетчерскую. Видеоэкран он при этом не включил.

— Не подскажете ли мне, кому принадлежит тот челнок, что приземлился вчера вечером? Отделу?

— Нет, — донёсся ответ. — Он принадлежит частному лицу.

Это ещё ни о чем не говорит, подумал Малакар. Если Отдел просит о секретности, с ним охотно сотрудничают. Однако нужно попробовать…

— Вы можете описать мне этот корабль?

— Конечно. Модель «Т», из Лимана, Боготель. Синьор Энрико Карузо — владелец и капитан.

— Спасибо.

Это всё ещё ничего не доказывает, но известно, что когда Отделу удавалось выследить меня, он никогда не делал из этого тайны. Наверное, я и в самом деле потихоньку схожу с ума. Не стоит проверять этого Карузо. Если он настоящий — всё в порядке, если нет — установление его личности займёт слишком много времени. Вообще-то, меня не должно это волновать. Если только он не убийца. Но даже тогда…

— Я готова, — раздался голос Джакары.

— Отлично. Вот деньги. Посчитай и скажи, хватит ли их. Я дождусь людей из порта, а ты займись животными и снаряжением.

— Здесь больше чем достаточно, — сказала она.

— Малакар…

— Что?

— Когда я должна сказать им, что увольняюсь?

— Если хочешь, прямо сейчас, а если не хочешь разговаривать с ними, напиши записку.

Она просияла.

— Я напишу им записку.

В полдень они уже ехали между холмов. Вьючные животные плелись сзади, привязанные к седлу Джакары. Она натянула поводья и обернулась, чтобы посмотреть на город внизу.

Малакар тоже остановил своего курьяба, но смотрел он не на Кейпвилл, а на Джакару. Она ничего не сказала. Как будто Малакара не существовало.

Глаза её сузились, а губы сжались так крепко, что стали почти невидимыми. Волосы она перевязала лентой, и Малакар смотрел, как ветер играет её концами. Она сидела так примерно полминуты. Он буквально ощущал, как катится вниз по склонам волна чистой ненависти и разбивается о город. Потом это кончилось, и курьяб Джакары пошёл вперёд.

Я вижу сон, Джакара, сказал себе Малакар. Тот самый, который мог бы сделать Морвин…

Они ехали весь день, и Малакар увидел другой

берег полуострова, где воды были светлее, и где не было города. Он разглядел несколько домиков на далёком берегу, но между ними и холмами возвышалось переплетение зелёного, где лианы бежали от дерева к дереву и где среди листвы порхали чёрные птички. Небо было наполовину затянуто тучами, но солнце расположилось на другой половине, и день всё ещё светился. Тропа была сырой от ночного дождя и, проходя по ней, они поднимали муть в лужицах чистой воды. Малакар заметил, что подковы его курьяба имеют треугольную форму, и подумал, что он, наверное, отчаянный боец. Далеко внизу на волнах появились белые барашки, закачались деревья.

Ветер ещё не добрался до наших высот, подумал Малакар.

Судя по этим облакам, ночью пойдёт дождь. Если ветер разгуляется, брезент оказался бы лучше, чем та плёнка, которую она купила…

Перед наступлением сумерек они остановились и поели. Шинд вылез из своего ящика и присоединился к ним. Джакара улыбнулась. Казалось, дарвенианин понравился ей. Это обрадовало Малакара, который решил, что она, наверное, настолько ненавидит людей, что ей легче завести дружбу с представителем другой расы.

Пока они ели, небо совсем затянуло облаками. Близилась ночь. Налетали резкие порывы ветра.

Джакара подняла палец и сказала:

— Через шесть миль будет место, защищённое с двух сторон. Мы поставим там палатку.

Когда они добрались до этого места, дождь уже шёл.

Лёжа в мокрой одежде, прислушиваясь к движениям курьябов, чувствуя ветер, а иногда и дождь, прижимаясь к ней, глядя на сложенные из серого камня стены и на дождь, он планировал, выбирая миры для смерти. Он составил прекрасный план, всесторонне обдумал его, решил, что он сработает, и отложил для будущего воплощения. Он готов. Послезавтра они будут на Кургане. Рядом с ним Джакара тихо посапывала во сне.

— *Спокойной ночи, Шинд.*

— *Спокойной ночи, капитан.*

— *Ей снится кошмар?*

— *Нет. Сон её приятен.*

— *Тогда я не буду будить её. Спи спокойно.*

— *И ты.*

Он долго лежал, прислушиваясь к ночи, и растворился в ней.

На следующие утро они вышли с полуострова, повернули на северо-запад и двинулись в глубь

материка. Местность постепенно понижалась и скоро они добрались до ровного плато, которое и пересекли в полдень. Это привело их к подножию следующей гряды холмов. В них и лежит Курган, сказала Джакара. Они увидят его ещё до темноты.

Она оказалась права. Они взобрались на очередной склон, она показала рукой, он кивнул. Гигантская скальная масса с плоской вершиной лежала в нескольких милях впереди. Подход к ней преграждал глубокий каньон, через который нужно было перебираться. Курьябы спокойно зашагали меж валунов.

К вечеру они пересекли каньон и вышли на удобную тропу, на чинавшуюся на южном склоне Кургана и ведущую на запад и вверх. К этому времени Малакар совершенно освоился со своим курьябом, и доверял ему даже при свете звёзд.

Только утром, бросив первый взгляд на руины, Малакар осознал объём предстоящей работы. Согласно канонам пейанской архитектуры, ни одно здание не стояло слишком близко к другому. Город раскинулся на площади примерно две мили в длину и около четверти в ширину. Сохранились в основном фундаменты, но кое где ещё высились стены. Земля была усеяна обломками, между

которыми густо росли трава и кусты, частично скрывая их.

Деревьев не было. Вне очертаний того, что было когда-то городом, стояло небольшое прямоугольное здание с облупившимися от солнца и дождя стенами.

— Это и есть военная база?

— Да. Я была внутри. Крыша местами обвалилась, там полно насекомых и плохо пахнет. Когда люди уходили отсюда, они всё забрали с собой.

Он кивнул.

— Тогда для начала давай немного пройдёмся, и ты покажешь мне, что есть что.

Шинд, похожий среди обломков на маленькую скользящую тень, пошёл с ними. Они ходили несколько часов, и Джакара рассказала ему всё, что знала. После этого Малакар выбрал для более тщательного обследования наиболее высокий остов, надеясь, что в своё время именно он первым привлёк внимание Х. Но наступил полдень, а он: ничего не нашёл.

После завтрака он взобрался на высшую точку развалин (стену) и, сидя там, нарисовал карту местности. Потом, точка за точкой, он разметил её и разделил на квадраты. Потом он потратил несколько часов, чтобы отметить все места, где

пересекались линии.

— Будем обыскивать квадрат за квадратом? — спросила Джакара.

— Верно.

— Откуда начнём?

— Выбирай, — сказал он, протягивая ей карту.

Она быстро взглянула на него и увидела, что он не шутит.

— Отсюда — с середины.

Они обследовали два квадрата, влезая в подвалы и подподвалы, переворачивая камни, раздвигая кусты. Они работали, пока перестали что-либо различать в темноте, потом вернулись в лагерь и разожгли костёр.

Позже, когда они смотрели на звёзды, Джакара первой нарушила молчание, сказав:

— Мы хорошо начали.

Он не ответил — продолжал лежать и курить. Она нашла его руку и до боли сжала её.

— Что с ней, Шинд?

— Она хочет успокоить тебя. Она чувствует, что ты несчастен оттого, что не нашёл сегодня того, что искал.

— Конечно, она права… С другой стороны, я и не рассчитывал найти что-нибудь в первый же день.

— Скажи ей об этом сам. Её мозг — странное место. Она несчастна, потому что думает, что несчастен ты.

— Этого только не хватало!

— Капитан…

— Что?

— Я жалею, что рассказал тебе о том сне.

— Я уже догадался.

— Всё ещё не поздно…

— Спи, Шинод.

— Да, сэр.

— Эй, Джекки?

— Что?

Он протянул свободную руку, положил ей на затылок, повернул её голову к себе, поцеловал в лоб и отпустил.

— Ты прекрасный проводник, и мы действительно хорошо начали.

Потом он отвернулся от неё и заснул. Звёзды ясные, не переставала думать она, глядя на бескрайнюю звёздную россыпь, подарите ему исполнение желаний.

С утра они снова принялись за дело и к полудню обработали ещё четыре квадрата. Кое-что они нашли — кухонные принадлежности местного производства и грязный обрывок брезента. Но

хотя они заглянули буквально под каждый камешек, больше ничего не попалось.

— Наверное, это его лагерь, — сказала Джакара.

— Или ещё чей-нибудь. Не обнадёживай себя.

— Может быть… Давай покончим с этим квадратом и займёмся следующим.

В этот день они осмотрели восемь квадратов и ничего не нашли.

— Шинд?

— Что, Джакара?

— Он спит?

— Да, но даже если бы он не спал, он не услышал бы нашего разговора без моего разрешения.

— Он огорчён?

— Не очень. Он всегда молчит, когда работает. Он… занят. Ты не сделала ничего, что могло бы огорчить его.

— Ты давно его знаешь?

— Больше двадцати земных лет. Во время войны я был его личным переводчиком.

— И всё ещё сражаешься вместе с ним за ДИНАБ. Из всей команды остался ты один.

— Время от времени я бываю полезен ему.

— Приятно слышать о таком беззаветном служении идее.

— Одно существо не может делить мысли другого так долго, как мы, без того, чтобы не сойти с ума или не полюбить другого. Мои чувства к Малакару — личные. ДИНАБ тут ни при чем. Я служу им только потому, что эти пять букв ещё что-то для него значат.

— Ты любишь его? Ты… женщина?

— Да, в моей расе меня можно отнести к женскому роду. Но это тоже не имеет значения. Человека можно научить дарвенианскому образу мыслей… и чувств, но это займёт многие месяцы и ни к чему не приведёт. Называй это любовью.

— Я не совсем тебя понимаю, Шинд.

Последовал мысленный эквивалент пожатия плечами.

— Ты говорила, что умеешь обращаться с оружием.

— Да, — ответила Джакара.

— Тогда держи его наготове. Если увидишь, что ему угрожает опасность, стреляй, не раздумывая.

— Опасность?

— Меня всегда беспокоила эта экспедиция… У меня предчувствие опасности, хотя я не знаю, как и почему она возникнет.

— Я буду готова к ней.

— Тогда я буду спать спокойнее. Доброй ночи, Джакара.

— Доброй ночи, Шинд.

Она переложила пистолет так, чтобы из него можно было выстрелить мгновенно, и спала, положив на него руку.

* * *

На третий день работы Малакар услышал сверху слабый звук и посмотрел на небо. С юга на северо-запад летел челнок. Джакара прервала работу и тоже посмотрела вверх.

Они смотрели, и им казалось, что кораблик растёт.

— Он летит сюда. И может пролететь прямо у нас над головой.

— Да.

— Шинд! Можетшь?..

— Нет. Расстояние слишком велико.

— Если он пройдёт над нами!?..

— Тогда видно будет.

Через несколько минут челнок достиг Кургана. Он летел медленно, в нескольких сотнях футов над землёй и начал уже проходить над развалинами. Когда он оказался на позиции, с которой пилот просто не мог не увидеть их — если,

конечно, пилот смотрел вниз — корабль вдруг увеличил скорость и поспешил на северо-запад, одновременно набирая высоту. Скоро он исчез из виду.

— *В нём один человек,* — сказал Шинд обоим. — *Ему любопытно было посмотреть на развалины. Это всё, что я уловил.*

— *Обычный турист, наверное.*

— *Почему он сбежал, увидев нас?*

— *Трудно сказать…*

Малакар вернулся. в. лагерь, достал лазерную винтовку и повесил на плечо. Увидев это, Джакара проверила свой пистолет.

Потом они вернулись в квадрат, где работали.

— У меня идея, — сказала Джакара.

— Выкладывай.

— Пейанцы — ведь странтрианской расы, а странтрианские храмы почти всегда располагаются под землёй. Пока нам не попалось ещё ни одного. Если, как ты думаешь, этот твой Х был археологом-любителем…

Малакар энергично кивнул и посмотрел на карту.

— Взберусь-ка я на эту стену ещё разок, — сказал он, оглядываясь через плечо. — Подземные пустоты размером со странтрианскую часовню

не могли не обрушиться за все эти годы. Надо поискать дыры в земле.

Он снова влез на стену и принялся тщательно осматривать развалины. Потом он достал карту, пометил что-то на ней, ещё раз сверил с местностью.

Спустившись на землю, он показал Джакаре карту и сказал:

— Я заметил шесть чёрных точек. Наверное, их тут больше, но пока я разглядел только эти шесть. С них и начнём. Выбирай любую.

Она выбрала, и они пошли к ней.

Четвёртый обследованный ими провал оказался странтрианской часовней.

Улёгшись у провала, Малакар направил вниз луч фонарика и увидел, что под ним — пятистенный зал. Внизу, впереди и справа, лежали останки центрального алтаря. Огромная куча обломков загораживала панораму. Чуть подвинувшись вправо, он увидел низкий сводчатый коридор и часть помещения за ним. Оттуда обычно ведёт вверх лестница…

Он прикинул, где находится, выбрался из дыры, натянул перчатки, подошёл к одному из разрушенных строений и принялся разбрасывать обломки камней.

— Здесь — путь вниз, — сказал он. — Мы легко расчистим его. Всё это уже давно расшаталось.

— А если спуститься через дыру?

— Она уже один раз обвалилась… Нам нужен безопасный путь.

Джакара кивнула, надела перчатки и присоединилась к нему.

К вечеру они расчистили вход и примерно две трети лестницы, ведущей вниз.

— Посиди на верхней ступеньке и посвети мне, — приказал Малекар и работал ещё два часа.

— Ты устал, — сказала она.

— Немножко. Осталось всего несколько футов.

Он прошёл мимо неё с камнем в руке.

— *Кто-то находится на плато кроме нас,* — сказал Шинд.

— *Где?* — спросил Малакар, бросая камень в кучу других.

— *Я не могу сказать с уверенностью. Кажется, к северо-западу. Я чувствую только присутствие. Ничего более специфического.*

— *Может, это животное?* — спросила Джакара.

— *Нет, это разум более высокого уровня.*

— *Постарайся залезть в него.*

— *Я пробую, но он слишком далеко.*

— *Следи и дай нам знать, если он приблизится.*

Малакар подошёл к женщине.

— Выключи фонарь, — сказал он.

Она выключила. Он снял с плеча винтовку, взял её в руку.

— Давай посидим немного, — сказал он и уселся рядом с Джакарой.

— *Он один,* — сказал Шинд.

— *Тот самый, что пролетел над нами днём?* — спросила Джакара.

— *Не могу сказать.*

— *Челнок мог вернуться на малой высоте и сесть в каньоне поблизости,* — сказала она.

— *Он движется к нам?* — спросил Малакар.

— *Держится на одном месте.*

Они ждали.

Через пятнадцать минут Шинд сказал:

— *Всё ещё не движется. Наверное, устраивает лагерь.*

— Малакар, что мы будем делать?

— Я раздумываю, стоит ли сходить посмотреть, или всё же постараться расчистить коридор сегодня же ночью.

— Он не знает, где мы. Если это человек с корабля, то мы ушли далеко от того места, где он нас видел. Зачем нарываться на неприятности?

— Мне интересно.

— Шинд предупредит нас о всех его передвижениях. Я спущусь пониже, и с земли никто не увидит света фонаря. Мы залезем внутрь уже через час и, если найдём то, что ты ищешь, то сразу же уедем, а он пусть остаётся здесь, сколько ему заблагорассудится.

— Ты права, конечно… тактически.

Он встал.

— Осторожнее на этих ступеньках. *Шинд, если что-нибудь произойдёт, сразу доложи нам. Ты можешь хоть примерно сказать, далеко до него?*

— Около двух миль. Если я приближусь к нему на несколько сот футов, то смогу раздобыть больше информации.

— Иди.

Малакар стоял в десяти футах над завалом, Джакара слева от него и выше. Он снова повесил винтовку на спину и возобновил атаку на камни. Через десять минут под самым потолком сводчатого коридора появилась брешь.

— Капитан, я всё ещё иду. Чувствую сильнее. Это мужчина, и он собирается спать.

— Хорошо. Продолжай наблюдение.

Малакар расширил отверстие. Теперь он сбрасывал камни на лестницу рядом с собой. Джакара

прислонилась спиной к стене, держа фонарь в левой руке. Правая лежала на рукоятке пистолета.

— Совсем скоро, — пробормотал Малакар, вытащив из завала три больших камня. Щебёнка дождём посыпалась на землю.

Он отогнул. в сторону металлический прут, отступил на шаг и ударил тяжёлым ботинком по верхушке завала. Камни загрохотали по полу внутри, поднялась пыль. Джакара закашлялась, и луч фонаря заметался по стенам.

— Прости, — сказал Малакар. — Я хотел поскорее убрать мелочь. Ещё пара минут, и мы влезем внутрь.

Она кивнула, и луч света кивнул вместе с ней. Малакар вгрызся в кучу.

— Капитан!

— Что?

— Я вступил в контакт с его мозгом, и он ушёл.

— Что ты имеешь в виду?

— Я больше ничего не чувствую, даже самого факта его существования. Он обнаружил моё присутствие и заэкранировал свой мозг. Он — телепат и весьма искусный. Что мне делать?

— Возвращайся. Мы сейчас полезем внутрь. К какой расе принадлежит это существо?

— Полагаю, он твой соплеменник.

— Люди — не телепаты.

— Кое-кто способен на это, ты же знаешь. Этот мозг ***показался*** *мне человеческим.*

Малакар передвинул ещё несколько камней и отогнул ещё один прут.

— Наш гость — телепат, — сказал он Джакаре, — и заблокировал Шинда. Он возвращается… Вот. Кажется, можно пролезть.

— Это необходимо? Он может найти нас здесь.

— «Он» — вероятнее всего человек. Если он вычислил нас здесь, он найдёт нас в любом месте, в лагере, например.

Он наклонился вперёд, пролез по верху завала, под потолком, и спустился в помещение внутри.

— Иди, — сказал он.

Он осветил ей путь, и она поползла. Он протянул ей руку, и скоро они стояли рядом в маленькой комнатке.

— Сюда.

Они вышли в пятиугольный зал. Множество мелких тварей бросилось прочь от света, и кануло в тени. Малакар провёл вокруг лучом — перевёрнутые скамейки, пыльные скамейки, скамейки, которые прогнулись и переломились. Он повернулся к алтарю — зелёному, покрытому

множеством трещин камню. Потом он посмотрел на окружающие их ряды гласситовых пластин с изображением пейанских божеств. Их были сотни — некоторые разбились, многие покосились. Несколько упало на пол. Повернувшись, он скользнул по ним лучом.

— Хорошо сохранились. Сколько лет этому месту?

— Никто точно не знает, — ответила ему Джакара. — Этот город был уже в развалинах, девятьсот земных лет назад, когда открыли Дейбу.

— *Я здесь,* — сказал Шинд, пролезая по расчищенному проходу.

— *Хорошо. Что нового скажешь о нашем госте?*

— *Ничего. Ищите, а я попробую заэкранировать вас от него.*

— *Превосходно.*

Ступая между останков скамеек, Малакар принялся осматривать пол. Через полтора часа он осмотрел весь пол и ничего не нашёл. Он перешёл к алтарю и принялся перебирать валяющиеся вокруг него куски потолка.

— Кажется, я что-то нашла, — услышал он голос Джакары, далеко впереди и слева, где она искала, освещая место своим маленьким фонариком.

Он сразу же подошёл к ней.

— Что такое?

Она указала слабым лучом точку на полу, Малакар тут же осветил её своим ярким.

Перед ними лежала записная книжка — отсыревшая, покрытая пылью.

Нагнувшись, Малакар осторожно прикоснулся к ней. Это была дешёвая записная книжка в пластиковой обложке. Сняв и засунув за пояс перчатки, Малакар открыл её. Страницы были сырыми. Линии размылись или исчезли совсем. Одну за одной он перевернул все страницы.

— Рисунки, — сказал он. — Зарисовки этого места. Ничего, кроме рисунков, — и закрыл книжку.

— Значит, сказала Джакара, — *кто-то* всё-таки тут был. Зачем выбрасывать книжку, в которой так много рисунков? Может быть, именно тут Х и заболел…

Она отпрянула.

— А сами мы от неё ничем не заразимся?

— После стольких-то лет?

Он провёл лучом вокруг.

— Если он оставил это, он мог…

Он оставил движение луча. Сверкнуло что-то металлическое. Сгнившая ткань цеплялась к

нему клочьями, а под ними лежал маленький ящичек.

— В таком удобно что-то носить, — произнёс Малакар.

Он нагнулся и внезапно застыл, разглядев на стенке-ящика полускрытые пылью буквы.

Он осторожно поднял ящик, дунул на него… и странные картины хаоса и смерти ещё раз волной прокатились в его мозгу, потому что буквы были: «ГфХ».

— Вот оно, — прошептал Малакар. — Я знаю, кто он…

— *Я чувствую его!* — воскликнул Шинд. — *Ваша находка взволновала его, и он выдал себя!*

Малакар молниеносно обернулся, уронив при этом ящик, погасив фонарь и сдёрнув с плеча винтовку.

— Мир! — раздался голос сверху. — На вас не направлено никакое оружие!

В этот момент Джакара погасила свой фонарь, и Малакар услышал щелчок предохранителя на её пистолете.

В отверстии в потолке, на фоне звёзд, внезапно показался силуэт человека.

— Из тебя получилась хорошая мишень, — сказал Малакар.

— Я показал себя, чтобы убедить вас в своих добрых намерениях. Нам нужно поговорить.

— Кто ты такой?

— Какое это имеет значение? Я знаю то, что вы узнали только что. Гейдель фон Хаймак — вот это имя, но мне нужно было удостовериться.

Пока человек говорил, слабый свет появился на стене справа от них, и Малакар быстро глянул в том направлении. Одна из гласситовых картин светилась слабым зеленоватым светом. На ней был изображён обнажённый человек, держащий в одной руке грозовое облако и лук — в другой. Лицо его частично было скрыто поднятой рукой. У бедра висел колчан с молниями.

— Итак, ты знаешь его имя, — сказал Малакар. — И что же ты собираешься делать?

— Найти человека, которому оно принадлежит.

— Зачем?

— От него исходит угроза для всего живого.

— Знаю. Поэтому он мне и нужен.

— А я знаю тебя, Малакар. Когда-то я восхищался тобой, да и сейчас ты мне нравишься… Однако в этом деле ты ошибаешься. Гейделем нельзя воспользоваться так, как этого хочешь ты. Он ускользнёт из-под твоего контроля, и в опасности

окажутся не только ОЛ, но и ДИНАБ.

— Кто ты?

— Энрико Карузо.

— *Он лжёт,* — сказал Шинд. — *Его зовут Фрэнсис Сэндо.*

— Ты — Фрэнсис Сэндо, — сказал Малакар вслух, — и я понимаю, почему ты хочешь остановить меня. Ты — один из богатейших людей в Галактике, и когда я ударю по Объединённым Лигам, я наступлю при этом на множество твоих интересов. Так?

— Так, — согласился Сэндо. — Однако не за этим я прилетел сюда. Я всегда действую через посредников, но этот случай исключение. Ты — доктор медицины, и должен понимать, что существует множество состояний, природа которых не является чисто материальной.

— Что же из этого следует?

— Ты долго копался в этих развалинах. Нашёл ли ты признаки того, что кто-то побывал здесь совсем недавно?

— Нет.

— Ладно, я скажу тебе… Не будучи в состоянии увидеть это сам, я скажу тебе кое-что, чего я никак не мог узнать обычным способом… Ты стоишь рядом с местом, где только что сделал своё откры-

тие, у стены. Пусть твоя женщина держит меня на мушке, а сам посвети на эту стену, повыше. Ты увидишь гласситовую картину. Я опишу её: голова и плечи женщины с синей кожей. У неё два лица; смотрят они в разные стороны. То лицо, которое слева — привлекательно, и на этой стороне картины нарисованы цветы — голубые цветы. У девки на правой стороне — длинные зубы и злобное выражение на физиономии. Рядом с ней — орнамент из голубых змей. Прямо над ней — синий круг.

Малакар включил фонарь.

— Ты прав. Откуда ты знаешь всё это?

— Это изображение богини Мари-ам, повелительницы здоровья и болезней. Именно под этой картиной лежал фон Хаймак, борясь со смертью. На него легло благословение и проклятие этого существа.

— Ты запутал меня… Ты что, хочешь сказать, что эта богиня действительно существует?

— В некотором смысле — да. Есть доказательства того, что существует некая система энергетических полей, и вот она-то каким-то странным образом обладает теми качествами, которые приписываются этому странтрианскому божеству… Называй это как хочешь. Теперь эта

система переселилась в тело человека, которого ты ищешь. Мне были представлены вполне удовлетворительные доказательства того, что это — правда. Теперь я окончательно убедился в этом, и мне нужно найти этого человека.

— Что ты сделаешь, когда найдёшь его?

— Вылечу, а если это не получится — убью.

— Нет! — сказал Малакар. — Он нужен мне живым.

— Не будь идиотом! — воскликнул Сэндо, когда Малакар внезапно осветил его. Он прикрыл глаза рукой и бросил своё тело назад.

Малакар выстрелил, не в него, а в потолок. Часть его с грохотом обрушилась. К грохоту как будто примешался звук падающего тела.

— Попал! — крикнул Малакар, хватая Джакару за руку и падая вместе с ней на пол.

Он прополз немного и укрылся за небольшой кучей обломков, лазер наготове.

— Он жив! Он в сознании! У него оружие!

Луч лазера расплавил камень рядом с левым плечом Малакара, и он изо всех сил вжался в пол.

— Дай же человеку договорить!

— Нам нечего сказать друг другу.

— Суди об этом после того, как дослушаешь! Я

не буду стрелять, если и вы не будете!

— Не стреляй, — сказал он Джакаре. — Послушаем… Ладно, Сэндо, говори!

— Ты знаешь, что мне нужно: фон Хаймак. Я не буду спорить о правомерности того, что ты задумал, потому что ты уже всё для себя решил. Я читаю это в твоём мозге. Однако я хочу предложить тебе сделку… Черт возьми, кончай целиться в меня! Никаких фокусов с моей стороны, обещаю! Ты живёшь на мёртвой, вонючей, радиоактивной Земле, так называемой родине человечества. Хочешь увидеть её снова чистой и зелёной? Вулканы погасли, радиоактивность нейтрализована, чернозём, деревья, рыба в океанах, первоначальная форма материков? Я могу сделать это.

— Сколько это будет стоить?

— Неважно. Договорились? Земля, такая, какой она была до войны, а в обмен ты забываешь о существовании Гейделя фон Хаймака?

— Ты лжёшь!

— *Он не лжёт,* — сказал Шинд.

— Это будет ещё один обитаемый мир для ДИНАБ, который, по твоему утверждению, ты так безумно любишь.

Всё время, пока Сэндо говорил, Малакар старал-

ся контролировать свои мысли — действовать автоматически, как в бою — и не позволить какому-нибудь намерению или желанию выразиться в сознании. Осторожно, беззвучно, он продвинулся вправо, ориентируясь по голосу. Добравшись почти до стены, он увидел смутные очертания головы и левого плеча Сэндо, и мягко нажал на спуск.

Его левая рука онемела до локтя, парализованная силой ответного удара; он увидел, что его выстрел ушёл в сторону, оплавив штукатурку на дальней стене.

Левой рукой он прикрыл глаза от летящих обломков камня, но тут же опустил её, перехватил винтовку, и повёл луч лазера по потолку…

Сэндо наконец замолчал.

Они долго лежали неподвижно, прислушиваясь к своему дыханию, к биению своих сердец.

— *Шинд?*

— *Пусто. Ты убил его.*

Малакар поднялся на ноги.

— Пойдём, Джакара. Нам пора идти.

Потом, когда они сворачивали лагерь, она посмотрела на него, сказала:

— Кровь, Малакар, — и дотронулась пальцем до его щеки.

Он отдёрнул голову.

— Знаю. Я порезался, когда эта проклятая картина с зелёным человеком упала на меня.

Он подтянул подпругу.

— Малакар, он и в самом деле мог вылечить Землю?

— Наверное, но это не решило бы проблемы.

— Ты говорил, что тебе нужно больше миров, чтобы достичь статуса Лиги. Земля могла бы стать таким миром.

— Получив его, я не смог бы завоевать болыше ни одного.

— Как он узнал про картину этой богини… Мари-ам?

— Все странтрианские часовни устроены одинаково. Он знал, где мы стоим, и мог сказать, что находится на стене рядом с нами.

— Значит, он всё выдумал?

— Конечно. Смехотворная выдумка. Он преследовал чисто экономические интересы.

— Тогда почему он прилетел сам?

— Не знаю… Я готов. Поехали.

— Ты не будешь заклеивать его?

— Что?

— Порез.

— Потом.

Вскочив в седла, они заторопились сквозь ночь и дождь к Кейпвиллу.

Глава 4

Доктор Пелс перечитал доклады. Слишком поздно, решил он; происходит нечто непонятное. Буйствует *мвалахарран кхурр*, но не только она, а дюжина других болезней вместе с ней.

Нельзя позволить ему экспортировать болезни на другие планеты. Где он? Ни один радар не заметил, как он улетел с Клича. Однако из порта украден челнок, а в самом порту — разгул эпидемии. Неужели он попытался удрать — изолировать себя — когда увидел, что происходит. Или просто направился куда-то ещё?

«Море» Дебюсси колыхалось вокруг доктора Пелса, а сам он смотрел на планету Клич.

Что делать, думал он. Я долго ждал, и вот ожидание закончилось, пришла пора действовать. Найди я его месяц назад, этого могло не случиться. Нужно разыскать его как можно скорее, поговорить с ним, убедить его довериться мне, побыть под моим наблюдением, пока я не придумаю, что делать. Интересно, согласится он подвергнуться процедуре, которая поддерживает *меня*? Пожертвует ли он привычной жизнью;

согласится ли стать… призраком? Поменять своё существование на лишённую сна и человеческих ощущений жизнь в пустоте? Если он в здравом уме, то согласится. Только это… или самоубийство — таков выбор у психически нормального человека, не растерявшего ещё свою совесть…

Но если он всё-таки сошёл с ума? Предположим, ситуация сломала его; или сумасшествие — побочный эффект его состояния? Что тогда делать? Кстати, этим можно объяснить и его исчезновение.

А что, если его состояние столь же необратимо, как и моё? В таком случае ответом может быть глубокий холод. Но это может растянуться надолго, а без гарантий пробуждения он ни за что не согласится. Как поступить, когда я найду его? Время ожидания кончилось, а я не знаю, что мне делать. Ждать, наверное…

Подумав, он отправил послание Координатору Общественного Здоровья планеты. предложив свои услуги в борьбе с эпидемией, поразившей уже два континента. Потом он настроил приёмник на Центральные Новости. Он мог слушать их круглосуточно, и надеялся, что не пропустит названия планеты, на которой вспыхнет следующая эпидемия. Он подготовил корабль для

мгновенного старта.

Потом доктор Пелс слушал новости, и картины моря, которого он никогда не видел, перемешивались с ними в его мыслях.

* * *

— Всё прошло прекрасно, — сказал ей Гейдель. — Дело нескольких минут. Кажется события ускоряются.

— Потому что ты присутствовал при этом лично. Ты становишься фокальной точкой. Скоро ты станешь сердцем урагана. Скоро тебе ничего не сможет противостоять. Надо будет только указать пальцем, пожелать, и все они умрут.

— Леди… теперь я знаю, что ты реальна, а не просто лихорадочный бред. Я уверен в этом потому, что когда я пробуждаюсь, ты исполняешь свои обещания.

— Как и ты. Поэтому я наградила тебя.

— Но ты стала другой…

— Нет. Просто я стала сильнее.

— Я не то хочу сказать, хотя и это — правда. Что-то изменилось… Но что? Я обнаружил, что мыслю не всегда ясно.

— Я предупреждала тебя. Ты становишься похожим на бога.

— Но часть меня кричит от ужаса.

— Это тоже пройдёт. Это всего лишь стадия твоего превращения в бога.

— Ты — не сон. Ты существуешь. Кто ты — на самом деле? И где я сейчас?

— Я — богиня, которой ты поклялся в верности, а пребываешь ты сейчас в моем персональном раю.

— Где же он?

— Мои владения — внутри тебя.

— Ты не ответила мне, Леди.

— Я даю тебе единственно правильные ответы.

— Где мы встречаемся?

— Мы всегда знали друг друга.

— Это случилось на Дейбе, правда?

— На Дейбе мы вступили в формальный контакт.

— Я не могу вспомнить этого.

— Ты болел. Мы спасли тебя.

— «МЫ»?

— Я. Это я спасла тебя в тот раз, чтобы мы могли принести пользу друг другу.

— Почему ты ждала так долго?

— Время не имело значения — до недавней поры.

Он повернулся, чтобы посмотреть на неё. И

быстро поклонился, потому что перед ним были только синее пламя и синий лёд.

— Что случилось? — пробормотал он.

— Ты принёс больше того, что мне нужно, и одновременно меньше, *дра* фон Хаймак. Крошечные воспоминания незначительной жизни перестали быть частью наших деяний. Пусть уходят. Ты больше не тот, кем был на Дейбе, и даже на Кличе. Преклонись предо мной. Восхваляй меня. И я сделаю тебя богом. Я окажу тебе величайшие милости.

— Я преклоняюсь перед тобой и восхищаюсь тобой.

— Когда ты проснёшься, ты будешь идти, пока не придёшь в город. Там ты не произнесёшь ни слова. Ты укажешь пальцем на первое встретившееся живое существо…

— …я укажу пальцем на первое встретившееся мне живое существо…

— Ты почувствуешь, как сила раскрывается внутри тебя подобно цветку, поднимается подобно змее…

— …я почувствую силу…

— Потом ты уйдёшь из того места и найдёшь другое…

— …я найду другое место…

— Ты прекрасен, и я люблю тебя, дра фон Хаймак!

Он почувствовал, как подобно монетам для Харона, прикасаются к его глазам холодные губы. Потом до него донеслась песня. Голубела луна. Кровь падала с кончиков её пальцев на раскрытую ладонь. Песня стала частью вечности.

* * *

Малакар дал ей снотворное и отправил в каюту. Если бы не это, ему пришлось бы выключить экраны — они вызывали у неё головокружение. По правде говоря, он мог бы обойтись и без экранов, но Джакара действовала ему на нервы с самого отлёта.

Дело не в том, что она — просто красивая женщина, которая обожествила тебя и боится твоего прикосновения, думал он. И не в её непрекращающихся рассуждениях об *идее*, не в том, что она ждёт от тебя рассказов о прошлых битвах… Но в чём? Может быть, в том, что я на целых две недели прикован к другому человеку, да ещё в подпространстве? Нет, опять не угадал. Внезапная тяжесть свалившегося на меня груза времени? Она тычет мне в нос годами, разницей между тем, кем я был, и кем стал. Неужели раньше я и

вправду мог ненавидеть с такой силой, что готов был сжечь город, чтобы извести крыс? Когда же началось размягчение характера, движение от чистой ненависти к идиотским планам достигнуть статуса Лиги? Очевидно, это произошло настолько постепенно, что до последнего времени я даже не ощущал перемен. Я горел желанием разрушать, а теперь не уверен, правильно ли это. А Сэндо… Интересно, мог он помочь ДИНАБ? Если бы я попросил его? Он рассуждал вполне здраво, если не считать болтовни про странтрианскую богиню… Это же чушь, даже если сам Сэндо верил в неё. Джакара или выносит на поверхность худшее, что есть во мне, или подавляет меня… Нет, опять не то! Но всё же… Я постараюсь поспать, когда она проснётся. Если люди Сэндо свяжут моё имя с обстоятельствами его смерти, тогда мне действительно придётся тяжело. Им наплевать на политические границы. Ну что ж, посмотрим… Когда я спущу с цепи фон Хаймака, тяжело придётся всем. Кто-нибудь сложит два и два и начнёт охотиться за мной. Глупо было посылать им этот шар. Нужно было сохранить его. Неужели я так измельчал? Напомнил: «мементо мори»? Трудно сказать… Скольких сукиных сынов из Генерального Штаба ОЛ я пережил? Они-то не носились по

подпространству, как мы… Земля, из всех планет! Бифрост… Куда я так спешу? Хочу поскорее разделаться с этим? Наверное… Боже, не давай мне совести! Я не могу позволить себе такой роскоши как совесть… Я зашёл слишком далеко, осталось пройти ещё чутьчуть… Как красиво падают её волосы, и эти испуганные глаза…

Голубая звезда появилась в центре звездоворота, и Малакар следил, как она раскручивается по спирали и, как камень из пращи, вылетает прочь с экрана.

* * *

— Развалины пейанского города — пустяк, — сказал Малакар, обводя рукой пейзаж, — когда смотришь на целую планету, пребывающую в таком же состоянии.

Джакара смотрела на то, что осталось от Манхэттена.

— Я видела фотографии, — сказала она, — но…

Он кивнул.

— Сейчас мы пройдёмся над Миссисипи, а потом я покажу тебе место, где раньше была Калифорния.

Один за другим он включал экраны, и спутники показывали им искалеченную Землю.

— Они здорово потрудились, — сказал Малакар.

Зачем ему это? — подумал Морвин, притворявшийся, будто рассматривает кратер. Где бы он ни подцепил эту девицу, он превращает её в некое подобие себя самого. Как она говорила вчера за ужином… Ещё год, и она станет хуже, чем даже он. Может быть, уже… Неужели ненависть необходима, чтобы командовать флотом? Уметь так согнуть мышление человека, что оно начинает копировать твоё собственное? Конечно, это не моё дело, но она кажется такой юной… Может быть, это меня нужно гнуть. Может быть, *они* правы. После войны я покрылся жирком, а такие люди продолжали сражаться. Что, если не всё ещё потеряно? Вдруг капитану каким-то чудом удастся выиграть? Нет, это для комментаторов Центральных Новостей. Слишком неправдоподобно. И всё же… Неужели моё мышление стало напоминать баранье? Или я слишком долго забавлялся с чужими снами? Наверное, девушка едва помнит войну, но тем не менее она — с ним. Что он уготовил для неё?

— Ужасно, — услышал Морвин свой собственный голос, и перевёл взгляд с девушки обратно на экран. — Капитан, откуда такой внезапный

интерес к эпидемиям?

Малакар целых полминуты внимательно смотрел на него, потом ответил:

— Это моё новое увлечение.

Морвин набил трубку, зажёг её.

…Что-то не в порядке, решил он. Интересно, что замышляет эта парочка? Когда я делал для него тот проклятый шар, это напомнило мне о вещах, прочно, казалось, забытых… Что он сделает с девушкой? Швырнёт её волкам, как прочих? И умирая, она будет молиться за него и верить в его правоту? Ей нужно поскорее убраться отсюда. Впереди у неё слишком долгая жизнь, чтобы потерять её таким образом. Однако подобной одержимости можно и позавидовать. Интересно, какие опасности несёт новая тактика? Кто-то должен присмотреть за девушкой…

Он выдохнул клуб дыма. Он погладил свою длинную рыжую бороду.

Наконец:

— Меня тоже интересуют эпидемии, — сказал он.

* * *

Первым живым существом, которое он увидел утром, оказался шагающий по узкой тропинке

юноша. Когда он приблизился, Гейдель выступил из кустов прямо перед ним, услышал «Боже милостивый!» и наставил на него распухший палец.

Он почувствовал, как сила закипела внутри него и прыгнула, подобно искре.

Юноша пошатнулся, чуть не упал, но удержался. Провёл ладонью по лбу.

— Кто ты? — спросил он.

Гейдель не ответил, но сделал несколько шагов навстречу юноше.

Тот вздрогнул, бросился бежать, и скоро скрылся за поворотом.

Только тогда позволил себе Гейдель легчайшую из улыбок.

Дальше идти не стоит.

Повернувшись к подёрнутым дымкой холмам на юге, на которых и за которыми кишел избыток жизни, он продолжил своё паломничество. Радуга висела прямо перед ним.

* * *

До самого конца недели Морвин не был уверен, возьмёт ли Малакар его с собой. Нужно было скорее на что-то решаться. По приготовлениям Малакара ясно было, что он собирается в путь через день-два. Интересно, подумал Морвин,

какая именно новость подстегнула его? Он всё ещё не имел доступа к секретам своего бывшего командира.

Джакара, безусловно, такой доступ имела, и Морвин слегка завидовал ей.

Сам он уже высказался, теперь всё зависело от Малакара. Анализируя охватившее его чувство вины и возрождающейся ярости, Морвин знал, что истоки свои они берут из той ночи на кушетке, и той вещи, что выудил он из сна. Он хотел, чтобы ему доверяли, как Джакаре. Наверное, снова прольётся кровь. Он начал ощущать в себе старую заразу, старую ненависть.

Куда же он всё-таки собрался? И зачем? Морвин с почти религиозным рвением прислушивался к новостям, но не заметил в них ничего, что могло подстегнуть Малакара на одну из своих «бей-беги» штучек. С другой стороны, источником этой информации могли быть и не Центральные Новости а, например, руководимое Малакаром подполье в сердце ОЛ. Как бы то ни было, раздражение его росло.

Он даже несколько злобно улыбнулся, вспомнив, как надул вчера старика.

Морвин был на верхней палубе и объяснял Джакаре, как он зарабатывает на жизнь. Неожи-

данно вошёл Малакар.

Огромный серебристый корабль Отдела стоял перед ними, как экзотический подсвечник. в клубах дыма и пара. Он стоял там, где ни один пребывающий в здравом уме пилот не посадил бы его — на самом краю кратера. Когда Малакар заметил корабль, он прыгнул к пульту управления, молниеносно коснулся нескольких кнопок, и Морвин не увидел, а скорее почувствовал, как вылетают из своих гнёзд ракеты. Пока он переводил взгляд с капитана на сцену внизу и обратно, корабль медленно растворился в воздухе.

Он фыркнул. Джакара от души расхохоталась.

— Там ничего нет! — воскликнул Малакар, глядя на приборы.

— Х-м-м, нет, сэр, — сказал Морвин. — Просто я показывал Джакаре, как работаю. Я… слепил этот корабль из частичек… в него-то вы и стреляли.

Малакар прорычал: — Джакара! Ты мне нужна! — и оба они удалились.

За обедом Малакар уже шутил насчёт происшедшего. Но Морвин постарался придать своему смеху побольше уважительных ноток.

— Мистер Морвин…

— Да, Шинд?

— Капитан будет просить вас присоединиться

к нам в путешествии, которое начнётся завтра вечером.

— Куда?

— Выбор был между двумя планетами — Клич и Вершина. По различным соображениям он выбрал Вершину.

— Что мы будем там делать?

— Вербовать сторонников. Он скажет вам столько, сколько сочтёт нужным.

— Если я полечу с вами, то обязан знать всё.

— Пожалуйста. Учтите, что это ещё не приглашение. Мне хотелось бы, чтобы он вообще никогда не узнал об этой нашей беседе.

— Тогда что же это такое, если не приглашение?

— Он спросил, считаю ли я, что вы можете принести пользу экспедиции.

— ...и заслуживаю ли я доверия, осмелюсь добавить.

— Естественно. Ответ был утвердительным. Мне известны ваши симпатии к нему.

— Спасибо на добром слове.

— Моя рекомендация не имела целью ублажить ваши чувства.

— Какую же цель она преследовала?

— Мне кажется, на этот раз капитану понадо-

бится вся помощь, которую он может получить. Именно об этом я и забочусь.

— Что конкретно вас беспокоит?

— Назовём это предчувствием и покончим на этом.

— Ладно, я забуду о нашем разговоре. Кто ещё полетит?

— Джакара. Я.

— Можете всегда на меня рассчитывать.

— Тогда всего доброго.

— Всего доброго.

Морвин огляделся. Шинда нигде не было видно. Откуда это существо проникло в его разум? Такие разговоры с Шиндом всегда оставляли у него какой-то странный осадок. Ведь Шинд мог в это время находиться где угодно — в другой части цитадели, или даже рядом с Малакаром.

Он шагал взад-вперёд и размышлял.

Ладно, решил он, пусть эта предстоящая операция не типична для Малакара — никакого намёка на то, что он собирается убивать людей. Тем не менее, Шинд предчувствует опасность… Если уж я не мог быть мотом или хорошим художником, попробую стать приличным помощником агитатора. Вот будет забавно, если настоящий корабль опустится сейчас прямо перед нами, а

Малакар подумает, что это — очередная иллюзия! Интересно, смогу я разобраться, что есть что на этом пульте? А стану ли я разбираться? Неужели я ещё способен выпустить ракеты и поубивать их всех? А капитан-то не в себе! Я слышал, что раньше он разрешал кораблям садиться и даже вёл переговоры с ними. Да, наверное, он и в самом деле задумал нечто сногсшибательное, если так нервишки разгулялись. Наверное, я выстрелю, а потом пожалею об этом… Какова во всем этом роль Джакары? Спит она с ним или нет? Кто она — профессионал его школы, готовая сыграть предназначенную ей роль? Родственница? Она может быть даже его дочерью! Вот будет интересно… и типично для него. Он редко говорит о своей личной жизни, а о родственниках вообще ни разу не заикался. Странная женщина — то слишком жёсткая, то слишком мягкая; а главное — не угадаешь, какой она будет в следующую секунду. Красива. Хорошо бы узнать её истинное положение и решить, наконец, как себя с ней держать. Спрошу её попозже…

Поужинав, Малакар аккуратно положил на тарелку вилку и нож, посмотрел на Морвина и сказал:

— Хочешь слетать с нами на Вершину?

— А что там, на Вершине, — спросил Морвин после недолгого молчания.

— Человек, которого мы ищем, — ответил Малакар, — который может помочь нам. Мне кажется, он там, но я могу ошибаться. Не исключено, что его там нет. Если так, я буду оставлять достаточно чёткие следы своего пребывания. Мне нужно только найти его и уговорить помочь нам.

— Что в нем такого особенного?

— Болезни.

— Прошу прощения?

— Болезни! Болезни! Временами он становится ходячей заразой, носителем самой страшной чумы!

— И как же вы собираетесь воспользоваться этим его свойством?

Малакар хмыкнул.

Морвин посидел несколько секунд неподвижно, потом снова запустил ложку в лимонный шербет.

— Кажется, я понимаю, — сказал он наконец.

— Я в этом совершенно уверен. Живое оружие. Я хочу, чтобы он прогулялся среди наших врагов. Как тебе это нравится?

— Это… Трудно сказать. Мне надо подумать.

— Ты полетишь с нами?

— Да.

— Джакара тоже полетит, и Шинд.

— Отлично, сэр.

— Вопросы?

— Пока что вопросов нет. Позже они, безусловно, возникнут… Как его зовут?

— Гейдель фон Хаймак.

Морвин покачал головой:

— Никогда не слышал о нём.

— Слышал! Только ты называл его Хайнеком… человек, которого искал доктор Пелс.

— Ах, так это он…

— Слышал когда-нибудь о человеке, которого зовут просто Х?

— Кажется, да… не помню. правда. когда и при каких обстоятельствах. Но он не был разносчиком инфекции. Что-то у него с кровью… Редкая группа?

— Что-то в этом роде. Я дам тебе почитать несколько статей.

— Спасибо.

Морвин глянул на Джакару и вернулся к своему шербету.

* * *

Боже! Это всё равно, что смотреть в ад, — подумала Джакара. Я здесь уже целую неделю, и впервые вижу его ночью.

Она смотрела в бурлящий котёл, который теперь, ночью, казался значительно ближе.

Интересно, как глубоко нужно опуститься, чтобы добраться до этого огня? Я не буду спрашивать. Это подчеркнёт моё невежество. На Дейбе нет вулканов. Слишком стара для этого, наверное. Я помню описания вулканов, фотографии, но никогда не представляла, на что они похожи в действительности.

Цитадель дрогнула, Джакара улыбнулась. Как хорошо жить так близко к источнику такой мощи, обитать на краю хаоса!

Интересно, разрешит он мне жить здесь, когда всё кончится? Наверное, разрешит. Если я проявлю себя на Вершине. Я научусь управляться со здешним хозяйством. Я постараюсь стать полезной. Он будет доверять мне.

Она посмотрела по сторонам.

Он знает, что я здесь, — подумала она. Он знает всё, что происходит в его доме. Я ещё ни разу не была здесь одна, но он не рассердился. Нет. Он

сказал, чтобы я чувствовала себя как дома. Если бы он не хотел, он сказал бы что-нибудь…

— Привет! Что это ты делаешь тут так поздно?

— Джон! Не спится что-то…

— И мне тоже. Я решил встать и прогуляться… Потрясающее зрелище, правда?

— О, да! Я впервые смотрю за него ночью.

Он встал рядом с ней и притворился, что рассматривает языки пламени.

— К отлёту всё готово?

— Да, — ответила она. — Малакар сказал, что полет займёт восемь дней.

— Хорошо… Вы с Малакаром родственники?

— Нет. Мы всего лишь… друзья.

— Понятно. Мне тоже хочется стать твоим другом.

Казалось, она не слышит его.

Тогда он повернулся, уставился вниз, клубы дыма справа и слева изогнулись, сошлись вместе, образовали контуры исполинского сверкающего сердца. На нем появилось сначала её имя потом его. Стрела пламени пронзила его середину.

— Это мой подарок, — сказал Морвин.

Джакара звонко рассмеялась. Он быстро взял её за плечи, притянул к себе и поцеловал в губы. На какое-то мгновение она поддалась, но тут же

с удивительной силой внезапно оттолкнула его.

— Не смей!

Голос её сорвался на визг, лицо исказилось.

Морвин отступил на шаг.

— Прости, — сказал он, — я не хотел… Ну! Не сердись! Ты такая красивая! Надеюсь, моя борода не слишком щекотала… Я… Чёрт возьми! Мне жаль, что так получилось.

Он посмотрел на растворяющееся в воздухе сердце.

— Ты застал меня врасплох, — сказала она, — только и всего.

Он глянул на неё, она стояла как будто ближе.

— Спасибо за подарок, — сказала она, и улыбнулась.

Он помедлил, потом коснулся пальцами её щеки, провёл ими до подбородка, горла, положил ладонь ей на шею и привлёк к себе. Она напряглась, он успокоился, но руки не убрал.

— Если у тебя сейчас никого нет, сказал он, — то, может быть, тебя заинтересует… Если вы с Малакаром *всего лишь* друзья… Рассматривай меня как первого претендента. Это всё, что я хотел узнать и сказать.

— Я не могу, — прошептала она, — слишком поздно… Но всё равно спасибо.

— Что ты имеешь в виду: «слишком поздно»? Сегодняшний день, «сейчас», вот что должно волновать нас!

— Ты не понимаешь…

— Ну и что? Если вы с Малакаром… не по-настоящему вместе… ну, тогда ты и я… Если ты решишь, что я не нравлюсь тебе… В общем, не обижайся. Скажи что-нибудь.

— Пока нет. Не сейчас.

Морвин отметил это «пока».

— Конечно, — сказал он. — Этого и следовало ожидать. Но подумай о моем предложении. Да, подумай о нем.

— Договорились. Я подумаю.

— Тогда я умолкаю. Я… надеюсь, что стану тебе… другом.

Она улыбнулась, кивнула, отошла, и:

— Кажется, мне пора идти, — она кивнула.

Кивнул и он.

Она ушла, а он смотрел на рвущуюся в клочья ночь.

Это уже кое-что, — сказал он себе.

Созданное им из ничего сердце обратилось в ничто.

* * *

Гейдель обрушился на город. Он поднимал палец, и люди падали.

Хватит, сказал он существу, которое носил внутри. Всем им одна дорога.

Но перед тем, как уйти в место голубых туманов, он встретил мальчика с молотком в руке.

Стараясь держаться от него подальше, он спросил:

— Что ты делаешь, мальчик?

Тот повернулся и ответил:

— Собираю камни, сэр.

Услышав это, Гейдель рассмеялся и сказал:

— Постучи-ка вот по тому жёлтому пятну слева. Внутри должны быть голубые кристаллы.

Мальчик послушался.

— Сэр! — воскликнул он минут через десять. — Тут и вправду голубые кристаллы!

И продолжал своё дело.

Гейдель покачал головой, и лицо его свело судорогой.

— Пойду-ка я лучше, пробормотал он, и заторопился в туман.

Мальчишка упоённо колотил молотком по скале и не заметил, как тот ушёл.

Глава 5

Уравняв орбитальную скорость с вращением Вершины, доктор Пелс висел, подобно звезде, над истерзанным болезнями континентом.

— …Один человек, повторил он. — К сожалению, я не могу вдаваться в детали, но убеждён, что он — носитель инфекции. Просто карантина недостаточно, необходимо найти этого человека и изолировать его.

Он сейчас где-то опережает фронт распространения эпидемии, но при определении его точного местонахождения следует принять во внимание инкубационный период. Из того, что вы мне сказали, следует, что он движется на юго-восток. Я рекомендую немедленно организовать поиски в том районе. Мне нужна информация! Если возможно, организуйте непосредственный контанкт с поисковыми группами.

— Конечно, доктор Пелс, мне нужно сначала получить разрешение на всё это, но, уверяю вас, это не займёт много времени. Скоро должно поступить ещё несколько сообщений. Я тут же передам их вам.

— Прекрасно. Я буду ждать.

Пелс отключил радиотелефон.

В самом деле, сказал он себе, я привык ждать. Но на этот раз… Новости пришли неожиданно быстро, и я успел вовремя. Я знаю, что он там, внизу. Эти люди позволят мне руководить ими. Я знаю это. Ничего подобного здесь раньше не случалось. Кажется, он деградирует. На этот раз я найду его.

* * *

…Три, четыре, пять.

— Подожди! — воскликнул Морвин, но Джакара уже бросила шестую монету.

Дёргаясь и вращаясь, она повисела немножко, потом подвинулась и присоединилась к остальным пяти, двигавшимся медленной процессией по траектории, напоминающей восьмёрку.

— Подожди, пока я стабилизирую эту штуку… Вот так! Добавь ещё одну, но осторожно.

Джакара бросила ещё одну монетку. Она перелетела основную группу на несколько футов, замерла, будто превратившись в свою собственную фотографию, потом возобновила движение и подплыла к остальным монетам, присоединившись к их потоку.

— Ещё одну!

Смеясь, Джакара бросила ещё одну. Она не остановилась и, не замедлив полёта, влилась в процессию в воздухе.

— Ещё!

И эта тут же безошибочно встала на своё место.

— Ещё!

— Кажется, ты побьёшь рекорд, — сказала Джакара, бросая монетку.

Поймав её в поток, Морвин раскрыл восьмёрку, превратив её в круг. Круг раздался, и монетки полетели быстрее.

— Ну, давай!

Монетка влетела в расширяющийся круг.

— Молодец! Это рекорд!

Сверкающий круг подплыл к Джакаре, сидевшей на краю кровати, сузился, опустился и завертелся вокруг её головы.

— Я всё ещё не могу определить, что именно происходит в твоём мозгу, когда ты делаешь это, — сказал Шинд, *— хотя и научился вычленять из мыслей сам процесс. Кстати, это очень прия…*

Малакар рассмеялся,

Кольцо распалось. Монетки звонким дождём упали вокруг Джакары.

Она вскрикнула и отшатнулась. Морвин вздрогнул и покачал головой.

Всё ещё посмеиваясь, Малакар вышел из-за перегородки, разделяющей жилой отсек и рубку.

— Портовые власти Веримны, — объявил он, — оказались необычайно разговорчивыми. Они здорово нам помогли.

Морвин улыбнулся Джакаре.

— Это и в самом деле рекорд, — сказал он. Потом Малакару: — И в чём же выразилась эта помощь?

— Я только что обсудил с ними создавшуюся ситуацию, выспросил, верны ли слухи о многочисленных вспышках разных болезней. Безопасно ли садиться? — спросил я. Или переориентировать круиз на другую планету?

— Круиз? — спросила Джакара.

— Да. Я решил стать вашим гидом. Эта выдумка нам ещё пригодится, если случится что-нибудь непредвиденное. В общем, они ответили мне тем, что перечислили закрытые на карантин регионы. Я разговорился, выудил у них кое-какие даты и названия городов, и теперь чётко представляю себе, где находится нужный нам человек.

— Прекрасно, — сказал Морвин, наклонился и принялся собирать монеты. — Что мы будем

делать?

— Прыгнем назад в подпространство. Я сказал им, что мы сворачиваем круиз. И вынырнем в другой точке. Их орбитальная система раннего оповещения примитивна. Мы проскользнём незамеченными.

— Потом сядем в закрытой зоне и подберём его?

— Вот именно.

— Я вот что подумал. Что, если мы найдём его, а он скажет, что не хочет улетать с нами, не хочет становиться оружием? Что тогда делать? Похищать его?

Малакар посмотрел на него внезапно сузившимися глазами. Потом улыбнулся.

— Он пойдёт с нами.

Морвин опустил взгляд.

— Так, просто интересно…

— Я сейчас изменю курс и уйду в подпространство при первой же возможности, — сказал Малакар.

Морвин кивнул, позвенел монетами.

— *Кажется, пришло время для очередной порции прививок,* — сказал Малакар уже из-за перегородки. — *Шинд, проследи за этим.*

— *Хорошо.*

Морвин подбросил монетки в воздух. Несколько мгновений они вращались сверкающим смерчом, потом со звоном посыпались в его ладонь.

— Вот ещё одна, — протягивая руку, сказала Джакара.

Монетка выпрыгнула из её пальцев и со звонким «клинк» присоединилась к своим собратьям.

Джакара уставилась на него.

— Что-нибудь случилось?

Он ссыпал монеты в карман.

— Не знаю.

— Знаешь, — сказал Шинд. — Его ответ заставил тебя ещё раз подумать о твоей собственной роли в нашем предприятии. И о последствиях.

— Естественно.

— Ты заметил, что он изменился и начинает распоряжаться людьми так, как никогда не посмел бы раньше.

— Кажется так.

— Джакара, например. Почему она с нами?

— Представить себе не могу.

— Он выдвинул множество причин, но из всех них значение имеет только одна. Джакара боготворит его и никогда не сомневается в

правильности его поступков. Он никогда не признается в этом, но такая поддержка ему сейчас необходима.

— Потерял уверенность в себе?

— Он стареет. Время для него бежит слишком быстро, он ни на шаг не приблизился к цели.

— Как ты объясняешь моё присутствие?

— Вариант того же самого. Дело не в том, что ты можешь заставить пулю пролететь мимо цели, или силой разума сбить с курса звездолёт. Твоё уважение — вот что успокаивает его. Пусть он не может до конца доверять тебе, твоё присутствие возвращает ему полузабытые ощущения права повелевать людьми.

— Однако, если он рискует, если не доверяет мне...

— Дело обстоит не совсем так, он знает, что может контролировать тебя.

— Как?

— Он полностью подчинил себе Джакару и знает о твоих чувствах к ней.

— Я и не подозревал, что это бросается в глаза... и что капитан под старость научился замечать подобные вещи.

— Конечно, нет. Это я сказал ему о твоих чувствах.

— Боже мой! Зачем? Мои чувства — не…

— Это было необходимо. Без причины я не стал бы вторгаться в область твоих эмоций. Я сделал это только для того, чтобы обеспечить твоё присутствие.

— Только потому, что ты беспокоишься за него?

— Это уже не так просто…

— Шинд, я приготовлю инъекции.

— Хорошо, Джакара.

Морвин наблюдал, как она встала и подошла к задней стенке каюты. Потом он отвернулся и уселся на кровать.

— Что ты имеешь в виду, Шинд?

— Нам ясно, что Малакар изменился. Конечно, мы тоже. Он всегда был нещепетилен — одно время это почиталось достоинством — и мне стоило немалого труда разобраться, стал ли он таким в ещё большей степени, или просто я сам становлюсь более консервативным. Однако недавний случай снял этот вопрос и вызвал у меня сильное беспокойство. Это было на Дейбе, где мы искали следы Х и обнаружили, что он — Гейдель фон Хаймак. Мы столкнулись с другим человеком, занимавшимся поисками той же самой информации. Он тоже преуспел и пытался

переубедить Малакара. За сотрудничество он предложил нам немыслимую цену — возвратить Землю к её довоенному состоянию.

— Это невозможно.

— Возможно. Человеком этим был Фрэнсис Сэндо, и пока он говорил, я изучал его мысли. Он не лгал. И он был чрезвычайно обеспокоен.

— Сэндо? Планоформер?

— Да. Он много общался с пейанцами, самой древней из известных нам разумных рас. Он был совершенно уверен в том, что человек, которого мы ищем, вступил в не совсем нормальный и в высшей степени опасный контакт с одним из пейанских божеств, ведающим одновременно болезнями и их исцелением.

— И ты веришь в это?

— Важно не то, во что я верю, и не то, действительно ли та штука — божество, а то, что, как я считаю, произошло нечто совершенно необыкновенное. Сэндо был уверен, что в том месте существует опасная концентрация силовых полей, и убеждённость его основывалась на обширных и разносторонних знаниях, касающихся этого феномена. Я знал нескольких пейанцев — они очень странный, но одарённый народ. При встрече с Сэндо я понял, он — кто угодно, только

не сумасшедший. В душе его живёт великий страх, и, я полагаю, для страха есть причины. Малакар не стал даже разговаривать с ним. Вместо этого он хотел убить его. Чтобы спасти жизнь Сэндо, я сказал Малакару, что он мёртв. На самом деле тот только потерял сознание.

— Что случилось потом?

— Мы вернулись домой. Малакар начал поиски фон Хаймака.

— Джакара была с вами?

— Да.

— Она думает, что Малакар убил его?

— Да.

— Понятно... И теперь организация Сэндо охотится за нами?

— Скорее всего, нет. На Дейбе не было его агентов, значит, делом фон Хаймака он занимается в одиночку. Полагаю, он не собирается менять планы. Нет, месть Сэндо меня сейчас не волнует. Твоё присутствие нужно мне для другой цели.

— Для какой же?

— Я не преувеличивал ни мой страх за Малакара, ни те ужасы, которые, по моему убеждению, ожидают нас. Ты нужен, чтобы убить Гейделя фон Хаймака, как только мы найдём его.

— Однако!

— Это необходимо. Ты должен убить его.

— А если я откажусь?

— Тысячи людей могут умереть, не только капитан, — умереть ужасной, никому не нужной смертью. Может быть, миллионы…

— Не знаю, откуда…

— Но ты знаешь меня, и не первый день. Ты знаешь, что я не делаю ничего, предварительно не поразмыслив как следует. Ты знаешь мою верность капитану и то, что без крайней нужды я никогда не пойду против него. Неужели ты полагаешь. что я выдумал бы всё это, не будучи уверенным в своей абсолютной правоте? Ответ тебе известен. Я читаю его в твоих мыслях.

Морвин прикусил губу. Джакара подошла к нему, держа наготове вакуумный шприц. Он закатал рукав и вытянул руку.

— Мне надо подумать.

— Думай сколько угодно, но я уже знаю ответ.

* * *

Разведчики нашли человека на тропе и с помощью одеял и воды несколько облегчили его страдания. Ожидая прибытия вызванного аэрокара, они вслушивались в его слова, которые то путались от приступов жара, то вновь обретали

смысл, когда приступы ослабевали.

— …разборчиво, — говорил он, глядя мимо них в небо. — Хоть и чокнутый, но говорил разборчиво. Не знаю… Ага, вспомнил. Худой. Худой, грязный, весь в болячках. Я был у склада, когда он появился… Нет. Волосы, как грязный нимб. Ваш незнакомец. Пришёл… не знаю откуда. Дайте попить… спасибо. Не знаю… Откуда он шёл? Он не сказал. Он говорил. Не помню, что именно… Чудно… Это и был тот, про кого вы спрашиваете. Не сказал своего имени. Оно ему и не нужно. Влез на ящик и начал говорить… Никто не остановил его, не сказал, чтобы он убирался прочь... Он… не помню. что он говорил. Он совсем чокнутый… Но говорил. А мы слушали. У нас мало развлечений… Он вроде бы проповедовал… но не совсем. Проклинал, наверное. Не помню… Стоп. Подождите. Ещё водички. Спасибо. Смешно… Чокнутый проповедник. Жизнь и смерть… Вот оно! Конечно! Как всё умрёт. А мы слушали. Не знаю, почему. Мы знали, что он чокнутый. Все так сказали… когда он ушёл. Но никто не перебивал его. Словно… Пока он говорил, мы верили ему. Он был… прав. Чокнутый, но прав… Нет, я не видел, в какую сторону он ушёл. Хотите его послушать? Сэм, он тут главный… записал кое-что. Потом дал

нам послушать… Однако без него всё звучит по-другому. Мы смеялись, когда слушали запись… Просто чокнутый, вот и всё. Попросите Сэма, если только он не стёр. Послушайте его сами… Тогда меня и начало трясти. Боже! Да он же был прав! Он был, наверное… кажется…

Разведчики доложили обо всем своему командиру и, после того, как больного забрали, пошли далыше, прочёсывая местность, останавливаясь кому-нибудь помочь или что-нибудь записать, хороня мёртвых, утешая умирающих, переговариваясь по радио с другими группами, прочёсывая поляны, обыскивая дома, взбираясь на холмы. Разведчики.

Из закоулков неба полезли облака, и они начали проклинать надвигающийся шторм, который промочит их ботинки и инфракрасные теплоискатели. Один, который знал историю, проклял даже Фрэнсиса Сэндо, который спроектировал и построил планету, названную Вершина.

* * *

Словно ковры, развернулись облака, таща за собой обтрёпанную бахрому, устремились к некоей точке между небом и землёй, смешали голубизну неба своей жемчужной серостью, из которой

медленно исчезла вся прозрачность, и вот уже взгромоздились новые слои облаков, взбираясь выше и давя то, что под ними, затемняя, уменьшая, размывая очертания деревьев и скальных вершин, превращая ползающих по земле людей и животных в туманные тени; но дождя всё не было, туман поднялся, новая роса выступила на травах, окна покрылись капельками влаги; влага собралась, побежала ввиз, закапала с листьев, звуки исказились, словно мир окутался ватой; птицы летели к холмам низко, ветры затихли, и мелкие зверюшки затаились, подняли мордочки, встряхнулись, нагнули головки, пошли дальше, за холмами, скрытые туманом, на местности, уже прочёсанной разведчиками, и гром затаил дыхание, молния сдержала свой удар, дождь остался непролитым, температура покатилась вниз, облако упало на облако, радуга рассыпалась, краски вытекли, мир превратился в пустой экран, по краям которого ползало что-то мокрое неправильной формы.

* * *

Подпирая большими пальцами челюсть, приложив кулаки к щеке, доктор Пелс вслушивался в хриплый голос:

— Я… кто посмел сказать, что имеет право на жизнь? Я… Космос не гарантирует жизни. Наоборот! Единственное обещание, которое даёт и держит Вселенная — смерть! Я… Кто сказал, что жизни положено процветать? Все факты говорят об обратном! Всё, что поднялось из первобытной слизи, в конце концов исчезло! Каждое звено в исполинской цепи живых существ привлекает к себе то, что порвёт эту цепь! Жизнь пожирает сама себя и сгибается под тяжестью мёртвой природы! Почему? А почему бы и нет? Я…

— …виновны! В том, что существуете. Вглядитесь в себя, и вам откроется истина… Посмотрите на скалы в пустыне! Они не производят себе подобных, в них нет ни мыслей, ни желаний. Ничто живое не может сравниться с кристаллом в его молчаливом совершенстве! Я…

— …не говорите мне ни о святости жизни, ни о её приспособляемости. Каждый новый шаг в адаптации влечёт за собой ещё более мрачный ответ, и эхо его в порошок стирает возгласившего о жизни. Только покой свят. Отсутствие слуха порождает мистические звуки. Я…

— …был, сотворив из своего дерьма жизнь. Но и вы виновны. В том, что существуете. Наш угол Вселенной загажен! Из дерьма богов произросла

зараза жизни… Вот она, святость! Всё, что живёт — зараза для чего-нибудь другого! Пожрав сами себя, мы сгинем! Скоро, совсем скоро! Я…

— Я… Братья! Восславьте камень! Он не страдает! Радуйтесь и незамутнённой воде, и воздуху, и скале! Завидуйте кристаллам! Скоро мы станем похожими на них — совершенными, молчаливым…

— Просите не о спасении, но о том, чтобы грядущее не торопилось — наслаждайтесь агонией, наступающим покоем! Я… Я… Я…

— Молитесь, рыдайте, горите… Я… Прочь… прочь!

Доктор Пелс заново включил запись и принял прежнюю позу. Он чувствовал эмоции, весьма схожие с теми, что испытывает от музыки Вагнера, которого старался слушать прежде. Всего ещё один раз..

— Каким образом это обстоятельство может помочь нам?.. — начал было он, но замолчал и улыбнулся.

Никак оно не поможет. Но доктор Пелс почувствовал себя лучше. Время покажет…

* * *

Гейдель фон Хаймак шёл по извивающейся над пропастью тропой. Остановившись в самой высокой её точке, он посмотрел назад и вниз, на скрытые туманом места, где он только что побывал. Он моргнул и нервно огладил бороду. Смутное чувство неблагополучия усилилось. Что-то было не так. Он прислонился спиной к скользкой, как стекло, скале и положил руки на посох. Он затруднился сказать, что именно, но что-то изменилось в окружающем мире. Это было нечто большее, чем затишье перед бурей. Кто-то ищет его, кто-то, к встрече с кем он ещё не готов.

Может быть, она хочет поговорить со мной? — подумал он. Зарыться в нору и попробовать узнать, так ли это? Нет, мне нужно торопиться. Убраться подальше отсюда, пока не разразился шторм. Зачем я оглядываюсь? Я…

Он провёл рукой по волосам, до крови прикусил нижнюю губу. Солнечный луч прорвался сквозь облака и заставил туман заплясать сверкающими радугами. Блестя глазами из-под нахмуренных бровей, он смотрел на них примерно десять секунд, потом отвернулся.

— Будь ты проклята! — сказал он. — Кто бы ты

ни была…

Стукнув в бессильной ярости посохом по скале, он пошёл вниз.

* * *

Он сидел на камне и охотился. Потом он встал и пошёл по долине между холмов, усеянной обломками скал, не пересечённой ни одной тропинкой. Он шёл, а птицы мелькали вокруг него, вылетая из колышущейся завесы тумана и исчезая в ней же.

Охотясь, он добрался до середины склона каменистого холма, уселся на узкий выступ, достал сигару, откусил кончик, зажёг. Он смотрел на долину. Порыв ветра прошёлся по ней, разогнав туман, и на мгновение она предстала перед его взором — пустынная.

Ящерица, чья кожа переливалась красками, словно поверхность мыльного пузыря, спустилась со скалы и разделила с ним выступ, постреливая кроваво-красным язычком в его сторону, не сводя немигающих жёлтых глаз с его лица. Он почесал ящерице спинку.

— И что же ты думаешь? — спросил он через несколько минут. — Я не заметил здесь ни единого тела с тёплой кровью, ни одного с разумом.

Пока он курил, туман вновь отвоевал долину. Наконец он снова начал спускаться. Ящерица подвинулась к краю выступа и следила за ним критическим взором.

Пройдя полмили, он оказался в компании двух похожих на хорьков хищников. Высунув языки, они метались под его ногами, словно восхищённые передвижением его ботинок. Время от времени они шипели и тявкали тонкими голосами. Они не обращали внимания ни на птиц, ни на зверей, вылезших из своих нор, чтобы присоединиться к ним.

Когда он остановился у покрытого ржавыми разводьями валуна, чтобы поохотиться мозгом, животные затихли. Ледяной ручеёк журчал неподалёку, мрачные деревья с листьями в форме бриллиантов покачивались на его берегах, туманы катились по поверхности его вод. Он смотрел на ручей, не видя его, жевал сигару. Охотился.

Некоторое время спустя.

— Нет, — сказал он. — Почему бы вам, зверюшкам, не пойти домой?

Они отступили, но продолжали смотреть на него, и когда он пошёл, остались на месте.

Перейдя ручей, он двинулся дальше, без карты, без компаса. Обозначив мозгом группу неудачли-

вых разведчиков на востоке, куда сначала хотел идти сам, он стал забирать к западу.

Он шёл, проклиная всё и вся. Между взрывами проклятий он выбросил сигару. Потом остановился, повернулся на восток и смотрел туда примерно полминуты.

В отдалении ударил раскат грома, через мгновение — ещё один. Потом ещё несколько, и раскаты стали непрекращающимся рычанием. Вибрировал не только воздух, но и почва. Ветер ноднялся на западе и полетел полюбопытствовать — что за гроза?

Он пошёл дальше, на этот раз на юг, параллельно грозовому фронту. К полдню на западе сверкнуло что-то и привлекло его внимание.

— Интересно, что это? — спросил он ползущую рядом по земле тень. — Что-то знакомое, но слишком далеко… Надо быть поосторожнее.

Молниеносными бросками, посылая вперёд импульсы разума, он пошёл, а туман любовно скрыл его и приглушил звук его шагов.

* * *

Съёжившись внутри своего пончо, Морвин, центр пятидесятифутового круга видимости, тащился вперёд. Защитив себя от атмосферной

влаги, он всё равно промок — от пота. Ладонь казалась липкой, когда он прикасался к рукоятке пистолета. Он подумал о Малакаре и Джакаре, идущих по более сухой тропе от пещеры, где стоял спрятанный «Персей». Он подумал об обвале, который они устроили, чтобы скрыть вход в пещеру, и постарался не думать о том, как трудно будет вызволить из неё корабль.

— *Ну что, Шинд?* — спросил Морвин.

— *Если я замечу что-нибудь, ты узнаешь об этом первый.*

— *Как там Джакара… и Малакар?*

— *Они выходят из тумана в зону лучшей видимости. Они прослушивают радиопереговоры разведчиков между собой и с доктором Пелсом. Кажется, разведчики не нашли пока ничего, кроме плохой погоды. У них похуже, чем здесь. По крайней мере, она не устаёт жаловаться.*

— *Неужели разведчики так близко, что ты можешь читать их мысли?*

— *Нет. Информацию я получаю только от Малакара. Разведчики от нас милях в четырёх к северо-западу.*

— *Этот Пелс, которого ты. упомянул… это ТОТ САМЫЙ доктор Пелс?*

— *Вероятнее всего. Он сейчас на орбите точно*

над нами.

— Зачем?

— Кажется, он руководит поисками.

— Значит, Х и ему нужен?

— Похоже на то.

— Мне всё это ужасно не нравится, Шинд — то, что они знают, что причина всего — один человек, и охотятся за ним в то же самое время, в том же самом месте. И Пелс тут же… Если я решу поступить как ты предлагаешь, неприятностей может быть куда больше, чем мы ожидали.

— Я тоже думал об этом и о том, не будет ли спокойнее, если мы найдём Х, передать его разведчикам Пелса. Если он окажется у них, наши проблемы разрешатся сами собой.

— Как ты предлагаешь осуществить это?

— Найти его, связать. Привлечь к нему внимание разведчиков. Не получится — убить его и заявить, что мы поступили так в целях самообороны. Они думают, что он — сумасшедший, и наша версия покажется им правдоподобной.

— А если Малакар первым найдёт его?

— Придётся придумать что-нибудь ещё. Несчастный случай, например.

— Как мне всё это не нравится!

— У тебя есть другие предложения?

— Нет.

После этого разговора они шли ещё почти час и вышли из тумана в более тёплое и чистое место, более ровное, хотя и иссечённое трещинами и забросанное валунами. Чёрные птицы с пронзительными криками пролетали над головой. Ветер устойчиво дул с запада.

Морвин снял пончо, сложил его, свернул, подвесил к поясу. Вынул платок и начал вытирать лицо.

— Кто-то впереди, — сказал ему Шинд.

— Наш человек?

— Возможно.

Морвин расстегнул кобуру.

— Возможно? — переспросил он. *— Ты — телепат, так прочти же его мысли.*

— Это не так просто. Люди редко повторяют в мыслях свои имена, а с тем, кого мы ищем, я ни разу не встречался.

— Мне всегда казалось, что ты способен на большее, чем читать то, о чём человек думает в данную минуту.

— Ты знаешь, что я могу, а что — нет. Учти — он далеко от нас, и сильно чем-то обеспокоен.

— Чем же?

— Он чувствует, что за ним охотятся.

— Если он — фон Хаймак, подозрения его совершенно оправда ны. Но как он об этом догадался?

— Во всём этом деле ещё много неясного. Мозг его пребывает в ненормальном состоянии. Я бы сказал, крайняя степень паранойи, мысли — о смерти и болезнях.

— Понятно.

— Тебе, но не мне. Не совсем. Он сознаёт, что делает и, кажется, получает от этого удовольствие. Происходящее представляется ему чем-то вроде божественной миссии. Да, это тот, кто нам нужен.

— Сколько от нас до него?

— Примерно полмили.

Морвин заторопился вперёд, напряжённо взглядываясь в полумрак.

— Я только что разговаривал с капитаном. Ему показалось, теплоискатель кого-то засёк, но, скорее всего, это было животное. Он спросил, как у нас дела, и я обманул его.

— Молодец. Что поделывает сейчас Х?

— Он поёт. Мозг его заполнен песней. Это пейанская молитва.

— Странно…

— Это ОН странный. Какое-то мгновение он сознавал, что я проник в его мозг. Теперь это

чувство исчезло.

Морвин ускорил шаги.

— Мне хочется поскорее разделаться с этим, — сказал он.

— Конечно.

Они уже почти бежали.

* * *

Фрэнсис Сэндо вздохнул. Мартлинд — уже невидимый, но слышимый разумом — медленно прошагал рядом с Малакаром и его спутницей. Сэндо тут же вышел из зоны действия их детекторов. Быстрая мысленная проба показала ему, что Малакар тоже вздохнул, уверившись в том, что заметил он всё-таки зверя, а не человека.

Следовало быть осторожным, — ругнул он себя. Непростительная ошибка. На моих собственных мирах я становлюсь слишком беззаботен. Вывод? Побольше осторожности, поменьше грубой силы. Пришлось обманывать их детекторы… Вот!

Быстро шагая, он снова вспомнил мысли Малакара и Джакары…

Злоба. Каким же он стал злым, подумал Сэндо. Девушка тоже ненавидит, но в её ненависти есть что-то ребяческое. Интересно, будут ли они придерживаться своего плана, если поймут, к каким

же в действительности результатам он приведёт? Не мог же Малакар до такой степени утратить способность восприятия, что видит только мертвецов, но не умирающих. Если бы он походил тут подольше, посмотрел, к чему привело появление Гейделя фон Хаймака… Интересно. Повлияло бы это хоть как-нибудь на его чувства? Всё-таки он изменился, даже за тот короткий отрезок времени, что прошёл со дня нашей встречи на Дейбе. А уж в тот день он действовал не слишком последовательно и слишком жестоко.

Именно тогда покалывание началось внутри мозга Малакара, и Сэндо мгновенно остановил свои мысли, поняв, что не сможет отойти незамеченным. Он даже не ругнулся — нельзя было выказывать *никаких* эмоций, вибрация чувств выдала бы его. Нужно притвориться, что ты не существуешь. Никаких ответных реакций, что бы ни произошло. Даже тогда…

Странное ощущение. Два телепата одновременно копаются в мыслях одного человека и пытаются при этом спрятаться друг от друга…

Сэндо недавно прослушал обмен мыслями между Шиндом и Малакаром, никак не реагируя, но уяснив при этом их цели и степень продвижения к этим целям. Когда мысленный разговор закон-

чился, он снова привёл мысли в движение, вывел их из мозга Малакара, слегка коснулся мозга Джакары и отпрянул, ужаленный присутствием в нем Шинда.

Он вынул очередную сигару, раскурил.

До чего всё сложно, чёрт бы вас всех подрал! Разведчик слева — они ещё далеко, но двигаются сюда. Малакар справа. Шинд, который заметит меня в ту секунду, когда я потеряю осторожность. А где-то впереди — человек, которого я ищу…

Он медленно пошёл на восток, параллельно Малакару, стараясь держаться вне радиуса действия детекторов, слегка, с интервалом в полминуты, касаясь опушек разумов Малакара и девушки.

Может быть, лучше позволить им найти его, а потом отнять? Но они могут и не… Тогда… Нет.

Внезапно все эти вопросы перестали нуждаться в ответах.

* * *

Пытаясь остановить свой быстрый шаг, Морвин споткнулся. Он взобрался на невысокий скалистый гребень раньше Шинда и сквозь клубящуюся полутьму увидел человека, измождённого, чёрного. Он стоял, опираясь на посох и глядел на Морвина, который, ни секунды не

сомневаясь в том, кто этот человек, внезапно растерялся. В себя он пришёл, услышав Шинда.

— Это он! Я уверен! Но что-то не так… Он знает про нас! Он…

Морвин схватился за голову, упал на колени. Он никогда ещё не слышал мысленного вопля.

— Шинд! Шинд! Что происходит?

— Я… Я… Она завладела мной! Она…

В следующее мгновение мозг Морвина уже клубился, подобно туману, захваченный потоком наложенных друг на друга форм и цветов, смешанных с такой чёткостью и ясностью, что он перестал различать, что существует реально, а что — нет. Но вот всё заволокло синевой, а в глубине её неслись в дикой пляске мириады голубых женщин; и когда Морвин понял — без всякой видимой причины — что множественность их — всего лишь символическая иллюзия, они начали смешиваться, сливаться, соединяться одна с другой и превращаться в более конкретные образы. Морвин обнаружил, что стал объектом пристального изучения раскачивающихся женщин. Их оставалось всего две: одна — высокая, мягкая, прекрасная, мадонна сострадания, и другая — похожая внешностью на первую, но с преобладанием в облике того, что Морвин мог назвать

только беспощадностью. Потом и они слились — и лицо рождённой от этого союза женщины напоминало лицо второй. Стоя среди голубых молний, она посмотрела на Морвина немигающими, лишёнными век глазами, и взгляд этот мгновенно сорвал с него и плоть, и разум, ужаснув его своей первозданной, нереальной силой.

— *Шинд!* — закричал он и, вытащив оружие, начал стрелять.

— *Она использует меня!* — казалось, кричал Шинд. — *Помоги мне!*

Бесполезное оружие выскользнуло из пальцев Морвина. Он ощутил себя в гуще сна, вселенского кошмара. Двигаясь без движения, думая без мысли, инстинктивно действуя так, будто работает с субстанцией сна, он схватил образ и приложил к нему свою волю. Движимый на этот раз ужасом, который, подобно огню, охватил всё его существо, Морвин обнаружил, что в состоянии управлять силой, превосходящей всё, чем он владел раньше, и нанёс удар по насмехающемуся над ним созданию, принявшему образ женщины.

Лицо её изменилось — с него исчезли все признаки довольства. Фигура её уменьшилась, исказилась, исчезла, вернулась, исчезла, вернулась. При каждом её исчезновении Морвин видел

человека, лежащего теперь на земле.

Болезненный вой заполнил его голову. Потом вой исчез, исчезла она и, наконец, он сам.

* * *

— Стой!

Малакар обернулся.

— В чём дело?

— Уже ни в чём, — ответила она. — Мы закончили своё дело. Пора возвращаться на корабль. Мы улетаем.

— О чем ты говоришь? Что с тобой?

Джакара улыбнулась.

— Ничего, — сказала она. — Со мной всё в порядке.

Малакар внимательно посмотрел на неё, и понял, что что-то изменилось. За несколько секунд он разложил свои впечатления по полочкам. Первое, что поразило его — некая особая расслабленность Джакары. Внезапно ему пришло в голову, что он никогда прежде не видел её такой приятно взволнованной. До этой минуты она всем своим поведением напоминала готового выполнить любой приказ солдата. Голос её тоже изменился — стал мягче, женственнее, но вместе с тем приобрёл властность — шелковистую и

гибкую.

Соображая, какой же вопрос задать первым, он сказал просто:

— Не понимаю.

— Конечно, не понимаешь, — сказала она. — Нам нечего больше искать. То, что ты ищешь — перед тобой. Фон Хаймак нам больше не нужен, потому что я нашла себе лучшее обиталище. Мне нравится Джакара — её тело, её примитивная страсть — и я останусь внутри неё. Теперь мы вместе совершим всё, что ты задумал. И больше. Намного больше. Ты получишь свои эпидемии, своих мертвецов. Мы займёмся лечением главной болезни — жизни. Давай вернёмся на корабль и полетим куда-нибудь, где много людей. К тому времени, как мы доберёмся туда, я буду готова. Ты станешь свидетелем зрелища, способного удовлетворить даже такую страсть, как твоя. И это будет только начало…

— Джакара! У нас нет времени для шуток! Я…

— Я не шучу, — тихо сказала она, поднимая руки к его лицу.

Она провела пальцами по щеке Малакара, задержала их на висках, парализовала его видением смерти. Повсюду мёртвые и умирающие. Симптомы разнообразнейших болезней мелькну-

ли перед ним, представленные как на выставке, на бесчисленном множестве тел. Он увидел планеты, бьющиеся в тисках эпидемий, лишённые жизни миры, их улицы, дома, мёртвые поля усеяны трупами, гавани, о причалы которых бьются трупы, реки, задушенные трупами, распухшими, разлагающимися. Все были равны перед смертью, все превратились в трупы.

Малакару стало плохо.

— Боже мой! — выдавил он из себя. — Что ты такое?

— Ты видел то, что видел и не понял?

Он отпрянул.

— Тут что-то нереальное. Та голубая богиня, про которую Сэндо…

— Как тебе повезло! — сказала она. — И мне тоже! Твои возможности значительно превосходят возможности моего прежнего послушника, а ведь у нас общая цель…

— Как получилось, что ты смогла захватить тело Джакары?

— Твой слуга Шинд был связан с её мозгом, и по этой ниточке я вошла в него. Она показалась мне предпочтительнее того человека… До чего приятно снова ощутить себя женщиной!

— *Шинд! Шинд!* — позвал он. — *Где ты? Что*

с тобой?

— Твои слуги плохо себя чувствуют. Они больше не нужны нам. Их всё равно пришлось бы оставить здесь. Особенно человека по имени Морвин. Пойдём к кораблю!

Слабо, очень слабо, словно собака, царапающаяся в дверь, Шинд коснулся его мозга.

— …прав… Сэндо был прав… Я видел разум… превосходящий всякое понятие… Убей… её

Малакар, голова которого шла кругом, нашарил кобуру…

— Жаль, — сказала она. — Нам было так хорошо вдвоём. Но теперь я могу всё сделать одна и боюсь, что именно так мне и придётся поступить.

…и понял, что опоздал, потому что пистолет Джакары уже глядел на него из руки незнакомки.

* * *

Чёрной волной поднялись клочья сознания, упали, снова поднялись. Волна несёт, вверх, потом вниз. Вверх…

Взгляд Морвина упал на пистолет.

Морвин не успел понять, кто он такой, но рука его уже схватила пистолет, сжала его. Холодное слияние ладони и выпуклой металлической ру-

коятки означало спасение.

Он заметил тропинку обратно в жизнь, пошёл по ней, поднял голову.

— *Шинд? Где ты?*

Но Шинд не ответил и не подошёл.

Повернув голову, Морвин посмотрел на лежащего шагах в двадцати человека. Тело его было в крови.

Он встал и подошёл к человеку.

Тот дышал. Лица его Морвин не видел. Вытянутая в сторону правая рука человека дёргалась. Морвин постоял над телом, обошёл его, встал на колени и заглянул в лицо. Глаза человека были открыты, но ничего не видели.

— Ты слышишь меня? — спросил Морвин.

Человек резко выдохнул, вздрогнул. В глазах его зажёгся свет, они ожили и встретились с глазами Морвина. Его мертвенно-бледное лицо было покрыто угрями, шрамами, открытыми язвами.

— Я слышу тебя, — тихо сказал он.

Морвин поудобнее перехватил пистолет.

— Гейдель фон Хаймак? — спросил он. — Это тебя называют Х?

— Я — Гейдель фон Хаймак.

— Но ты — Х?

Человек ответил не сразу. Вздохнул, откашлял-

ся. Морвин посмотрел на его раны. Удар пришёлся ему в правое плечо.

— Я долго болел, — сказал он наконец. Потом хрипло, невесело рассмеялся и добавил: — А теперь я выздоровел.

— Хочешь пить?

— Да!!

Морвин засунул пистолет в кобуру, отвинтил крышку фляги, осторожно поднял голову Гейделя и стал лить воду в его полуоткрытый рот. Прежде чем закашляться и отвернуться, Гейдель выпил полфляги.

— Почему ты не сказал, что хочешь пить?

Гейдель глянул на пистолет, слабо улыбнулся, пожал здоровым плечом.

— Мне показалось, что ты не захочешь делиться со мной.

Морвин убрал флягу.

— Ну, так что же? Ты — это Х? — спросил он.

— Какая разница? Но чуму разносил я.

— Ты знал об этом?

— Да.

— Неужели ты так ненавидишь людей? Или просто тебе плевать на них?

— Ни то, ни другое… Стреляй.

— Почему ты позволил этому случиться?

— Это уже не имеет значения. Она ушла. Всё кончено. Стреляй.

Всё ещё улыбаясь, Гейдель сел.

— Ты хочешь умереть?

— Чего ты ждёшь?

Морвин закусил губу.

— Ты знаешь, что это я стрелял в тебя… — начал он.

Гейдель фон Хаймак нахмурил брови и медленно покрутил головой, осматривая своё тело.

— Я… я и не подозревал, что в меня стреляли, — сказал он. — Да, теперь я вижу. И чувствую…

— Ты знаешь, что с тобой произошло?

— Я что-то потерял. Что-то в моем мозгу. Теперь это ушло, и я чувствую себя так, как не чувствовал вот уже много лет. Шок… освобождение, чувство облегчения…

— Как? Что же всё-таки случилось?

— Я сам не до конца понимаю… Один момент эта штука была внутри меня, потом я почувствовал присутствие ещё чего-то… Потом — всё куда-то делось… Когда я пришёл в себя, ты был уже здесь.

— Какая штука?

— Ты не поймёшь. Я и сам-то…

— Голубая женщина… богиня?

Гейдель фон Хаймак опустил голову.

— Да, — ответил он и схватился за своё плечо.

— Покажи мне рану.

Гейдель позволил перевязать себе плечо. Выпил ещё воды.

— Почему ты стрелял в меня? — спросил он после долгого молчания.

— Можно назвать это рефлексом. Эта… штука, которая вышла из тебя — напугала меня до полусмерти.

— Так ты видел её?

— Да, с помощью телепата.

— Где она?

— Не знаю, но кажется, она тоже ранена.

— Не лучше ли выяснить это? Ты можешь оставить меня. Я не могу быстро ходить.

— Придётся, наверное, — сказал Морвин.

— Шинд! Чёрт бы тебя побрал! Где ты? Что с тобой?

— Оставайся, — пришёл слабый ответ. *— Оставайся там. Со мной всё в порядке. Надо только немного отдохнуть…*

— Шинд! Что произошло?

Молчание.

— Шинд! Ответь же!

Ответ пришёл.

— Малакар мёртв… А теперь жди… Жди.

Морвин молча посмотрел на свои ладони.

— Так ты идёшь или нет? — спросил его Гейдель.

Он не ответил.

— Джакара! Шинд, что с Джакарой?

— Она жива. Подожди.

— Что случилось? — спросил Гейдель.

— Не знаю.

— Твой друг?..

— Жив. Мы только что разговаривали с ним. Не в этом дело.

— В чём же?

— Не знаю. Пока не знаю. Я жду.

— Джон, я попытаюсь выяснить… Тут нельзя ошибаться. Эта богиня здесь.

— Где?

— В Джакаре.

— Как? Как это случилось?

— Наверное, я сам невольно помог этому. Она переместилась в Джакару, когда я поддерживал с ней контакт.

— Как погиб капитан?

— Она застрелила его.

— Так что же теперь с Джакарой?

— Вот это я и пытаюсь выяснить. Оставь

меня. Как только я что-нибудь найду, тут же сообщу тебе.

— Что мне делать?

— Ничего. Жди.

Молчание.

— Теперь ты знаешь? — спросил Гейдель.

— Ничего я не знаю… Только то, что и сам кое-что потерял.

— Так что же всё-таки происходит?

— Мой друг пытается выяснить. По крайней мере, теперь мы знаем, где твоя богиня… Как ты себя чувствуешь?

— Я не могу разобраться в своих чувствах. Она долго была со мной. Многие годы. Сначала она лечила мной заболевших какой-нибудь редкой болезнью… словно мы носили в себе одновременно и болезнь, и лекарство от неё. Самому мне ничего не угрожало.

Потом, в Италбаре, я допустил ошибку. На меня напали и забросали камнями. Мне казалось, что я умру в Италбаре. После этого всё изменилось. Я узнал, что природа её двойственна. В обеих своих ипостасях она функционирует таким образом, чтобы лечить болезни… В той форме, что была вначале, она стремилась очистить жизнь. В другой — саму жизнь считала болезнью, и лечила от

неё материю. Я был её апостолом в обеих ипостасях… Какой она была, когда ты увидел её?

— Синей, злобной, могущественной. Прекрасной. Казалось, она смеётся надо мной, грозит…

— Где она сейчас?

— Она завладела телом женщины… недалеко отсюда. Она убила человека.

— Ох!

— Ты знал, что тебя ищут?

— Да, я каким-то образом догадывался об этом.

Неподалёку ударил раскат грома. Когда он стих, Морвин сказал:

— Может быть, она и права…

— В чём?

— В том, что жизнь — сама по себе болезнь.

— Не знаю. Это не имеет никакого значения. Абсолютно никакого. Только такой взгляд на вещи оправдан и неважно, в какой ипостаси она в данный момент времени.

— Ты сам… так и смотришь на вещи?

— Наверное. Я… поклонялся ей. Я верил ей. Может быть и сейчас верю.

— Как плечо?

— Болит.

— Наверное, она делала много хорошего.

— Наверное.

На юге сверкнули яркие вспышки, за ними ударил гром. Несколько капель упало на них, вокруг них.

— Пойдём к тем скалам, — сказал Морвин. — Там должны быть углубления. Может, не промокнем.

Он помог Гейделю подняться, положил его руку себе на плечи и поддерживал его весь долгий путь до скал.

— *Их двое* — пришла мысль Шинда, — *и они движутся навстречу друг другу.*

— *Кто двое? О чём ты?*

Но Шинд, казалось, не слышал его.

— *Они сознают существование друг друга,* — продолжал он. — *Мне нужно быть очень, очень осторожным… Она сделала мне так больно… Странно, что я не обратил внимания на эту особенность ещё при первой встрече… Но теперь это ближе к поверхности. Фрэнсиса Сэндо тоже сопровождает туманная Другая.*

— *Сэндо? Он здесь? С Джакарой?*

— *Они разговаривают. У неё в руке пистолет, но он стоит слишком далеко. Я сейчас на самом краю событий и не могу сказать, знает ли она, что Сэндо не один. Он позвал её по имени и это привлекло её внимание. Она отвечает. Он*

подходит ближе. Кажется, она не собирается стрелять — любопытство её возбуждено. Они говорят на незнакомом языке, но я улавливаю обрывки мыслей. Кажется, он знает её… каким-то образом. Она ждёт, пока он подойдёт поближе. Он салютует каким-то знакомым ей способом. Он говорит, что она нарушила какое-то правило, которого я не понимаю. Она слегка удивлена этим.

Морвин довёл фон Хаймака до убежища в скалах. Помог ему сесть, прислонив спиной к камню. Сел рядом с ним и уставился в клубящийся туман. Дождь разошёлся вовсю.

— Он приказывает ей уйти… не понимаю, куда… и как. Она смеётся. Это смех сквозь слезы… Он подождал, пока она прекратит и заговорил. Это нечто формальное — запомненное ранее, не импровизация. Речь его сложна, ритмична, содержит множество парадоксов. Непонятно… Она слушает.

— Гейдель, она сейчас с человеком, который, предположительно, пытается остановить её. Не знаю, что из этого выйдет. Как бы то ни было, у меня нет ни малейшего предположения, что же будет с тобой. Мой капитан, мой лучший друг, мёртв. То, что он задумал, исполнится, хотя и

нельзя назвать его замыслы великими. Но сам он был великим человеком и, наверное, я помог бы ему. С другой стороны, я мог убить тебя — для него ты представлял слишком большую опасность. Как ни крути…

— Очевидно, я заслужил всё, что случилось или случится со мной.

— Меня поражает то, как тобой манипулировали — и обстоятельства, и автономный паразитирующий энергетический комплекс, обладающий паранормальными возможностями.

— Как ты ловко выражаешься…

— Специалисты по паранормальным явлениям преследовали меня всю жизнь. Я — телекинетик — что бы это ни значило. Я передвигаю вещи силой разума, я могу заставить предметы вызывать в людях специфические чувства. Вот и понахватался терминологии. Мне жалко тебя. Тобой воспользовались, а я мог бы оказаться частью эксплуатирующей тебя команды. Скажи, чего ты сейчас хочешь?

— Чего? Не знаю… Смерти? Нет. Я хочу… уйти. Далеко-далеко. Мне всегда хотелось именно этого. Я столько лет был кем-то другим, что мне хочется заново познакомиться с собой. Да, уйти…

— *…закончил и ей больше не весело. Она говорит*

ему злые слова, грозит… Но теперь то, что есть в его мозгу, значительно ближе к поверхности. Он говорит ей об этом, упоминает меня… Шимбо, кажется. Она поднимает пистолет…

Ослепительная вспышка, удар грома. Морвин вскочил на ноги.

— Шинд! Что случилось?

— Что?.. — спросил фон Хаймак, вскидывая голову.

Морвин медленно опустился на прежнее место. Гром прозвучал снова и превратился в низкий рокот, который уже не прекращался.

— Молния ударила между ними, — сказал Шинд. — Она уронила пистолет, он схватил его, отбросил. Но он перестаёт быть сам собой. Их разумы становятся непрозрачными. Они стали похожи друг на друга, между ними идёт обмен энергией. Полагаю, он просит её удалиться, а она жалуется на несправедливость этого. В ней растёт страх. Он отвечает. Она что-то делает… Теперь сердится он. Он снова приказывает ей удалиться. Она начинает спорить. Он прерывает её, спрашивая, хочет ли она, чтобы их спор закончился противоборством.

Гром прекратился. Ветры стихли. Внезапно остановился дождь. Сверхъестественная тишина

овладела пропитанным туманом воздухом.

— Я больше ничего не воспринимаю, — сказал Шинд. *— Они будто превратились в статуи.*

— Шинд, где сейчас ты сам, я имею в виду, в каком месте?

— Довольно близко от них. Я подкрадывался к ним с тех пор, как ко мне вернулось сознание. Я надеялся, что ещё можно что-то сделать, но теперь мной движет только чистое любопытство. Мы в четверти мили от тебя.

— Ты заглядывал в мозг фон Хаймака?

— Да. Он всё ещё в депрессии. Но безвреден…

— Что мы будем с ним делать?

— Разведчики скоро подойдут. Пусть найдут его.

— Что они с ним сделают?

— Трудно сказать. Группа, которую я подслушал, относится к поискам, как к обычной работе, но некоторые её члены жаждут мести… Стоп! Они двигаются! Она поднимает руку и начинает говорить. Он тоже делает какой-то жест и говорит вместе с ней. Теперь…

Морвину показалось, что сверкающий купол неба обрушился, а последовавший удар грома стал самым громким звуком, какой ему доводилось слышать. Когда сознание его очистилось, он

увидел. что дождь пошёл снова и почувствовал во рту вкус крови из прокушенной губы.

— *Что там, Шинд?* — спросил он.

Снова молчание.

— Гейдель, сюда подходит поисковая группа. Они хотят найти тебя, чтобы остановить эпидемию.

— Поиски нужно прекратить. Я чувствую, как изменяюсь. Я узнаю чувство безопасности — оно приходит. Оно уже почти пришло.

— Но так как ты — единственный, осведомлённый об этом чувстве, они несомненно схватят тебя. Мне известно, что поисками руководит доктор Лармон Пелс. Он запрет тебя в карантин и будет изучать. Таким образом ты сможешь удовлетворить желание побыть одному.

— Насколько это реально?

— Единственное препятствие — сами разведчики. Некоторые из них могли потерять родственников, друзей…

— Наверное, ты прав. Какие будут предложения? Кроме простого бегства, конечно.

— Если бы мы только знали…

— *Кажется, спор между ними решён,* — сказал Шинд.

— *Как?*

— Не могу сказать. Они оба без сознания.

— Ранены?

— Нет, наверное, это результат психического шока, но я не уверен. Тебе лучше подойти сюда. Ты можешь понадобиться Джакаре.

— Как вас найти?

— Расслабь свой мозг и дай мне проникнуть в него поглубже. Я доведу тебя.

— Не очень быстро. Гейдель едва способен двигаться.

— Зачем он тебе?

— Мне он не нужен. Это мы нужны ему.

— Хорошо. Иди.

— Вставай, Гейдель, — сказал Морвин. — Нам пора.

Они встали и, укрывшись. под одним пончо, пошли сквозь дождь и мглу. Влага покрыла звёздочками их лица. Ветер подгонял их в спину.

Когда они, наконец, добрались до места, Морвин увидел Шинда рядом с Фрэнсисом Сэндо. Сам Сэндо сидел, держа руку Джакары и придерживая её за плечи.

— Что с ней? — спросил Морвин.

Сэндо посмотрел на Шинда, потом на Морвина и ответил:

— Физически она в полном порядке.

Морвин усадил фон Хаймака на камень.

— Дай ему вот это, — сказал Сэндо. — Сигара. Ему нравится.

— Что?

— Понравится…

— Насколько серьёзно…

— *Мы оба просмотрели её мысли,* — сказал Шинд. — *Она снова стала ребёнком и знает, что такое счастье.*

— *Но насколько это серьёзно?*

— *Давай посмотрим, узнает ли она тебя?*

— Джакара? Как ты себя чувствуешь? Это Джон…

Она повернулась и уставилась на него. Улыбнулась. Спросила:

— Кто ты?

— *Всё-таки что-то мелькнуло,* — сказал Шинд.

Морвин протянул к ней руку. Она отпрянула, опустила глаза.

— Это же я, Джон! Не бойся!

Он запустил руку в карман, вытащил пригоршню монет и бросил их в воздух. Они беспорядочно заметались, потом образовали эллипс и закружились перед ней всё быстрее и быстрее.

На лбу Морвина выступил пот, а они враща-

лись, кружились, торопились.

— Это рекорд? — спросила она.

Монеты звенящим дождём упали на землю.

— Не знаю. Не считал. Кажется, рекорд… Значит, ты всё-таки помнишь.

— Да. Ещё раз… Джон. Пожалуйста.

Монеты подпрыгнули, завертелись снова.

— Ты по…

— *Не заставляй её вспоминать. Ей надо отвлечься. Она не хочет вспоминать. Успокой её. Развлеки.*

Он жонглировал монетами, изредка поглядывая, улыбается ли она. Он принюхивался к запаху сигары Гейделя. Он почувствовал присутствие Сэндо в своём мозгу.

— *…Так вот чем ты ударил её,* — сказал он. — *Теперь я понимаю…*

Мысль внезапно исчезла.

— *Нет!* — воскликнул Морвин. — *Не говори мне, что эта штука перебралась в мозг Джакары потому, что я нанёс удар СВОИМ разумом! Я…*

— *Нет,* — сказал Сэндо слишком поспешно. — *Нет. Она была идеальным объектом. Кроме того, существовал канал…*

— *…сооружённый мной,* — вмешался Шинд.

— *Неизвестно,* — сказал Сэндо. — *Оставим*

это. Вероятнее всего, для подобного перехода не нужны никакие особые внешние условия. Я знаю ещё об одном таком случае. Жизнь и так достаточно сложна, чтобы взваливать на себя груз дополнительной вины.

— Ещё раз, Джон, — сказала Джакара.

— Потом, — сказал Сэндо, вставая сам и помогая подняться ей. — Возьми его за руку, — он разместил ладонь Джакары в ладони Морвина. — Шинд говорит, что поисковая партия совсем близко. У меня нет никакого желания связываться с ними. Если вы разделяете это мнение, милости прошу со мной. Я вижу по вашим лицам, что это так. Пойдём. Мой корабль в той стороне.

— Подожди. Капитан, — сказал Морвин. — Малакар. Где он?

— За теми скалами. Футах в пятидесяти. Разведчики скоро найдут его. Мы ему уже ничем не поможем.

Но Морвин уже повернулся и пошёл к скалам.

— Я не стал бы показывать ей труп!

Он остановился.

— Ты прав. Забирай её. Идите без меня. Мне нужно ещё раз посмотреть на него.

— Мы подождём.

— Разведчики совсем рядом!

— Знаю.

Ураган взъярился с новой силой, но область главного удара лежала чуть в стороне от них.

— Спасибо за сигару… сэр.

— Фрэнк. Зови меня Фрэнк.

— Когда придёт поисковая группа, им покажется, что тут произошло убийство.

— Оно отнюдь не будет первым нераскрытым в истории человечества.

— Но когда узнают, *кто* убит…

— …поднимется вопль. Да. Представь себе возможные слухи. Политическое убийство. Малакар порадовался бы, узнав, что смертью своей он может принести ДИНАБ больше пользы, чем всем тем, что совершил после войны.

— Как так?

— К концу сессии неожиданно объявят незапланированное голосование по статусу Лиги. Чувства, вызванные его смертью, придутся как раз к месту. Когда-то он был весьма популярным человеком. Можно сказать, героем.

— В конце концов он превратился в усталого, озлобленного старика. Это было бы забавно…

— Да. Слухи эти надо будет тщательно организовать. Восстановление родной планеты, как части ДИНАБ, тоже пригодится. Я не смогу при-

ступить к работе раньше, чем через пару лет, но объявлю о ней в самый подходящий момент.

— Значит, то, что говорят про тебя, правда…

— Что?

— Нет, ничего. Что будет с фон Хаймаком?

— Это его дело. Но я позабочусь о том, чтобы он поговорил сначала с Пелсом. Если он пожелает, пускай отправляется в клинику ко мне на Хоумфри, а Пелс будет сидеть на орбите вокруг неё и совещаться с персоналом. Если учесть, что он — один из немногих, кто понимает, что же здесь произошло, ему лучше побыть там… по крайней мере, до голосования… И да, конечно, я родился на Земле. Много лет назад.

— …мягонький, — сказала Джакара, наклоняясь, чтобы погладить Шинда.

— *И тёплый,* — добавил Шинд. — *Очень удобно в такую погоду. Джон возвращается. Скажи ему, куда ты хочешь улететь.*

Джакара посмотрела на подошедшего Морвина.

— Джон! — воскликнула она. — Увези меня в тот замок, с огненным рвом. На Землю.

Морвин взял её за руку и кивнул.

— Пойдём, — сказал он.

Глава 6

И однажды пришла весна, в завитках и пятнышках цвета, зелёная, и рыжая, и мокрая; и птицы резвились в голубизне, проливая вопросительные трели; накатились прохладные солёные бризы с моря, разбивающегося о скалы так же, как пять тысяч лет назад; и огонь планеты спрятался в каменных теснинах под их ногами там, где ему и положено быть; и они шли, никуда не торопясь, среди рощ, полей и свежевымытых холмов.

Шествуя внутри самого желанного для себя шара, он подумал о Пелсе, потому что сначала он думал о музыке, невидимой, невесомой, подчиняющейся законам только своей собственной логики. Он не думал ни о Фрэнсисе Сэндо, ни о Гейделе фон Хаймаке, ни даже о Капитане, потому что она только что сказала: «Какой чудесный день!» и это так, подумал он, облако в небе, бельчонок на ветке, девушка, и этого достаточно… достаточно.